

1994

ЕСИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

Е
Р
Е
М
О
Н
В

КЛИФФОРД САЙМАК

*ЭВОЛЮЦИЯ
НАОБОРОТ*

ГОРДОН ДИКСОН

*ЧЕРНЫЙ
ЧАРЛИ*

ФРЕДЕРИК ПОЛ

*ОНИ ТАК
ЛЮБИЛИ
ДРУГ ДРУГА!*

КЭРОЛИН ЧЕРРИ

*ПОСЛЕДНЯЯ
БАЗА*

7

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

7'94 (21)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО –
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО –
ПОПУЛЯРНЫЙ

ЕСМ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Клиффорд Саймак. *Эволюция наоборот.* 4

Наталья Сафронова. *В шуме техники.* 13

Гордон Р. Диксон. *Черный Чарли.* 16

Анатолий Кантор. *Цена – свободная...* 21

Фредерик Пол. *Они так любили друг друга!* 26

Павел Гуревич. *Притяжение светил.* 28

Джон Морресси. *Проблема с кадрами.* 32

Олег Жадан. *Профсоюзы всех стран, соединяйтесь!
Не то стрелять будем.* 38

Кэролин Черри. *Последняя база.* Роман. 42

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Заместитель редактора:
Елена Босовская.

Редакция:
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Наталья Сафронова,
Елена Сеславина,
Татьяна Сычева.

Иллюстрации:

Олег Васильев (*Г. Диксон*),
Ольга Дунаева (*Ф. Пол*),
Александр Жабинский (*Д. Морресси, К. Черри*),
Константин Рыбалко (*К. Саймак*).

Верстка:

ОО «Апокриф»

В журнале использованы шрифты
из библиотеки Проху Туре,
изготовленные фирмой «Проксима».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 5.04.94. Сдано в печать 10.06.94.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д. 7.
Усл. печ. л. 12,2. Уч. изд. 14,1. Тираж 98 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ №

© «Если»

Перепечатка материалов допускается
только с разрешения редакции.

Представительство Лондонского Лингафонного Института

LINGUAPHONE

Курсы Linguaphone для самостоятельного изучения иностранных языков

В 1989 г. эти курсы признаны лучшими на ежегодном конкурсе пособий и самоучителей Англоговорящего союза.

Секрет успеха курсов Linguaphone заключен в простой методике:

*Вы слушаете -
Вы понимаете -
Вы говорите!*

Английский, французский, немецкий

Всего 30 минут в день достаточно, чтобы через 3 месяца Вы смогли говорить и понимать иностранный язык!

Курсы Linguaphone рассчитаны на широкий круг людей:

- курс для начинающих
- повышенный курс
- деловой курс
- детский курс
- курс русского языка для иностранцев

Курсы по почте не высылаются!

В комплект курсов входят: набор аудиокассет или компактдисков, прослушивающие устройства, словари, учебники, методики.

За дополнительной информацией обращайтесь в СП "Лингафон-МН": 103829 Москва, Тверская ул., 16/2 (ред. "Московские новости")

тел. (095) 200-01-48
факс (095) 200-10-90

МОТИВ

Клиффорд Саймак
Эволюция наоборот

Старший негодант приберег в грузовом отсеке местечко специально для корней баабу, обещавших прибыли больше (унция золота за унцию корней), чем все другие товары, какие удалось заполучить на доброй дюжине планет, где корабль совершал посадку.

Однако деревушки гуглей, обитателей планеты Зан, поразила какая-то напасть. Корней баабу, собранных загодя в ожидании корабля, не было и в помине. Старший негодант метался по трапу вверх и вниз, накликаая на головы гуглей страшные проклятия, позаимствованные из лексикона двух десятков языков и культур.

В своей камдрке на носу, всего на ярус ниже поста управления и капитанской каюты, координатор Стив Шелдон прокручивал ролик за роликом записи, относящиеся к данной планете, и в который раз вчитывался в библию своего ремесла — «Путеводитель по разумным расам» Деннисона. Шелдон искал скрытый ключ к разгадке, насиловал свою перегруженную память в надежде выкопать хоть какой-нибудь фактик, который мог бы иметь отношение к делу.

Тщетно — фактик не находился, записи не помогли.

Зан относился к числу планет, не замеченных в эпоху первой волны космических открытий, — его обнаружили всего-то пять веков назад. С тех пор торговые корабли совершали сюда регулярные рейсы ради корней баабу. В должном порядке торговцы сообщили о планете в ведомство внеземных культур. Однако ведомство, заваленное более важными делами, чем обследование захолустных планеток, сдало сообщение в архив и, разумеется, начисто забыло о нем.

Вот почему никто никогда не проводил на планете Зан серьезных исследований, и ролики записей не содержали почти ничего, кроме копий контрактов, заявок, лицензий и сотен счетов, накопившихся за пять столетий торговли. Правда, тут и там были вкраплены письма и другие сообщения со сведениями о гуглях или о самой планете, но цена им была невысока: ведь все это писали не квалифицированные наблюдатели, а безграмотные торговцы — космические бродяги.

Впрочем, Шелдон нашел и одну высокоученую диссертацию о корнях баабу. Из нее он узнал, что баабу растет только на планете Зан и ценится как единственное известное лекарство от некоей болезни, распространенной в одном из секторов Галактики. Поначалу баабу были дикорастущими, и гугли собирали их на продажу, но в недавние времена, как уверял автор, были предприняты попытки окультурить полезное растение, и сбор диких баабу пошел на убыль.

Шелдон не смог бы выговорить ни точное химическое наименование лекарства, ни название болезни, от которой оно исцеляет, но эту трудность он преодолел пожатием плеч: в данных обстоятельствах все это не имело значения.

Справочник Деннисона посвящал планете Зан полтора десятка строк, и они не сообщили Шелдону ничего такого, чего бы он не знал. Гугли были до известной степени гуманоидами и принадлежали к культурному классу 10, с вариациями от 10-А до 10-К; они отличались миролюбием и вели пасторальное существование; всего было известно тридцать семь племенных деревень, причем один род обладал по отношению к остальным тридцати шести диктаторскими полномочиями, хотя и смягченными традициями. Существовало, что руководящее положение периодически переходило от деревни к деревне, от рода к роду, видимо, в соответствии с какой-то ненасильственной ротационной системой, отвечающей дикарским представлениям о политике. По натуре гугли были существами совсем не воинственными.

Вот и все сведения, какие предлагал справочник. Оттолкнуться было практически не от чего.

Но коль на то пошло, утешал себя Шелдон, координатор в принципе почти обречен на безделье, пока корабль не угодит в какую-нибудь передрагу. Настоящая нужда в координаторе возникает лишь тогда, когда все, не исключая его самого, окажутся в глубокой луже. Найти способ выбраться — именно в том и состоит его работа. И вспоминают о нем, только если не оаеается другого выхода. Конечно, в обязанности координатора входит держать торговцев в узде, следить, чтобы они слишком нагло не надували тех, с кем ведут дела, не нарушали туземных табу, соблюдали чужие обычаи и придерживались минимальных формальностей, — но это простая повседнежная рутина, не более того.

И вот после долгого спокойного полета — чрезвычайное происшествие: на планете Зан не оказалось корней баабу, и Дэн Харт, капитан звездолета «Эмма», гневается, скандалит и ищет козла отпущения, хотя и без особого успеха.

Шелдон загодя услышал, как капитан шагает по лесенке, приближаясь к каюте координатора. Судя по грохоту, который поднимал Харт, настроение у него было хуже некуда. Шелдон отодвинул ролики на край стола и постарался привести себя в состояние безмятежного равновесия — иначе беседовать с капитаном было попросту невозможно.

— Рад приветствовать вас, капитан, — произнес Шелдон, как только пышущий гневом визитер переступил порог.

— Добрый день, координатор, — отозвался Харт, хотя было видно, что вежливость стоит ему больших усилий.

— Я просмотрел все имеющиеся материалы, —

сообщил Шелдон. — К сожалению, зацепиться практически не за что.

— Значит, — попытался Харт, и владеющая им ярость чуть не вырвалась из-под контроля, — вы не имеете понятия, что тут происходит?

— Ни малейшего, — весело подтвердил Шелдон.

— Я надеюсь на иной ответ, — заявил Харт. — Хотелось бы получить от вас внятное объяснение, мистер координатор. Настал момент, когда вам придется отработать свое жалованье. Я таскаю вас с собой годами и плачу вам солидную сумму не потому, что мне так нравится, а потому, что меня к этому принуждают. И все эти годы вам было нечего или почти нечего делать. Теперь у вас есть дело. Я мирился с вашим присутствием, хотя вы держали меня за глотку, мешая работать. Я сдерживал свой язык и темперамент, как мог. Но теперь у вас есть дело, и уж я прослежу за тем, чтобы вы от него не отлынивали. — Он вытянул шею вперед, как черепаха, злобно выглянувшая из панциря. — Вам понятно, что я хочу сказать, мистер координатор?

— Понятно, — ответил Шелдон.

— Вы займетесь этой проблемой всерьез. И приступите к делу немедленно.

— Уже приступил. И установил, что в письменных источниках нет ничего полезного.

— Что же вы теперь намерены предпринять?

— Наблюдать и думать.

— Наблюдать и думать! — взвизгнул Харт, возмущенный до глубины души.

— Появились догадки, которые необходимо проверить. Рано или поздно мы докопаемся, в чем тут заговоздка.

— И сколько времени это займет?

— Пока не могу сказать.

— Стало быть, не можете! Должен напомнить вам, мистер координатор, что в космической торговле время — деньги.

— Вы опережаете график, — спокойно возразил Шелдон. — Вы стояли на своем в течение всего рейса. Вечно торопились, вели торговлю бесцеремонно, вопреки правилам, установленным для общения с внеземными культурами. Я был вынужден раз за разом настойчиво напоминать вам о важности этих правил. Вы вели себя так, будто сам дьявол наступает вам на пятки. Экипаж нуждается в отдыхе, и сколько бы дней мы ни потратили на распутывание здешней загадки, они пойдут ему на пользу.

Харт изменил тактику.

— У меня контракт на корни баабу, — проговорил он, — и лицензия на данный торговый маршрут. Могу вам признаться, что я делал ставку на эти корни. Пять лет назад, когда мы в последний раз прилетали сюда, все было в порядке! Никакая культура не может развалиться ко всем чертям за такое короткое время!

— Кажется, перед нами нечто более сложное, чем культура, развалившаяся ко всем чертям, — произнес Шелдон. — Как будто бы туземцы действовали по плану, вполне сознательно. Деревня класса 10 стоит как стояла, в полутора-двух милях отсюда к востоку. Стоит покинутая, дома заколочены. Все прибрано, все опрятно, будто жители ушли ненадолго и намерены вернуться в недалеком будущем. А в двух милях от деревни класса 10 появилась другая деревушка со всеми признаками 14-го класса.

— Бред какой-то! — воскликнул Харт. — Как может целый народ утратить сразу четыре культурных уровня? Да если даже так, зачем им было переселиться из домов 10-го класса в тростниковые хижинки? Даже варвары, когда завоевывали римские города, вселялись во дворцы и храмы и о тростниковых хижинах не горевали...

— Не знаю, в чем тут дело. Моя обязанность в том и состоит, чтобы узнать.

— Их молельня ставит меня просто в тупик. И парник позади нее. А в парнике растет баабу!

— Откуда вам это известно? — резко спросил Шелдон. — Вы же до сих пор не видели растений, только корни!

— Несколькими годами назад один из туземцев показал мне посевы, многие акры! Это же целое состояние, а я не мог вырвать ни корешка! Они заявили, что надо потерпеть, пока корни не подрастут.

— Я уже приказал ребятам, — объявил Шелдон, — держаться от молельни подальше, а сейчас повторю это вам, Харт. Запрет относится и к парнику. Если я поймаю кого-нибудь, кто попытается добыть из парника корни баабу или что-то другое, виновный не рассчитается до конца дней своих!..

Вскоре после того как Харт отбыл не солоно хлебавши, по трапу вскарабкался старшина гуглей, вождь деревни, и пожелал видеть координатора.

Вождь был немой и с головы до ног облеплен паразитами. О стульях он не имел понятия и расположился на полу. Шелдон поднялся с кресла и сел на корточки лицом к гостю, но в тот же миг заерзал и отодвинулся: от вождя несло вонью.

— Привет тебе, вождь, — вымолвил Шелдон.

— Пришел слушать, — сказал вождь.

— Что?

— Разные истории, — уточнил вождь. — Вы их называете анекдотами. Ты знаешь?

— Знаю парочку. Боюсь только, что они не слишком хороши.

— Расскажи, — потребовал вождь, деловито почесываясь одной рукой. Второй рукой он не менее деловито выковыривал грязь, застрявшую между пальцами ног.

Шелдон рассказал ему про женщину и двенадцать мужчин, очутившихся на одном астероиде.

— Ну и что? — спросил вождь.

Тогда Шелдон рассказал ему другую историю попроще, а главное — откровенно похабную.

— Эта лучше, — одобрил вождь, но смеяться и не подумал. — Знаешь еще?

— Нет, других не знаю, — отмахнулся Шелдон: продолжать вроде бы не имело смысла. Но потом он рассудил, что с инопланетянами надо ладить любой ценой, тем более что это его прямая обязанность, и предложил: может, кто другой? Наш кок знает такие истории, что умрешь от смеха.

— Хорошо, — заявил вождь и поднялся с пола. — Потом.

Вернувшись за стол, Шелдон какое-то время слушал, как вождь тихо топчет по трапу. Завершал коммуникатор. Это оказался Харт.

— Первый катер-разведчик на борту, — сообщил он. — Облетел пять других деревень, и всюду то же самое. Гугли покинули прежние жилища и поселились в грязных хижинах на небольшом удалении. И в каждом из тростниковых поселе-

ний своя молельня и свой парник.

— Дайте мне знать, когда появятся остальные разведчики, — сказал Шелдон.

— Еще одна новость, — продолжил Харт. — Вождь просил нас пожаловать вечером в деревню.

— Уже прогресс, — отозвался Шелдон. — Первые дни они нас просто не замечали. Или удирали во все лопатки.

— Появились у вас свежие идеи, мистер координатор?

— Одна есть. Или даже две.

— И что вы намерены предпринять?

— Пока ничего, — объявил Шелдон. — Времени у нас достаточно.

Отключив коробку-верещалку, он откинулся на спинку кресла. Свежие идеи? Одна, пожалуй, есть. Хотя не слишком богатая. Что если это обряд очищения? Или местный эквивалент возвращения к природе? Нет, не получается. Ведь культура класса 10 и не уведила гуглей от природы на расстояние, когда появляется истовое желание к ней возвратиться.

Что такое класс 10? Жизнь, разумеется, очень простая, но довольно комфортабельная. Еще не преддверие века машин, но совсем чуть-чуть до него. Своеобразный золотой век варварства. Добротные прочные поселения с несложным, но крепким хозяйством и нехитрой торговлей. Ненастоящая диктатура и пасторальное существование. Никакого избытка законов. Терпимая религия с минимумом табу. Народ — одна большая семья без резких классовых различий.

И тем не менее они отказались от своей идиллической жизни.

Психоз? Похоже на то.

В нынешнем своем состоянии гугли еле сводят концы с концами. Их словарь обеднел. Черт возьми, сказал себе Шелдон, ведь даже я владею сегодня языком лучше, чем вождь.

Средства к существованию у нынешних гуглей едва достаточны для того, чтобы не умереть от голода. Они охотятся и рыбачат, собирают дикорастущие фрукты и коренья, но при этом у них постоянно урчит в животе, а между тем вокруг покинутых деревень лежат поля под парами, пустуют в ожидании мотыги и плуга, и по всем признакам эти поля были в обороте еще год-два назад. Вне сомнения, здесь выращивали не только овощи, но и баabu. А сегодня гугли не имеют понятия ни о плугах, ни о мотыгах, ни о семенах. Их хижина слеплены кое-как и тонут в грязи. У них сохранились семьи, но моральные установления таковы, что вызывают тошноту. Оружие — каменное, а о сельскохозяйственных орудиях никто и не слыхивал.

Культурный регресс? Но почему столь стремительный? И как объяснить тот факт, что гугли отступили в деревушки класса 14, однако в центре каждой деревушки оказалась молельня, позади молельни парник, а в парнике баabu? Парники возведены из стекла, а больше нигде в деревушке класса 14 стеклами и не пахнет. Ни одно существо класса 14 не сумело бы возвести такой парник, да и молельню, коль на то пошло. Потому что молельня — отнюдь не хижина, а здание из обработанного камня и бревен, и двери заперты каким-то хитроумным способом. Впрочем, с дверями никто из землян не возился. На чужих планетах гостям, мягко говоря, не рекомендуется соваться в молельню без спроса.

Готов поклясться, сказал Шелдон, беседуя вслух с самим собой, что молельню строили не дикари. Если я еще хоть что-то понимаю, ее построили до начала регресса. И парник тоже.

Что мы делаем на Земле, когда уезжаем в отпуск, а дома остаются цветы? Мы относим горшки к соседям или друзьям или договариваемся с кем-нибудь, чтобы к нам навевались и поливали наши растения.

А если мы решили уйти в отпуск из культуры класса 10 в класс 14, и у нас есть растения баabu, которые мы непременно хотим сохранить как семенной фонд, как мы поступим тогда? Баabu нельзя отнести к соседям, потому что и соседи, в свою очередь, уходят в отпуск. Единственное, что нам остается, — возвести парник и оснастить его массой автоматических устройств, которые позаботятся о растениях, пока мы не вернемся и не станем вновь заботиться о них сами.

Но это значит, это почти неоспоримо доказывает, что регресс не был случайным.

Перед визитом в деревню члены экипажа напялили чистое платье, помылись и побрились. Кок Сальный Феррис вытащил свою гармонику и радиотренировки наиграл мелодию-другую. Банда предполагаемых хористов из машинного отделения решила порепетировать — получился кошачий концерт. Капитан Харт поймал одного из мотористов с бутылкой и одним хорошо поставленным ударом сломал ослушнику челюсть — способ поддержания дисциплины, который Шелдон в беседах с Хартом оценивал как необязательный.

Сам координатор надел полупарадную форму. Может, и глуповато было выражаться ради каких-то дикарей, но он утешал себя тем, что по крайней мере не приходится надевать парадный мундир со всеми регалиями. Он уже натягивал куртку, когда послышались шаги Харта: капитан вновь спустился из своих апартаментов в каюту координатора.

— Все разведчики вернулись на борт, — объявил Харт с порога. Повсюду одно и то же. Все до единого племени перебрались из-прежних деревень в лачуги вокруг молелен и парников.

— Так я и подозревал, — обронил Шелдон. Харт глянул на него, словно прикидывая, как бы полвечнее накинуть на хвосту петлю. — Это же логично, — добавил Шелдон. — Если одно племя по каким-то причинам вернулось к дикости, надо полагать, что так же поступили и остальные.

— Но почему, мистер координатор? В чем причина? Вот что мне надо знать!

Шелдон спокойно произнес:

— Именно это я и намерен выяснить.

С трапа донеслись чьи-то торопливые шаги — вверх, вверх. Харт поспешно обернулся к двери, и Сальный Феррис, ввалившись в каюту, едва не налетел на капитана. Глаза у кока округлились от возбуждения, он шумно пыхтел.

— Они открывают молельню, — выдохнул кок. — Они только что...

— Шкуру спушу! — зарычал Харт. — Я же приказал не приближаться к молельне!

— Это не наши, сэр, — сумел выговорить Сальный. — Это гугли.

Харт резко повернулся к Шелдону.

— Тогда сейчас нам в деревню идти не следует.

— Напротив! — ответил Шелдон. — Они нас пригласили. Мы не можем их обидеть.

Харт, помедлив, вышел. Кок собрался было

последовать его примеру.

— Постой-ка, Сальный. Ты видел, как открыли молеблюню?

— Так точно, сэр.

— А что ты там, собственно, делал?

— Видите ли, сэр...

По лицу кока было видно: он спешно выдумывает, что бы такое соврать. И Шелдон перебил:

— Я рассказал вождю анекдот. Но до него, похоже, не дошло.

Кок сообщил с ухмылкой:

— Ну, видите ли, дело было так. Гугли начали варить какое-то пойло, а я дал им несколько советов, просто чтобы чуть-чуть помочь. Они же все делали наперекосья, и было бы жаль, если б классную выпивку сгубили за просто так. Вот я и...

— Вот ты и наведаясь к ним еще раз — отведаешь, что получилось.

— Да, сэр, вроде того.

— Теперь понятно. Скажи мне, Сальный, а кроме как по части выпивки, других советов ты им не давал?

— Ну еще я рассказал вождю парочку анекдотов.

— Понравились они ему?

— Не знаю, — ответил Сальный. — Кажется, да.

— А дальше?

— Дальше? Ну, кто-то из них взял тростинку и принялся мастерить дудку, но все как-то не складно...

— И ты показал ему, как это делается?

— Точно, — признался Сальный.

— И теперь ты, наверное, чувствуешь себя миссионером?

— Мм... — промычал кок.

— Да ладно, — примирительно сказал Шелдон.

— Но на твоём месте я бы не слишком налегал на улучшенную выпивку.

Выпивка лучшего качества, подумалось Шелдону. Лучшая выпивка, лучшая дудка, несколько скабрёзных анекдотов. Ну и что? Он покачал головой: все это вместе взятое тоже не имело никакого смысла.

Шелдон расположился на корточках по одну сторону от вождя, Харт по другую. С вождем произошла удивительная перемена. Прежде всего он помылся и перестал чесаться, и от него не воняло. И между пальцами ног больше не было грязи. Он подстриг бороду и даже прошелся по волосам гребешком — раньше в них торчали сучки, репы, а может, и птичьи гнезда, и по сравнению с прежней причёска была колоссальным достижением.

Однако одним этим перемены не ограничились. Произошло нечто большее. Шелдон долго не мог сообразить, что именно, хотя мучился этим вопросом непрерывно, даже когда пытался попровобовать месиво чудовищного вида и запаха, которое перед ним поставили (вилок, естественно, не полагалось).

Вождь по соседству с Шелдоном упоенно чмокал и чавкал, запихивая еду в рот обеими руками поочередно. И только по привыкннув к этому чавканью, Шелдон понял, что же такое изменилось в вожде. Он стал говорить правильнее. Днём он пользовался упрощённой, примитивной версией собственного наречия, а нынче владел языком свободно, можно сказать — почти в совершенстве.

Координатор быстро обвел взглядом землян, расположившихся кружком на голой почве. Каж-

дого землянина усадили меж двух гуглей, и если только аборигены не были слишком заняты чавканьем и глотанием, они считали своим долгом вести с гостями беседу. Будто у нас в Торговой палате, подумалось Шелдону: если уж затеяли званый обед, то каждый лезет из кожи вон, чтобы гости были довольны и чувствовали себя как дома. Какой же разительный контраст с первыми днями после посадки, когда туземцы лишь боязливо выглядывали из хижин и бурчали что-то невнятное или удирали от пришельцев во всю прыть...

Вождь вычистил свою миску круговыми движениями пальцев, а затем обсосал их, постанывая от удовольствия. И вдруг, повернувшись к Харту, сказал:

— На корабле я видел, что люди используют для обеда доски, поднятые над полом. Зачем это?

— Это называется стол, — пробормотал Харт.

— Не понимаю, — произнес вождь, и Харт был вынужден рассказать ему, что такое стол и насколько удобнее есть за столом, а не на полу.

Видя, что остальные члены экипажа принимают участие в трапезе, хоть и без особого восторга, Шелдон рискнул погрузить пальцы в свою миску. Не подавшись, внушал он себе. Каким бы гнусным ни оказался вкус, подаваться ты не имеешь права... Но месиво оказалось на вкус еще гнуснее, чем можно было вообразить, и он поперхнулся. Впрочем, этого никто, кажется, не заметил.

После нескончаемой гастрономической пытки — сколько же часов она длилась? — с едой было наконец покончено. За эти часы Шелдон поведаль вождю о ножах, вилках и ложках, о чашках, стульях, карманах брюк и пальто, о счете времени и наручных часах, о теории медицины, началах астрономии и о приятном земном обычае украшать стены картинами. А Харт, в свою очередь, рассказал ему о принципах колеса и рычага, о севооборотах, лесопилках, почтовой системе, о бутылках для хранения жидкостей и орнаментах для украшения строительного камня.

Ни дать ни взять — энциклопедия, подумал Шелдон. Мой Бог, что за вопросы он задает! Для чавкающего дикаря 14-го культурного класса — самая настоящая энциклопедия! Хотя постой-ка, а принадлежит ли вождь по-прежнему к классу 14? Не вернее ли, что за последние полдня он поднялся до класса 13? Умытый, причёсанный и подстриженный, улучшивший как свои социальные навыки, так и язык... Да нет, сказал себе Шелдон, что за чепуха, так не бывает! Абсолютное безумие полагать, что такая перемена может свершиться за полдня.

Самого координатора усадили так, что прямо напротив него оказалась молеблюня с раскрытой дверью. За дверью не было ни намека на движение, ни проблеска света. Всматриваясь в ее черную пасть, Шелдон гадал, что же там такое, что может явиться оттуда или, напротив, устремиться туда. Так или иначе, он был убежден, что там, за дверью молеблюни, скрыт ключ к загадке гуглей, к загадке их регресса, ибо одно предствлялось несомненным: сама молеблюня была воздвигнута как подготовительный шаг к регрессу. Ни при каких обстоятельствах, окончательно решил он, культура класса 14 не способна воздвигнуть такую молеблюню.

По окончании трапезы вождь встал и произнес короткую речь из двух пунктов: он рад, что гости могли возможным поужинать сегодня вместе с племенем, и теперь им предстоит развлечения.

Харт тоже встал и тоже произнес речь, заверив, что земляне счастливы прибыть на планету Зан, и экипаж готов в свой черед предложить небольшую развлекательную программу, если вождю будет угодно ее посмотреть. Вождь сообщил, что ему будет угодно и его народу тоже. Затем он подал знак, хлопнув в ладоши, в круг вышли десять—двенадцать юных гуглянок и исполнили какие-то ритуальные фигуры, перемещаясь и покачиваясь без музыки. От Шелдона не укрылось, что гугли следят за танцем очень внимательно, но сам он не мог уловить в фигурах ни малейшего смысла, хотя прошел основательную подготовку по инопланетным ритуальным обычаям.

Гуглянки покинули сцену. Два-три землянина, не разобравшись, зааплодировали, но хлопки быстро погасли, перейдя в смущенную тишину: сами дикари оставались смертельно серьезны.

Затем один из гуглей вытащил тростниковую дудочку (не ту ли самую, в создании которой принял консультативное участие Сальный?) и, скрючившись в центре круга, принялся извлекать из нее дикие, ни с чем не сравнимые звуки, которые посрамили бы самого писклявого земного вольтника. Это длилось чуть не целую вечность. Под конец весь экипаж, — вероятно, от восторга, что истязание кончилось, — принялся гикать, улюлюкать, аплодировать и свистеть, будто требуя продолжения, хотя не возникало сомнений, что имелось в виду обратное.

Вождь обратился к Шелдону с вопросом, что такое делают люди. Пришлось изрядно попотеть, объясняя понятие «аплодисменты». Однако выяснилось, что два номера вчистую исчерпали развлекательную программу, как ее понимали гугли.

Настала очередь экипажа.

Ребята из машинного отделения сгрудились, обняв друг друга за плечи в лучших варварских традициях, и спели с полдюжины песен, а Сальный сопровождал, наяривая на гармонике. Они пели старые земные песни, до которых так охочи космические бродяги, и глаза у них блестели от невыплаканных слез.

Не прошло и нескольких минут, как к певцам присоединились добровольцы из экипажа, а меньше чем через час весь личный состав корабля подхватывал каждую новую песню, отбивая ритм ладонями и запрокидывая головы, чтобы земные слова уносились повыше в чужое небо.

Потом кого-то осенило, что надо бы и сплясать. Сальный склонился над гармоникой еще ниже, выкачивая из нее знакомые мотивчики: «Старик Джо Таккер», «Коричневый кувшинчик», «Старая серая кобыла», и в том же духе.

Шелдон проглядел, когда и как это произошло, но танцующих на площадке вдруг прибавилось. Гугли тоже пустились в пляс, поначалу немного сбиваясь, но под руководством земных учителей совершенствуясь на глазах. В круг входили новые и новые танцоры, пока пляски не захватили всю деревню, включая и вождя. Правда, Сальный вскоре выдохся, что и немудрено: пот тек у него по лицу ручьями. Но тут вновь объявился гугль с тростниковой дудкой и присел рядом с коком. И вроде бы враз ухватил, как играть: из дудки полились звуки сильные и чистые, он и Сальный расположились бок о бок и наигрывали, как сумасшедшие, а все остальные плясали и плясали. Вопили от удовольствия, взреывали, топтали что есть мочи и между делом перевернули пару теле-

жек, которые оказались в круге невесть как и были здесь совершенно ни к чему. Но судьба тележек никого особо не взволновала.

Шелдона оттеснили к молельне. Он оказался здесь вместе с Хартот: танцоры распались и требовали все больше места. Харт заявил:

— Ну и как, мистер координатор? Не самая ли это дьявольская затея, какую вы когда-нибудь видели?

Шелдон согласился:

— Нельзя не признать, капитан, что вечеринка прошла с успехом.

Новость принес Сальный. Принес в момент, когда Шелдон в одиночестве завтракал в своей каюте.

— Они чего-то такое вытащили из своей богдельни, — объявил кок.

— А что именно?

— Похоже на куб, — продолжил Сальный. — А в нем что-то вроде полочек. Напоминает картинку, какую вы мне однажды показали в книжке.

— Схема строения атома?

— Точно. Только тут посложней.

— И что они с этим кубом делают?

— Пока что слоняются вокруг. Не могу сказать вам точно, что они с ним делают.

Шелдон выскреб тарелку дочиста и отодвинул в сторону. Встал, натянул куртку и предложил:

— Пойдем посмотрим.

К моменту их появления вокруг непонятной конструкции собралась целая толпа дикарей, и Шелдон с коком остановились рядом, храня молчание и не шевелясь, чтобы, избави Бог, не помешать тому, что происходит.

Грани куба были футов двенадцати, и состоял он из каких-то прутьев, странным способом соединенных дисками. В целом конструкция напоминала нечто, сооруженное при помощи детского суперконструктора, с условием, что у ребенка — автора конструкции — проснулось нешуточное воображение. Внутри куба виднелись плоскости из материала, напоминающего стекло, и плоскости располагались с особой точностью — взаимному расположению плоскостей явно уделяли повышенное внимание.

На глазах землян орава гуглей вытащила из молельни что-то типа сундука, и притом тяжеленного: гугли потели и кряхтели, но все же доволокли его до куба. Тут сундук открыли и извлекли из него несколько предметов, выточенных из разных материалов — частью из дерева, частью из камня, а то и вообще непонятно из чего. И каждый предмет поместили на заранее заданную позицию на какой-то из плоскостей.

— Шахматы, — заявил Сальный.

— Что, что?

— Шахматы, — повторил Сальный. — Сдается мне, они затеяли сыграть партию.

— Может быть, — отозвался Шелдон и подумал: если это шахматы, то самые странные и заковыристые, какие я когда-нибудь видел...

Вождь заметил землян и подошел к ним.

— Теперь мы уверены в победе, — объявил он. — С помощью тех сведений, что вы нам дали, мы выиграем с закрытыми глазами.

— Рады слышать, — отозвался Шелдон.

— У других деревень, — продолжал вождь, — не хватает духу тягаться с нами. Мы ударили им прямо в центр. Третий раз подряд, без передышки.

— Примите мои поздравления, — произнес Шелдон, недоумевающая, о чем, собственно, идет речь.

— Давненько такого не было, — закончил вождь.

— Могу себе представить, — ответил Шелдон, по-прежнему наобум.

— Мне надо идти, — сообщил вождь. — Сейчас начинается.

— Постойте, — взмолился Шелдон. — Это что, какая-то игра?

— Можно сказать и так, — согласился вождь.

— Вы играете с другими деревнями, со всеми сразу?

— Верно.

— Сколько же времени это займет? Если сразу со всеми, против тридцати шести...

— Игра не затянется, — объявил вождь, усмехнувшись хитро и самоуверенно.

— Желаю удачи, — сказал Шелдон, глядя вождю вслед.

— Что все это значит? — поинтересовался Сальный.

— Пойдем отсюда, — сказал Шелдон. — У меня срочная работа.

Харт чуть не пробил головой потолок, когда узнал, что за работу задумал координатор.

— Вы не смеете допрашивать экипаж! — завопил он. — Я этого не потерплю! Они не сделали ничего плохого!

— Капитан Харт, — жестко сказал Шелдон, — вы соберете людей и установите очередность, и я буду беседовать с ними поодиночке. Допроса не будет. Просто я хочу с ними поговорить.

— Мистер координатор, — не унимался Харт, — на этом корабле я разговариваю с вами от имени всего экипажа!

— Мы с вами, капитан Харт, наговорились вчера вечером. И даже чересчур.

Несколько часов подряд Шелдон провел у себя в каюте, а члены команды входили по одному и отвечали на его вопросы. Вопросы были однотипными:

— Что гугли выясняли у вас?

— Что вы им отвечали?

— Как, по-вашему, они поняли ответ?

Шелдон сделал кучу заметок и наконец-то покончил с опросом. Затем он запер дверь, достал из стола заветную бутылку и позволил себе щедрый глоток. А потом, спрятав бутылку на место, уселся поудобнее и стал просматривать заметки, ничего не пропуская.

Пискнул коммуникатор.

— Разведчики вернулись из повторного рейса, — послышался голос Харта, — и каждая деревушка вытащила такой же куб и установила перед молельней. Все жители сидят кружком вокруг куба и, похоже, играют в какую-то игру. Время от времени кто-нибудь встает и делает ход на одной из плоскостей, потом возвращается в круг и опять сидит как ни в чем не бывало...

— Что-нибудь еще?

— Ничего. Но вы же хотели проверить именно это, не так ли?

— Да, — проговорил Шелдон задумчиво. — Пожалуй, именно это.

— Скажите хотя бы, с кем они играют?

— Деревня с деревней. Каждая со всеми другими.

— Что?! Все тридцать семь деревень? Объясните мне, черт возьми: как могут тридцать семь дере-

вень играть одну и ту же партию?

— Объяснить не могу, — ответил Шелдон. Хотя у него возникло ужасное подозрение, что объяснение есть. По меньшей мере, есть определенная догадка.

Когда стало очевидным, что регресс был спланирован заранее в планетарном масштабе, он, помнится, задался недоуменным вопросом о системе связи, без которой все тридцать семь деревень никак не могли бы впасть в дикость одновременно. Он еще сказал себе, что это требовало бы системы связи намного лучшей, чем следует ожидать от культуры класса 10. И вот, пожалуйста, вновь то же самое, и задача еще труднее — те же тридцать семь деревень вовлечены в диковинную круговую игру на доске головоломной сложности.

Это подразумевает единственно возможный ответ. Ответ совершенно неправдоподобный, но другого не дано, — телепатия. Но разве можно вообразить себе телепатию как достояние 10-го культурного класса, не говоря уже о классе 14!

Он возобновил прерванную работу. Достал большой лист бумаги, прикинул его к столу и принялся перебирать заметки заново, не пропуская ни одной и составляя на их основе определенную схему. Покончив с этим, откинулся на спинку кресла и окинул схему взглядом, потом вызвал Харта. Минут через десять капитан, одолев лесенку, постучал в дверь.

— Додумались до чего-нибудь?

— Полагаю, что да, — ответил Шелдон. И показал на схему, прищипленную к столу: — Вот, полюбуйтесь.

Харт непонимающе уставился на схему.

— Не вижу ничего особенного.

— Вчера вечером, — начал Шелдон, — мы побывали в деревне у гуглей, и за то недолгое время, что провели там, дали туземцам полное представление о культуре класса 10. Но что меня гнетет по-настоящему — мы кое в чем вышли за рамки 10-го класса. Я еще не закончил анализ, но это больше похоже не на класс 10, а на 9-М.

— Что? Что мы сделали?

— Они выкачали из нас информацию. Каждого из наших спрашивали о каких-то аспектах культуры, и не было ни единого случая, чтобы вопросы дублировали друг друга. Словно гугли распределили между собой вопросы заранее.

— Ну и что из того?

— А то, — ответил Шелдон, — что мы вмешались непрошено в одну из самых хитроумных социальных структур Галактики. Остается лишь надеяться на Господа Бога...

— Но они никогда ничем не выделялись! Они просто-напросто...

— Ну-ка, подумайте хорошенько, — перебил Шелдон, — и попробуйте сообразить, какая черта в культуре гуглей поражает больше всего. Мы торгуем с ними уже целых пять веков. Какой факт за эти пять веков выявился неопровержимо и торчит, как бельмо на глазу?

— Они тупицы, — провозгласил Харт.

— Судя по тому, что случилось, совсем наоборот.

— Они ничего не добились, — не сдавался Харт. — И, насколько могу судить, ничего не желают добиваться.

— Это часть общей картины, — уточнил Шелдон. — Их культура статична. Но главное — за все пять веков, что мы знаем гуглей, между ними не

бывало разногласий. Они ни разу не воевали! Чего при всем желании нельзя сказать ни про одну другую планету.

— Они слишком тупы для того, чтобы воевать, — высокомерно заявил Харт.

— Они слишком умны для того, чтобы воевать! — ответил Шелдон. — Да будет вам известно, капитан Харт, что гугли добились того, чего не добивалась ни одна другая раса, ни одна цивилизация во всей галактической истории. Они открыли способ одолеть войну, оставить ее раз и навсегда вне закона!

Так ведется тысячи тысяч лет. Среди звезд, на планетах, обращающихся вокруг своих солнц, одна за другой возникают и расцветают империи. Но рано или поздно все они угасают, сиротливо и поверженно, а на смену им приходят другие цивилизации и тоже в свой черед рассыпаются в прах. И те, что существуют по сей день, тоже неизбежно, дайте только срок, потерпят крушение. Цикл, древний как мир, сказал себе Шелдон: от силы к самонадеянности, от самонадеянности к безрассудству — извечная болезнь развития культур.

И не было дня с начала времен, когда бы где-нибудь в Галактике не полыхала война — не в одном созвездии, так в другом. Войны порождаются экономическими трудностями, хотя бывают и иные причины: неуемное честолюбие отдельных личностей и отдельных народов, странная тяга к гибели — психологический недуг, одолевающий порой целые цивилизации, национализм, высокомерная идеология расизма или религиозные догматы, если они оперируют понятиями крови и смерти вместо понятий любви и жизни.

А если постигнуть причины войн, классифицировать их? — подумал Шелдон. Наверное, можно найти какие-то общие закономерности, выявить факторы, ведущие к войне, и факторы, предопределяющие победу, коль скоро война разразилась.

Но предположим, что мы глубоко изучили проблему войны, изучили вызывающие ее причины и пути к победе. Предположим, что мы выявили все относящиеся к проблеме факторы в их взаимосвязи и, более того, разобрались, какой вес имеет каждая группа факторов в сопоставлении с другими группами. Какова, например, роль присущей тому или иному народу изобретательности и его технологических достижений, как соотносятся здесь храбрость и логическое мышление, высота развития культуры и потребность сохранить и защитить эту культуру, как возникает ненависть к другим или, вернее, способность к ненависти, — короче, как именно переплетаются факторы большие и малые, явные и скрытые, все слагаемые подготовки войны.

И каковы эти факторы, хотя бы некоторые из них, не в абстрактных категориях, а в конкретном воплощении? Что подталкивает культуру к войне? Что предопределяет победу? Конечно же, не только крепость стали и огневая мощь, не храбрость воинов, не искусство генералов и не материально-техническое обеспечение — и вообще не какое-то одно обстоятельство само по себе.

Могут иметь значение и всякие пустяки, мелкие, бытовые, вроде бы не имеющие прямого отношения к делу, — допустим, привычка сидеть на стуле, а не на земле, и есть ножом и вилкой, а не руками. Или, скажем, скабрзные анекдоты, и более приемлемое на вкус спиртное, и тростниковая дудка лучшего качества. Потому что любая, самая мелкая черточка затрагивает определенные

принципы: улучшенная технология перегонки спирта может подсказать путь к производству химических веществ, имеющих военное применение; извращенный ум, имеющий вкус к скабрзным анекдотам, можно приспособить к еще более пагубным пропагандистским целям; и даже знания, нужные для совершенствования музыкальных инструментов, можно применить для изготовления иных инструментов — уже не музыкальных, а смертельно опасных для жизни.

А разобравшись в этом, можно составить шкалу весомости всех факторов по отдельности, хотя их вес, как в карточной игре, будет то повышаться, то понижаться в зависимости от того, как легли карты в комбинации.

Шелдон встал и принялся мерить каюту шагами.

Предположим затем, что мы придумали игру — игру в войну — где все факторы, имеющие отношение к ней, представлены фигурками или фишками переменного достоинства. Предположим, что мы решили играть вместо того, чтобы воевать. Допустим, что такая игра способна решить, какая из сторон в случае войны одержит верх.

Далее предположим, что мы следим за развитием цивилизаций и за возникновением факторов, которые в конце концов приведут к войне. Таким образом, мы получаем возможность безошибочно определять, что, если развитие определенных факторов продолжится, война неизбежно вспыхнет через пять или десять лет. А коли так, мы обретаем и способность предотвратить войну до того, как она вспыхнет. Мы же видим опасные признаки и вычислили срок кризиса. И когда этот срок настает, мы не воюем, а затеваем игру.

Только, прервал себя Шелдон, все равно ничего не получится.

Мы можем сыграть и выяснить, чем кончится война, но что бы мы ни выяснили, факторы, ведущие к войне, никуда не делись, да и точка кризиса не переместилась. Мы оказались вновь там же, где и были; мы не добились ровным счетом ничего. Игра, пусть она и выявит потенциального победителя, кризиса не устранил.

Нет сомнений, в игре можно решить, какая из сторон победит. Игра может предсказать исход сражений. Но игра не уменьшит переизбыток населения, не решит экономических трудностей и не отнимет у противника торговых привилегий — она не изменит ситуацию по существу.

Нужно предпринять кое-что серьезнее, чем просто затеять игру. Нужно не только выяснить, кто победит в случае войны, но и ликвидировать, притом по доброй воле, ведущие к войне факторы: экономические проблемы, нетерпимость и все прочие переменные величины, сколько бы их ни было.

Значит, нужно не просто затеять игру, но и выплатить авансом определенную стоимость. Нужно вычислить цену мира и найти в себе решимость заплатить эту цену, пусть даже очень высокую.

Наверное, существует не только набор переменных, указывающий на приближение войны. Наряду с ним существует и другой набор, предупреждающий, что за каким-то пределом формула мира, найденная с таким трудом, теряет силу. Она, эта формула, может быть еще действенной для культуры класса 10, однако при дальнейшем развитии ее составляющие усложнятся настолько, что формула может рухнуть под собственной тяжестью.

культура класса 10, например, еще способна обуздать факторы, контролирующие рынок конкретных пищевых продуктов, но как обуздать те же факторы, если они должны охватить разветвленную банковскую систему целой Галактики?

Формула мира может быть работоспособной в пределах класса 10, но она может утратить эффективность в классе 9, а при переходе к 8-му классу оказаться полностью бесполезной.

Остается один вывод: гугли не только играли в свою игру, но и платили цену за мир. И эта цена — отступление вспять. Они уклонились от дальнейшего прогресса. Они отступили в класс 14 для того, чтобы пожить недолго дикарями, а потом вновь продвинулись вперед, но не так далеко, как до начала эволюции наоборот. И они добровольно вернулись к дикости — ради того, чтобы не воевать.

Они отступили вспять не потому, что в классе 14 война менее вероятна, чем в классе 10, а ради того, чтобы формула, кою скоро ее нашли, сохраняла свою эффективность. И они не спешили расставаться с 14 классом во имя того, чтобы создать резерв времени для последующего прогресса, чтобы набрать фору и не сразу приблизиться к рубежу, за которым формула мира теряет силу.

Но как они отступили? Как можно вернуться из класса 10 в класс 14? Регресс — да, конечно. Оставили уютную деревню и поселились в грязи и убожестве, а принадлежности для игры, искусно сделанные фигурки и прочие ценности, завоеванные в течение жизни по классу 10, поджидали их в целости и сохранности под замком в молельне. И рано или поздно пробил бы час, когда гугли вновь достаточно продвинулись бы в развитии, чтобы сыграть в свою игру. И сыграли бы, не отступая от вековых правил, — но тут на планете сел космический корабль и преподнес им на блюде, образно говоря, груз атомных бомб вместо луков и стрел.

Шелдон опять сел за стол и сжал голову в ладонях.

«Насколько, — спросил он себя, — насколько больше мы дали им по сравнению с тем, что у них было прежде? Неужели мы разрушили формулу? Что если мы ухитрились дать им так много, что одна эта деревушка разнесет всю систему в клочья? Предусматривает ли формула допуски и каковы они? Как далеко можно выйти за рамки класса 10, не пересекая при этом черты безопасности?»

И опять встал, и опять зашагал по каюте.

Нет, вероятно, ничего страшного не случилось, внушал он себе. Они же играли в свою игру все пять веков, что мы с ними знакомы, и невесть сколько тысячелетий до первого контакта. Они не пойдут на то, чтобы разрушить формулу: они знают, где черта безопасности. В них глубоко укоренился страх перед войной, он лежит в самом сердце их культуры — иначе они не придерживались бы своей формулы с таким постоянством. И формула, наверное, совсем простая. Только одно непонятно: как может целая раса осушить намеренный регресс?

Гипноз? Ничего не выйдет, ибо что произойдет с самим гипнотизером? Оставшись вне воздействия гипноза, он будет непредсказуем и опасен.

Тогда какая-то умная машина? Но у гуглей нет никаких машин. Так что машины тут тоже ни при чем.

А может, наркотики?

Лекарство против болезни, распространенной в одном из секторов Галактики, — корень баабу. И больше он не растет нигде, кроме планеты Зан.

— Боже правый! — воскликнул Шелдон. — Что это за болезнь?

Он достал отброшенные ролики, вставил их в аппарат и нашел диссертацию о корнях баабу. Вгляделся в название болезни, произнести которое не сумел бы ни при каких обстоятельствах. Затем обратился к общему реестру записей, обнаружил ролик с медицинской информацией, а в нем несколько строк, посвященных загадочной болезни:

«...нервное расстройство, которое сопряжено с высокими эмоциональными перегрузками и во многих случаях — с чувством вины, проистекающим из неспособности больного забыть былые горькие переживания. Лекарство вызывает у больного состояние полного забвения, которое со временем проходит, но от прежних детальных переживаний сохраняются лишь самые общие очертания, и болезнь, таким образом, не возобновляется».

Так вот же оно! Вот ответ!

Гугли отведали корней баабу, скорее всего церемониально, и забыли прежнюю жизнь, сбросили с себя свою культуру, как старую кожу, и отступили разом на целых четыре класса. С течением времени воздействие баабу ослабло бы, они начали бы кое-что вспоминать и, вспоминая, вновь двинуться вверх по культурной шкале. Но вспомнились бы им не подробности прежней культуры, а лишь ее основные заповеди, и в силу этого они взобрались бы чуть пониже, чем прежде. И сохранили бы таким образом достаточную дистанцию для безопасного движения до следующего кризиса. А затем вновь отведали бы корней баабу и вновь избежали войны.

И если в игре можно решить, кто победил бы в войне, то забвение и медленное выздоровление от эффекта баабу устраняет причины войны, стирает самую точку кризиса. И формула действует просто потому, что прежде, чем гугли усядутся за игру, факторы, чуть не приведшие к войне, уже прекратили свое существование и кризис исчез, будто его и не было.

— Прости нас Боже, — выдохнул Шелдон, — прости наши мелкие алчные души...

Он опять подошел к столу и сел. Внезапно отяжелевшей рукой потянулся к коммуникатору и вызвал капитана.

— Что там у вас? — раздраженно рявкнул Харт.

— Улетайте отсюда, — приказал Шелдон. — Убирайтесь с этой планеты как можно скорее!

— А как же корень?..

— Нет здесь никакого корня. Отныне и навсегда никакого корня здесь нет.

— Но у меня контракт!

— Контракт недействителен, — объявил Шелдон. — Аннулирован как противоречащий галактическим интересам.

— Что? Противоречащий? — Харт просто захлебнулся от ярости. — Слушайте, координатор, этот корень срочно нужен в секторе 12. У них там...

— Они его синтезируют. Если он им нужен, им придется его синтезировать. Есть кое-что поважнее...

— Вы не имеете права! — вскричал Харт.

— Имею, — отрезал Шелдон. — Если вы так не считаете, проверьте и убедитесь на опыте.

Выключив коммуникатор, он долго сидел, беспокорно вслушиваясь. Прошло десять минут, прежде чем до него донесся топот бегущих ног, предвестник срочного старта.

В иллюминаторе было видно, как планета тускнеет и уменьшается в размерах: корабль стремглав уносился в пространство.

Мужество, сказал себе Шелдон, не переставая думать о гуглях. Какое же чистейшее, хладнокровное мужество они проявили! Остается только надеяться, что наш отлет не слишком запоздал. Что искушение не зашло слишком далеко. Что они сумеют свести нанесенный нами вред к минимуму.

По всей вероятности, некогда гугли были великой расой, создавшей высочайшую цивилизацию, — не исключено, более высокую, чем любая из существующих ныне в Галактике. Ведь чтобы решиться на то, на что решились они, нужна поистине фантастическая духовная мощь. Мощь, недостижимая ни в культурном классе 10, ни даже в классе 6, — а выше «шестерки» не поднялась и планета Земля.

Это решение требовало великого интеллекта и великого сострадания, острого аналитического ума и немислимой объективности; прежде чем его принять, нужно было просчитать все факторы и найти, как использовать каждый из них. И еще требовалось мужество, мужество совершенно невообразимое — и все-таки древние гугли не испугались добровольно сменить культуру, достигшую 3-го или даже 2-го класса, на класс 10, поскольку план вечного мира за пределами этого класса был бы неработоспособен.

И если этот план сработал однажды, он обязательно должен работать и впредь. Нельзя позволить, чтобы мужество, проявленное целой расой, пошло насмарку. Нельзя позволить, чтобы план провалился ради прибылей космических торговцев.

И еще одно: нельзя допустить, чтобы корень баабу превратился попросту в предмет купли-продажи. Нельзя ослепить гуглей наживой, принуждая их забыть о более высокой ценности корней и тем самым хороня величайшую из надежд, что открывались когда-либо перед Галактикой.

Шелдон вновь обратился к недавно составленной схеме и тщательно проанализировал всю информацию, какую гугли выкачали из экипажа. В сумме информация если и выходила за рамки класса 10, то совсем чуть-чуть, — возможно, 9-Р, но не выше. Это было опасно, но, по всей вероятности, не смертельно: надо полагать, даже подкласс 10-А, если гугли недавней поры добрались до такой высоты, еще не выходил за границы безопасной зоны. И не стоит забывать, что баабу повлекли за собой культурное отставание и последствия отставания дали как бы дополнительный резерв безопасности.

Он вернулся к своим роликам и потратил несколько часов, изучая отчеты о торговых сделках, и опять поразился хладнокровному мужеству

гуглей и их последовательной приверженности той цели, что поставили предки. Во всех сделках, в любой из них не было ни одного предмета, выходящего за рамки потребностей культуры класса 10!

Ну надо же, сказал он себе, они заказывали мотыги, когда могли бы получить атомные двигатели!

Пять веков подряд они последовательно отказывались от товаров и услуг, которые могли бы вывести расу гуглей к величию и счастью, к более праздному образу жизни, в конце концов!

К величию и счастью — и, более чем вероятно, к гибели.

Должно быть, когда-то давным-давно гугли — обитатели исполинских городов, ныне ушедших под поверхность планеты и обратившихся в прах, — познали чудовищную горечь изощренной, технически совершенной войны, ужаснулись принесенным ею страданиям и смерти и слепой ее бесплодности, и добытое страшной ценой знание, память тех дней до сих пор живы в подсознании нынешних гуглей.

И Галактика не может позволить себе утратить это знание.

Пять долгих веков гугли противостояли соблазнам космической торговли — а ведь за корни баабу им дали бы все, что бы они ни попросили. Даже если бы торговцы знали истину, они все равно охотно и не задумываясь разрушили бы охранный щит культуры класса 10 ради прибыли.

Гугли продержались пять веков. Как долго они смогут еще держаться? Разумеется, не до бесконечности. Вождь и его племя дрогнули и получили информацию, выходящую за рамки класса 10. Не означает ли это, что моральная сила уже слабеет, что пять веков торговли уже подточили ее?

И если бы гугли не продержались — если они не продержатся, — Галактика станет беднее. Прибавятся только войны.

Ибо придет день, пусть не скоро, когда можно будет послать сюда специальную экспедицию и провести детальное изучение великого наследия, великого свершения гуглей. Результатом такой экспедиции может быть первый значительный шаг к миру во всей Галактике или хотя бы намек, как применить тот же принцип, не прибегая к фиговому листку статичной культуры.

Однако до экспедиции еще много-много лет. Ее нельзя посылать, пока волны времени не смоют случайные влияния, выросшие за пять веков торговли.

Шелдон вновь сел к столу, извлек управляемый голосом стенограф и заправил в него бумагу. Затем без запинки продиктовал заглавную строку, которую машинка тут же и напечатала:

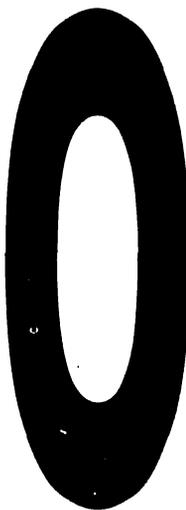
**РЕКОМЕНДАЦИЯ. ЗАКРЫТЬ ПЛАНЕТУ ЗАН
НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК ДЛЯ ТОРГОВЛИ
И ПОСЕЩЕНИЯ С ЛЮБЫМИ ДРУГИМИ
ЦЕЛЯМИ.**

*Перевел с английского
Олег БИТОВ*

Наталья
Сафронова

В ШУМЕ ТЕХНИКИ

Эволюционная версия К. Саймака выглядит весьма романтично, но продиктована острой тревогой автора за судьбу нашей планеты — чувством, которым проникнуты многие произведения известного писателя (вспомним «Город», «Выбор богов», «Что может быть проще времени» и другие романы Саймака). Обозреватель отдела публицистики журнала «Если» Н. Сафронова, готовя эту статью, стремилась следовать логике автора, размышляя, какие реальности стоят за его, казалось бы, фантастическим рассказом.

Обычно властей сегодня насчитывают четыре. Однако массовое сознание, так легко принимающее всяческие клише, согласилось с явно неполной классификацией. В ней отсутствует наука. Между тем наука заявила свои права на власть огромную: от господства над умами до проникновения во все сферы общественной жизни. Не забудем и о ее претензиях общепланетарного масштаба — недаром стольких фантастов увлекали модели будущих земных и внеземных технократий.

Любая власть, как известно, не дается без борьбы, и история науки изобилует временами и эпизодами поистине драматическими. Есть у науки свои мученики и герои. Но сегодня мы вправе задаваться вопросом: не напрасны ли жертвы? Справедливость и этой власти, как всех прочих, поставлена под сомнение. Дав человечеству блага многочисленные, наука создала и изощренные средства массового уничтожения; преобразующая природу деятельность привела к экологическому кризису; под угрозой экология самого человека. «Шум техники» стал всепроникающим и порою заглушает нам «шум истории» (последнее — парафраз тезиса философа Г. Померанца).

Кстати, об истории и героях. Каждый школьник знает (знал, по крайней мере, в моем поколении) знаменитую фразу Галилея: «А все-таки она вертится». Учебники той поры симпатизировали Галилею и очень сурово осуждали инквизицию. Ученого заставили стать на колени, положить руку на Библию, отречься от разделяемой им научной идеи. Галилей стал на колени, отрекся... Судьба Джордано Бруно, уже сожженного на костре за верность той же коперниковской концепции Вселенной, ученому была известна.

Драматург Бертольт Брехт под впечатлением от взрыва атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки несколько меняет редакцию своей пьесы «Галилео Галилей», вкладывая в уста героя такие слова: «Я предал свое призвание». В ремарках к новому варианту пьесы Брехт пишет о «грехопадении естествознания», начатого отречением Галилея. В конце концов не потому ли его создали в XX веке атомную бомбу?

В современном науковедении существует точка зрения о главенствующей роли науки среди других форм культуры, ее совершенно особом месте в цивилизации. Это обусловлено универсальностью самого способа мышления и метода науки, ценностью технических достижений, которые он дает. Фетишизация науки свойственна сторонникам сциентистского либерализма (от лат. scientia — знание, наука), характерного для демократических,

«открытых» обществ. Здесь видят в науке силу, способную оптимизировать все сферы бытия, включая экономику, политику, национальные отношения, социальную сферу.

Под влиянием негативных последствий научно-технической революции в последние десятилетия получил развитие и либерализм антисциентистского толка, отвергающий монополизм науки в культуре и обществе. Более того, сторонники этого направления усматривают в ней угрозу демократии, настаивая на признании различных паранаучных концепций, мифологии, религии, магии и т.д. Подобные настроения усилились, когда наука показала готовность служить любым целям и быть «партийной». Начавшиеся сразу после второй мировой войны гонка вооружений и «холодная» война заострили ситуацию. Огромные интеллектуальные ресурсы во многих странах были брошены на реализацию военных проектов. Наука подчинилась государственному влиянию и контролю, оказалась тесно спаянной с политикой и решала спускаемые сверху задачи.

Особенно трудным оказалось ее положение в странах с тоталитарными режимами. Здесь, с одной стороны, нередко глумились над подлинным знанием, ставя во главу угла идеологический принцип. С другой стороны, науку нещадно эксплуатировали в достижении целей политическх. Есть большая литература о судьбе целых научных направлений, школ, отдельных ученых, уничтоженных в нашей стране, поскольку они не вписывались в предлагаемые идеологией и связанными с нею ведомствами схемы. К сожалению, тенденция эта живуча до сих пор. Сохраняется и власть идеологических табу прошлых лет. Об этом свидетельствует освещаемое широко в печати «дело» химика Вила Мирзаянова.

По мнению некоторых ученых, наш мир приобрел постчеловеческое измерение. Иными словами, человеку на земле становится неуютно и плохо. И дело не только в дискомфорте психологическом. Существенные свидетельства неблагополучия имеет медицина. Знает она, например, что дети стали болеть больше стариков, что весьма «помолодели» многие болезни, что каждый год требуется все больше кроватей для детских онкологических отделений. Философская антропология готова сделать вывод неутешительный: человек болен субстанционально, как родовое существо. Более того, как определенная форма жизни он гибнет. Антропологические константы, определяющие человека как Homo sapiens, в известных пределах лабильны, но они не могут быть изменены. Резко изменив среду обитания человека, мы как бы «перепишем самих себя». Расчеты на переход в некую иную телесность — в плазмоиды, пучки света, энергии — это из области литературы. Пока большинство людей находится как бы в третьем состоянии: не больны, но и не здоровы. Норма — редкое исключение из правила. Что же дальше?

Философской антропологии пристало задаваться вопросами: а что делать тем, кто должен здоровье людей

непосредственно оберегать? Медицина продолжает действовать, соревнуясь с противоестественным образом жизни, который ведут люди, пытаясь свести на нет воздействие многочисленных неблагоприятных факторов. Порою лечение начинается вообще до рождения, когда младенец пребывает в материнской утробе. Лекарства, витамины, стимуляторы. Потом, родившись, ребенок будет получать их непосредственно. Есть уже в номенклатуре заболеваний «лекарственная болезнь». Чем такую лечить? Другими лекарствами.

Технократические тенденции в медицине имеют обратную сторону. Да, весьма заманчиво вторгаться в человеческий организм с диагностическими или лечебными целями, видеть на мониторах работу органов, но, став технологической, медицина сама способна превратиться в угрожающий человеку фактор. Уже давно начаты игры с иммунной системой: подавление ее мощными химиопрепаратами входит в схемы терапии ряда болезней, обязательно при пересадках органов. А что такое иммунитет? Механизм защиты **вида**, выработанный в процессе эволюции. Можно строить предположения, к чему приведет потеря такой защиты.

Чтобы несколько сгладить впечатление от явных поражений, медицина начинает увлекать человека невиданными манипуляциями. Хотите изменить рост, цвет кожи, хотите из мужчины превратиться в женщину? Такое сегодня возможно. Технологически и концептуально сегодня медицина в развитых странах готова к вторжению в организм человека на клеточном, молекулярном, геномном уровнях. Отдаленные результаты таких вмешательств пока трудно предсказуемы; взять на себя гуманитарную экспертизу всего, чему человек подвергается, пытается биотика. Центры биотоники созданы в США, ряде стран Европы, начинается это движение и у нас. Однако уже многие пагубные для человека тенденции трудно останавлимы.

Что же делать? Клиффорд Саймак явно искал ответ на подобный вопрос. Его гугли сознательно отказываются от достигнутого прогресса, вновь и вновь возвращая себя в прошлую дикость. Писатель, однако, подчеркивает: для этого требуются известное мужество и духовная мощь.

Призывы ограничивать, регламентировать развитие научно-технического прогресса звучат сегодня чаще и чаще. Идею устойчивого, сбалансированного прогресса выдвинула последняя международная экологическая конференция в Рио де Жанейро. Ученые признают губительность неуправляемого прогресса, но их позиция не встречает энтузиазма людей, которые принимают решения. Особенно в развитых странах, на которых лежит основная доля ответственности и вины за глобальный экологический кризис. Показательно, что работа этого форума не очень широко освещалась в печати, в том числе и отечественной. А ведь ряд регионов России — не просто зоны экологического неблагополучия, а зоны настоящего бедствия, где стоит вопрос: быть или не быть жизни. Не хватает мужества и духовной мощи, чтобы это признать?

 Других мнений быть не может: внедрение любых достижений науки требует тщательной социально-гуманитарной экспертизы. Одними заседаниями, конференциями, многочасовыми прениями не обойтись. Время констатации бед прошло, пора действовать. На Западе для этого создан ряд новых государственных структур, которым помогают многочисленные общественные движения — биотоники, экологической этики, Green Peace. Но пока они станут в мире реальной силой!

Трагическая история XX века — «волокдава» (как точен образ, особенно в отечественном контексте, пришедший к Мандельштаму) — заставляет глубже переосмыслить степень личной ответственности каждым, кто изберет науку профессией. Гений и злодейство, увы, как показала история, бывают вещами вполне совместными. Аморальных людей, людей, подверженных страстям «отрицательным», среди ученых не меньше, чем среди, скажем, писателей или артистов. Однако работа ученого часто имеет далеко идущие последствия, значима для множества людей, порой — для всего человечества. Поэтому, согласившись с тем, что «свет совести» необходим искусству, подумаем, сколь мощным должен быть этот свет в современной науке. Конечно, процесс познания нельзя остановить, и всякая точно выведенная формула (даже смертоносного оружия) есть научная истина, которая сама по себе не может быть безнравственной. Истина есть истина. Но познанием ее прежде других не может быть безразлично то, чему будет служить новая идея в мире, где так часто «доброта прислушивается злу».

Хрестоматийный пример — создание ядерного оружия. Все причастные (за небольшими исключениями), судя по мемуарам, свидетелям ~~там~~ современников, пережили потом серьезные нравственные муки. И все же, кажется, ни один из них не отказался от участия в престижной работе, хорошо оплачиваемой всеми государствами, дающей множество привилегий. В том числе и власти: иногда гениальным людям почему-то хочется властвовать не только над умами. Бывают причины и более прозаического свойства. Андрей Дмитриевич Сахаров, человек абсолютной искренности и истинности, рассказал в своих мемуарах о чисто житейском интересе, который вызвало у него в свое время предложение работать над ядерным проектом: семья получала квартиру. В отношении этого человека кощунственны были бы высокоморальные сентенции. — нет ни у кого такого права на них в отечестве. Благоговение перед жизнью — принцип другого великого гуманиста XX века Альберта Швейцера — был принят в несколько ином социальном и временном контексте великим гражданином своей страны Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Он

был уверен, что ядерное оружие поможет удержать мир от развязывания третьей мировой войны. Впрочем, вину свою, несомненно, сознавал и искупал всей последующей жизнью. Искупление было принято: как и Швейцер, Сахаров получил Нобелевскую премию мира. Только немного позже.

Наш век дал слишком много примеров служения научным идеям злу. Этот процесс продолжается. Как остановить его? Писанием этических кодексов для ученых? Но все кодексы, начиная с изложенного в Нагорной проповеди, не слишком преуспели за многовековую историю. Пусть подумают сами люди науки. Тем более, что им же предстоит поломать головы над тем, как удержать масштабы зла, нанесенного природе, человеку, планете. И лучший кодекс — собственная совесть, наличие ее должно стать тестом пригодности к занятиям наукой. Еще не так давно Виннеру представлялось бедой проникновение в ученую среду «лжецов и интриганов». Сегодня опаснее наличие в ней людей со своего рода комплексом Герострата.

...Нет, все-таки всегда находится «один, который не стрелял». Его историю рассказал итальянский писатель Леонард Шаша в книге «Исчезновения Майораны». Этторе Майорана, физик-теоретик известной итальянской физической школы Энрико Ферми (шеф так сказал о своем сотруднике: «...есть гении, как Галилей и Ньютон. Так вот, Этторе Майорана был одним из них»). Шаша, которого весьма волновала тема личной ответственности интеллигента в современном мире, провел расследование загадочного исчезновения в 1938 году тридцатидвухлетнего ученого. По официальной, весьма удобной властям версии, это было самоубийство. Оказывается, за несколько лет до смерти Майорана додумался — первым в мире — до теории ядерного ядра. Беседы об этом он вел со своим немецким коллегой Гейзенбергом. Додумался, но не записал открытой им формулы.

Шаша предлагает версию: понял, какую тайну открывает ему природа, ученый решает уйти от жизни (но не из жизни). Есть основания полагать, он закончил жизнь в монастыре, в Калабрии, и тело его покоится на тихом монастырском кладбище, под одним из скромных безымянных крестов.

Что это? Духовная мощь? Или наоборот? Псевдопуританская мораль, которую мы недавно исповедовали, подтолкнула бы нас ко второму. Уход из жизни или уход от жизни — конечно, слабость в нашем лучшем из миров.

Саймак понимает, что любой вариант нелегко дается человеку. Он дарует облегчение, наркоз, под которым гугли забывают настоящее.

Настояток корня бабуа...

Майорана поступил, как считал нужным.

«... Наша культура не имеет достаточно этического характера. Тогда возникает вопрос, почему этика оказывает столь слабое влияние на нашу культуру? Наконец, я пришел к объяснению этого факта тем, что этика не имеет никакой силы, так как она непростая и несовершенная. Она заимается нашим отношением к людям, вместо того чтобы иметь предмет наших отношений ко всему сущему. Подобная совершенная этика много проще и много глубже обычной. С ее помощью мы достигаем духовной связи со Вселенной».

Альберт Швейцер. Из писем.

СБОР ДАННЫХ

Гордон Р. Диксон
Черный Чарли

Вы спрашиваете, что такое искусство? И ожидаете, что у меня есть под рукой готовый ответ лишь потому, что я долго закупаю вещи для музеев и галерей и успел вырастить обильный урожай седых волос. Но все не так просто.

Что такое искусство? Сорок лет я изучал, ощупывал, восхищался и любил множество предметов, которым придали форму сосудов для хранения того светлого духа, что мы зовем искусством, — и все же я не способен ответить на подобный вопрос. Неискушенный человек скажет просто: это красота. Но искусство далеко не всегда бывает прекрасным. Иногда оно уродливо. Иногда грубо и неуклюже. Иногда в нем нет совершенства.

Как и многие другие ценители искусства, я научился полагаться на ощущение. Вы ведь знаете, что такое ощущения. Представьте, что вы взяли в руки нечто. Статуэтку или еще лучше обломок, обработанный и раскрашенный нашим праотцом из каменного века. Вы смотрите на него. Поначалу это для вас незнакомый предмет, потом — грубая поделка, ребенок сделает лучше.

Но постепенно воображение начинает проникать в глубь камня и времени, и вот уже перед вашими глазами тот древний предок, скорчившийсь возле каменной стены своей пещеры, и вы держите уже не обломок камня, а тот образ, который видел мастер в час его создания.

Вот это именуется искусством (неважно, каким бы странным оно ни казалось на первый взгляд), вот тогда вы испытываете влияние магии, которая перебрасывает мост между художником и вами. Для этого колдовства нет препятствий — оно сильнее пространства и времени. Если позволите, приведу вам пример из собственного опыта.

Несколько лет назад, когда я путешествовал по вновь открытым мирам в качестве представителя-закупщика одной хорошо известной художественной галереи, я получил письмо от человека по имени Кэри Лонгэн, попросившего меня побывать на планете под названием Мир Элмана и осмотреть несколько статуэток, которые он предлагал для продажи. По счастливой случайности, планета оказалась в той же солнечной системе, где

я тогда находился, и я отправил Лонгэну космограмму о том, что приеду.

Это действительно оказалась совсем малоосвоенная, только что открытая планета. Городок, который окружал космопорт, был невелик и казался уснувшим. Лонгэн не встретил меня в порту, поэтому я взял такси и поехал прямо в отель.

В тот же вечер в моем номере зазвонил коммуникатор. Я открыл дверь и впустил высокого человека с бронзовым от загара лицом, давно не стриженными волосами и встревоженными зеленовато-кариими глазами.

— Мистер Лонгэн? — спросил я.

— Мистер Джонс? — отозвался он. Затем переложил грубый деревянный ящик из правой руки в левую, пытаюсь ответить на мое рукопожатие. Я закрыл дверь и предложил ему сесть.

Он поставил ящик на журнальный столик, но открывать не стал. К этому времени я успел рассмотреть его довольно поношенную одежду и некую неуверенность, впрочем, тщательно скрываемую.

— Ваша космограмма, — сказал я, — была не очень подробной. Фирма, которую я представляю...

— Они у меня здесь, — произнес он, положив руку на ящик.

Я посмотрел на ящик с изумлением. Полметра в ширину и сантиметров двадцать в высоту.

— Там статуэтки? — спросил я, начиная подозревать, что совершенно напрасно прилетел сюда. — Скажите, мистер Лонгэн, откуда они у вас?

— Их сделал мой друг, — с легким вызовом ответил он.

— Друг? — переспросил я (и должен признать, с растущим раздражением). — Могу ли я спросить, выставлял ли ваш друг ранее свои работы?

— Гм-м, нет, — замялся Лонгэн. Он явно огорчился, но и я тоже, вспомнив о потерянном времени.

— Все понятно, — сказал я, вставая. — Вы вынудили меня совершить дорогостоящий полет лишь для того, чтобы продемонстрировать работу некоего любителя. До свидания, мистер Лонгэн. И приходите, пожалуйста, ваш ящик, когда будете уходить!

— Да ведь вы ничего подобного раньше не видали! — Он с отчаянием посмотрел на меня снизу вверх.

— Не сомневаюсь, — отозвался я.

— Взгляните. Дайте я вам покажу... — Он начал суетливо возиться с задвижкой на ящике. — Раз уж вы все равно здесь, так хоть посмотрите.

Я понял, что избавиться от него все равно не удастся, и обреченно сел в кресло.

— Так как зовут вашего друга?

Пальцы Лонгэна замерли на задвижке.

— Черный Чарли, — ответил он, отводя взгляд.

Я выпучил глаза.

— Извините, не понял. Блэк... Чарльз Блэк?

— Просто Черный Чарли, — сказал он с неожиданным спокойствием. — Именно так его и зовут.

Когда ему удалось, наконец, справиться с задвижкой, я взглянул на него с подозрением. Он уже собрался поднять крышку, но передумал. Он развернул ящик и подтолкнул его ко мне через журнальный столик.

Дерево оказалось твердым и шершавым. Я поднял крышку. Ящик был перегорожен на пять небольших отделений, и в каждом лежал кусок

мелкозернистого песчаника различной, но совершенно непонятной формы.

Я посмотрел на них, потом снова на Лонгэна, чтобы убедиться, что это не шутка. Но взгляд его был совершенно серьезен. Я начал медленно вынимать камни и выстраивать их в ряд на столе.

Рассматривая камни один за другим, я пытался угадать в их форме хоть какой-то смысл. Но не обнаружил ничего, абсолютно ничего. Один был отдаленным подобием пирамиды с более или менее правильными гранями. Другой смутно напоминал скрюченную фигуру. Остальные в лучшем случае сгодились бы в качестве пресс-папье. И все же камни явно были обработаны. И даже отполированы — в той степени, в какой это позволял мягкий и зернистый материал.

Я взглянул на Лонгэна. Он смотрел на меня с напряженным ожиданием. Я был совершенно озадачен его находкой — или тем, что он считал находкой. Да, я попытался честно отнестись к тому, что он принимал за произведения искусства. Но здесь не было ничего, кроме верности другу, столь же неискусственному в искусстве, как и он сам.

— Так что же, по мнению вашего друга, я должен со всем этим делать, мистер Лонгэн? — Видит Бог, я постарался произнести это как можно более мягко.

— Вы ведь покупаете произведения искусства? — спросил он.

Я кивнул, потом взял камень, отдаленно напоминающий какое-то животное, и повертел его в пальцах. — Мистер Лонгэн, я занимаюсь своим делом уже много лет...

— Да-да, конечно, — прервал он меня. — Я прочитал о вас в факсгазете. И тут же послал вам космограмму.

— Понятно, — сказал я. — Так вот, как я уже говорил, я занимаюсь этим очень долго и могу достаточно спокойно утверждать, что кое-что смыслю в искусстве. Если бы в тех фигурках, что сделал ваш друг, было бы хоть немного искусства, я бы его разглядел. Но это мне не удалось.

Во взгляде его зеленовато-карих глаз я прочитал отчаяние.

— Вы... вы... — произнес он наконец, — вы ведь не всерьез это сказали. Разозлились, наверное, что я затащил вас сюда.

— Мне очень жаль, — сказал я. — Нет, я не сержусь на вас. Но все это не только не искусство, ваш песчаник вообще не имеет никакой ценности. Совершенно! Кто-то убедил вашего друга в том, что он талант. Вы окажете ему большую услугу, сказав правду.

Он долго смотрел на меня, словно дожидаясь слов, которые могли бы смягчить приговор. Потом внезапно поднялся и пересек комнату тремя длинными шагами. Скрывая возбуждение, он уставился в окно, но его мозолистые руки судорожно сжимались и разжимались.

Я дал ему время переварить услышанное.

— Тогда помогите мне, — наконец сказал он. — Не поседете ли вы со мной, чтобы поговорить с Чарли? Мне он не поверит.

Я хотел было возразить и, конечно, отказаться, но увидев всего в шести дюймах от своего лица его страдающие глаза, не смог выдать ни слова.

— Хорошо, — сдался я.

— Спасибо, — убито сказал он. — Вы даже не

представляете, насколько это для меня важно. Спасибо.

У меня было достаточно времени пожалеть о своем решении, как той ночью, так и наутро, когда Лонгэн поднял меня ни свет ни заря и усадил в комбинированный флаер, нагруженный различным старательским снаряжением. Но общение есть обещание, а я свои привык выполнять.

Мы полетели на юг вдоль высокой горной гряды, пока не достигли побережья и болотистой дельты чудовищно широкой реки. Тут, к моему неудовольствию, мы начали снижаться. Очень уж я не люблю жаркий и сырой климат и никак не могу понять тех, кто соглашается жить в таких условиях.

Флаер легко сел на небольшую чистую полоску воды, и Лонгэн подвел его к ближайшему болотистому берегу, поросшему пучками высокой коричневой травы. Доведись мне решать самому, я не рискнул бы ступить в эту раскисшую грязь из опасения, что меня засосет, но Лонгэн уверенно вышел на берег, и я последовал за ним; из-под подошв брызнули фонтанчики воды. В нос ударил горячий застоявшийся запах гниющих водорослей. Небо, затянутое тонким, но плотным покрывалом облаков, было белым и тоскливым.

— Сюда, — сказал Лонгэн и зашагал направо.

Я пошел следом. Узкая тропка вывела нас на небольшой болотистый участок, где в беспорядке стояли куполообразные хижинки, сплетенные из ветвей и обмазанные грязью. Вертя головой по сторонам, я подошел вместе с Лонгэном ко входу в одну из хижин и остановился. Лонгэн свистнул.

Конечно, я ожидал человека. Но существо, вышедшее из хижины в ответ на свист Лонгэна, больше напоминало крупную выдру. Все четыре его конечности были не ногами, а плоскими и мускулистыми лапами. Оно было целиком покрыто черной, глянцевиной и влажной шерстью; ростом, по моей прикидке, около четырех футов и длинной, словно змеиной, шеей. Весить существо должно было от ста до ста пятидесяти фунтов. Голова тоже была длинной и узкой, словно у породистой колли, с ясными умными глазами и большим ртом.

— Это Черный Чарли, — сказал Лонгэн.

Существо уставилось на меня, я ответил ему тем же. До меня внезапно дошла вся абсурдность ситуации. Обычному человеку было трудно даже претендовать на роль скульптора. Если к этому прибавить взятое на себя обязательство убедить его в том, что оно не скульптор (заметьте к тому же, что я не мог знать ни слова из его языка), то все это напоминало безумный фарс. Я повернулся к Лонгэну.

— Послушайте, — начал я с вполне естественной горячностью, — как вы, интересно, представляете...

— Он понимает вас, — прервал меня Лонгэн.

— Он знает язык? — недоверчиво переспросил я.

— Нет, — покачал головой Лонгэн. — Но жесты понимает. — Он резко повернулся и нырнул в окружающие лужайку кусты. И тут же, вернувшись с двумя предметами, напоминающими гигантские грибы-дождевики, протянул один мне.

— Садитесь, — предложил он, показывая пример. Я повиновался.

Черный Чарли подошел поближе, и мы уселись

все вместе. Чарли полуприсел на согнутые задние лапы. Все это время я держал в руках деревянный ящик с его скульптурами, и теперь, когда мы уселись, его поблескивающие глаза вопросительно уставились на него.

— Ладно, — произнес Лонгэн, — дайте мне.

Я передал ему ящик, который, словно магнит, притянул глаза Черного Чарли. Лонгэн обхватил ящик одной рукой, а другой указал в сторону озера, где сел наш флаер. Затем его рука медленно описала в воздухе дугу и указала на север, в ту сторону, откуда мы прилетели.

Черный Чарли неожиданно свистнул. Это была странная нота, напоминающая крик полярной гагары — приглушенная и печальная.

Лонгэн ударил себя в грудь, держа одной рукой ящик. Затем стукнул по крышке и показал на меня. Он посмотрел на Черного Чарли, потом на меня и вложил ящик в мои онемевшие руки.

— Осмотрите камни и верните ему, — произнес он сдавленным голосом. Сам того не желая, я взглянул на Чарли.

Наши глаза встретились. На меня смотрели странные, подвижные, черные, нечеловеческие глаза, похожие на две крошечные лужицы смолы. Я с трудом отвел взгляд в сторону.

Разрываясь между ощущением нелесности ситуации и симпатией к сидевшему передо мной существу, я неуклюже открыл ящик и вынул камни из гнезд. Я по очереди повертел их в руках и положил обратно. Затем закрыл ящик и вернул его Лонгэну, покачав головой.

Несколько долгих мгновений Лонгэн просто сидел, глядя мне в лицо и держа ящик. Потом медленно повернулся и поставил ящик, все еще открытый, перед Чарли.

Поначалу Чарли никак не отреагировал. Его голова на длинной шее нырнула в ящик и прошла над его ячейками, словно обнюхивая их. Затем, к моему удивлению, его губы раздвинулись, обнажив длинные долотообразные зубы. Он засунул в ящик голову и зубами ловко вытащил из ящика камни, один за другим. Затем, обнимая каждый по очереди передними лапами, повертел их, словно отыскивая незамеченный ранее дефект. Под конец он выбрал один — тот самый, что напоминал припавшее к земле животное — поднес его ко рту и длинными белыми зубами слегка подправил его. И протянул мне.

Я взял его в руки и осмотрел. Сделанные им изменения ничуть не приблизили скульптуру к чему-либо узнаваемому. Я был вынужден протянуть его обратно и снова покачать головой. Нас разделила мучительная пауза.

Все это время я отчаянно пытался придумать, как при помощи пантомимы пояснить причину моего отказа, и в конце концов мне кое-что пришло в голову. Я повернулся к Лонгэну.

— Не может ли он принести мне кусок необработанного камня? — спросил я.

Лонгэн повернулся к Чарли и сделал ряд движений, показывая, как что-то разбивает и передает мне. Секунду Чарли сидел неподвижно, словно размышлял. Затем вошел в свою хижину и тут же вернулся с куском камня размером с мой кулак.

У меня с собой был небольшой перочинный нож, а камень оказался мягким. Я протянул обломок в сторону Лонгэна, затем прижал его к груди. И, наконец, орудуя ножом, вырезал некое подобие

сидящего на грибе Лонгэна. Закончив, я поставил фигурку рядом с ним.

Черный Чарли посмотрел на фигурку. Потом подошел ко мне и, заглядывая мне в лицо, испустил одиночный негромкий звук. Двигаясь с удивившей меня быстротой, он плавно повернулся, подхватил зубами обработанный мною кусок камня и тут же исчез в хижине.

Лонгэн неуклюже поднялся, словно человек, долгое время не менявший позы.

— Вот и все, — сказал он. — Возвращаемся.

Мы вернулись к флаеру и снова взлетели, направившись к городу и кораблю, который увезет меня из этого нелегкого мира. Когда внизу под нами начали подниматься горы, я бросил быстрый взгляд на следившего за приборами Лонгэна. На его лице застыло выражение отстраненной печали.

Вопрос сорвался с моих губ, прежде чем я успел решить, стоит ли его задавать.

— Скажите, мистер Лонгэн, — произнес я, — а как вы, собственно говоря, с ним подружились?

Старатель посмотрел на меня почти с изумлением.

— Как? — воскликнул он. Затем после короткой паузы добавил: — Он спас мне жизнь.

— Понятно, — сказал я.

— Да что вам понятно? — с горечью возразил он. — А если я скажу, что он сделал это сразу после того, как я убил его самку? Кстати, они выбирают партнера раз и навсегда.

Я промолчал в надежде, что если я не стану его отвлекать, он расскажет больше. Через некоторое время он заговорил:

— На этой планете почти ничего нет, на чем можно заработать.

— Это я уже заметил, — подтвердил я.

— Поэтому здесь никакой индустрии.

Казалось, он собирается с силами, чтобы произнести следующую фразу.

— Зато одно время процветала торговля мехами.

— Мехами? — переспросил я.

— Да, шкурами сородичей Чарли, — продолжил он, бесцельно касаясь пальцами приборов флаера. — Поначалу охотники и трапперы добывали их всюю, пока не узнали, что эти существа разумны. У меня дела тоже шли прекрасно, пока я не поймал в капкан самку Чарли. До той поры мне удавалось выходить сухим из воды. Они много перемещаются по болотам. Но на этот раз я оказался вблизи деревни. И только я стукнул ее дубинкой по голове, как на меня навалилось все их племя. — Его голос дрогнул, потом окреп. — Они продержали меня под охраной несколько месяцев.

Именно Черный Чарли не дал им убить меня на месте. Кажется, ему пришло в голову, что я важная персона, и если мне доказать, что они разумны, то с бойней будет покончено. — Лонгэн невесело улыбнулся. И умолк.

Я ждал. Поскольку он молчал, я спросил сам:

— И что было дальше?

— В конце концов они меня отпустили, — ответил он. — А я едва из-за них не свихнулся. Дошел до самого Комиссара. И добился, чтобы их стали считать людьми, а не животными. Положил конец охоте и капканам.

Он снова умолк. Мы все еще летели высоко над Миром Элмана, солнце наконец пробилось сквозь

облака, и земля внизу стала похожа на огромную рельефную карту.

— Понятно, — сказал я после долгого молчания. Лонгэн бросил на меня хмурый взгляд. Мы возвращались в город.

На следующий день я улетел с Мира Элмана, искренне полагая, что никогда больше не услышу ни о Лонгэне, ни о Черном Чарли. Несколько лет спустя в мой нью-йоркский дом явился представитель правительственного департамента иностранных дел.

— Вы меня не знаете, — сказал он. Я взглянул на его карточку: Антонио Уолтерс. — Я был представителем Мира Элмана в Департаменте по колониям в момент вашего посещения.

Я взглянул на него с удивлением. К этому времени я уже давно успел позабыть об этой планете.

— Неужели? — спросил я, чувствуя себя немного глупо. Я повертел в руках его карточку. — Чем могу быть вам полезен, мистер Уолтерс?

— Правительство Мира Элмана попросило разыскать вас, мистер Джонс, — ответил он. — Кэри Лонгэн умирает...

— Умирает! — воскликнул я.

— К несчастью, у него грибковое заболевание легких, — сказал Уолтерс. — В болотах это обычное дело. Он пожелал увидеться с вами перед смертью, а поскольку мы очень благодарны ему за ту работу, которую он проводил все эти годы среди туземцев, для вас уже зарезервировано место на правительственном корабле, он немедленно вылетит на Мир Элмана, если, конечно, вы пожелаете туда отправиться.

— Но ведь... — начал было я, но умолк. Я просто не мог отказаться. — Мне только придется уведомить свою фирму.

— Разумеется, — сказал он.

Через неделю я уже сидел возле кровати Лонгэна в госпитале в том самом городе, где побывал несколько лет назад. От человека к тому времени остался лишь обтянутый кожей скелет. Силы покинули его, и он едва мог произнести несколько слов подряд. Я склонился, чтобы лучше расслышать его отрывистый шепот.

— Черный Чарли... — прошептал он.

— Черный Чарли, — повторил я. — Я слышу.

— Он сделал кое-что новое, — прошептал Лонгэн. — Все началось с вас. С той статуэтки, что вы вырезали. Он начал копировать разные предметы. А племени это не понравилось.

— Не понравилось? — удивился я.

— Они, — прошептал Лонгэн, — этого не понимают. С их точки зрения, это нечто ненормальное. Они боятся...

— Вы хотите сказать, что у них табу на изображения живых существ?

— Может быть, не знаю... Послушайте... он художник...

Услышав последнее слово, я содрогнулся.

— Послушайте... когда я умру, его убьют. Точно. Только вы можете...

— Я?

— Вы... — Его голос был похож на шорох ветра в сухой листве. — Если вы поедете к нему... и возьмете то последнее, что он сделал... пожалуйста... они испугаются и не тронут его. Но поторопитесь...

Силы покинули его. Он закрыл глаза, а напряженные мускулы гортани расслабились, с шорохом выпустив воздух между губ. Сестра торопливо вывела меня из палаты.

Местное правительство помогло мне. Я был удивлен и весьма тронут тем, как много людей знало Лонгэна. Многие из них восхищались его попытками возместить туземцам нанесенное ранее зло. Словом, мне без разговоров дали флаер и пилота.

Мы сели на той же полосе ила, и я в одиночестве отправился на болотистую лужайку. Ее все так же окружала стеной бурая растительность, и «поселок» ничуть не изменился, но хижина Черного Чарли выглядела заброшенной. Я свистнул и стал ждать. Затем крикнул. Потом встал на четвереньки и заполз внутрь хижины. Там было пусто, если не считать кучи каменных обломков и охапки высушенных водорослей. Пятясь, я выполз обратно.

Впечатление было такое, словно все обитатели деревеньки высыпали из своих хижин и собрались перед хижинкой Чарли. Они выглядели возбужденными, все время перебегали с места на место и время от времени посвистывали, испуская тот самый низкий жалобный звук, который я услышал от Чарли. Постепенно их возбуждение спало, толпа немного отступила, а один из них подошел поближе. Он заглянул мне в лицо, затем повернулся и быстро заскользил на своих коротких лапах к краю лужайки.

Я последовал за ним. Больше мне ничего не оставалось делать. А в тот момент мне даже не приходило в голову, что следует чего-либо опасаться.

Проводник завел меня далеко в заросли кустарника и внезапно исчез. Я огляделся, удивленно и нерешительно, и уже собрался направиться обратно. И тут послышался негромкий свист. Я шагнул вперед и увидел Чарли.

Он лежал на боку в центре небольшого круглого участка примятой травы. Чарли был очень слаб, и сил у него хватило лишь на то, чтобы поднять голову и посмотреть на меня, потому что все его тело было покрыто ранами, из которых медленно сочилась темная кровь, исчезая в траве. Я вспомнил, что видел во рту Чарли длинные долотообразные зубы, и понял, кто нанес ему такие раны. Меня залила волна гнева. Я наклонился и поднял это израненное создание.

Он оказался на удивление легким. Держа его на руках, я повернулся и двинулся на поляну.

Когда мы вышли на открытое место, остальные уже поджидали нас. Я посмотрел на них — и гнев мой исчез, словно пламя свечи под дуновением ветра. Потому что здесь некого было ненавидеть. Ведь и они не испытывали к Чарли ненависти. Они боялись его, и единственной их виной было невежество.

Они расступились, и я отнес Чарли ко входу в его хижину. Положил на землю. Грудь и рукава моей куртки пропитались его темной кровью, и я заметил, что она не свертывается, как наша.

Я стянул с себя рубашку и, разорвав ее, сделал неуклюжую попытку перевязать Чарли. Но вскоре увидел, что кровь пропитала повязки и продолжает течь. Он, с усилием приподняв голову, слабо

подергал повязки зубами, и в конце концов я сдался и снял их.

Я уселся рядом с ним, чувствуя слабость и беспомощность. Несмотря на усилия и заботу умирающего Лонгэна, несмотря на все достижения человеческой расы, я прилетел слишком поздно. Или мы прилетели слишком рано.

Из этого ступора меня вывели попытки Чарли заползти в свою хижину. Первой моей реакцией было удержать его. Но он, казалось, собрал последние остатки слабеющих сил и упорно продолжал свои попытки. Поняв это, я передумал и даже начал ему помогать. Он протиснулся в отверстие, слабея на глазах.

Я не ожидал увидеть его снова, полагая, что некий инстинкт заставляет его забраться в хижину и умереть именно там. Но через несколько секунд я услышал доносящийся изнутри шум, и вскоре он начал выбираться обратно. На половине пути силы покинули его окончательно. Целую минуту он пролежал неподвижно, потом слабо свистнул.

Я подошел к нему и вытащил его из хижины. Он повернул ко мне голову, держа во рту то, что я поначалу принял за комок засохшей грязи.

Я взял его и начал счищать грязь ногтями. Почти немедленно стала проступать зернистая поверхность песчаника, из которого он создавал свои скульптуры, и мои руки затряслись так сильно, что мне пришлось положить камень на землю, пока я приходил в себя. До меня впервые дошло, какую важность имели для Чарли его творения.

И тогда я произнес клятву. Сам себе. Я поклялся, что немислимые статуэтки Чарли займут подобающее место в одном из уважаемых музеев Земли. Что бы они собой ни представляли.

Наконец мои руки счистили остатки грязи. Я увидел это, и мне захотелось засмеяться и заплакать одновременно. Потому что из всех форм, которые он мог отобразить в камне, Чарли выбрал ту, которую ни один критик не счел бы естественной и органичной. Потому что выбрал он не животное или растение, не структуру или природный объект. Нет, с мучительной неумелостью он высек из мягкого и зернистого камня совсем другой образ — статую стоящего человека.

И я знал, кто этот человек.

Чарли оторвал голову от сырой земли и посмотрел в сторону озера, где меня ожидал флаер. Я не такая уж тонкая натура, но сразу догадался о смысле его взгляда. Он хотел, чтобы я ушел, пока он еще жив. Хотел увидеть, как я уйду, унося с собой сделанную им вещь. Я встал, стиснув руками статуэтку, и зашагал прочь. На краю поляны я обернулся. Он все еще смотрел на меня. Его

племя держалось вдалеке от него. Не думаю, что они готовы были потревожить его.

А потом я отправился домой.

Но есть еще кое-что, о чем необходимо сказать. После возвращения с Мира Элмана я долго не притрагивался к статуэтке. Я даже не вынимал ее, потому что знал: одного желания мало для того, чтобы создать произведение искусства.

Но как-то в конце года я приводил в порядок свой кабинет, избавляясь от ненужных мелочей. И поскольку я верю в систему и порядок, а также потому, что мне стало стыдно собственной трусости, я достал статуэтку из нижнего ящика стола и поставил на полированную поверхность.

Я был в комнате один, в конце дня, когда красные лучи вечернего солнца, пробившись сквозь высокое окно, заливают все чистым янтарным светом. Я провел пальцами по шершавому песчанику и приподнял фигурку, чтобы лучше ее разглядеть.

И тут — впервые — я разглядел ее, увидел сквозь камень скрытый в нем образ, увидел глазами Черного Чарли то, что он испытывал, изучая Лонгэна. Я увидел людей так, как их видит племя Черного Чарли, и то, что значил для Черного Чарли мир людей. Но это было лишь малостью, а дальше я узрел искусство, каким его видел Черный Чарли своими ясными нечеловеческими глазами — увидел красоту, которую он искал ценой своей жизни и, должно быть, нашел.

Но самое главное, я понял, что эта грубая статуэтка и есть настоящее искусство.

И последнее. Стоя на болоте среди грязи и водорослей и держа статуэтку в руках, я пообещал себе, что она когда-нибудь будет выставлена в музее. Верный своему слову, я предложил ее одному известному музею, потом еще одному. Но никто не захотел выставить в экспозиции столь неуклюжую работу.

В конце концов я перестал рассказывать истинную историю и продал статуэтку вместе с другими вещами торговцу с менее солидной репутацией, выдав ее за вещь, происхождение которой мне не известно.

Интересно, что статуэтка подтвердила мое мнение об искусстве. Со временем я проследил ее судьбу через того торговца и недавно отыскал ее на Земле. На этой планете есть весьма уважаемая художественная галерея, экспонирующая весьма обширный набор примитивных фигурок, сделанных древними американскими индейцами.

А среди них — статуэтка, доставшаяся мне от Черного Чарли.

*Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ*

ЦЕНА — СВОБОДНАЯ...

Трагедия трогательного героя Г. Диксона (рассказ, стоящий особняком в творчестве автора, но, по словам писателя, имеющий для него особый смысл) напомнила нам драматические времена советского авангарда, пережившего многое из того, что испытал Черный Чарли. Не будем вспоминать бульдозеры, которые давили живописные полотна, закрытые постановления ЦК, борьбу за выставочный зал на Малой Грузинской в Москве — об этом написано достаточно. Попробуем вместе с известным искусствоведом определить место отечественного авангарда в российском искусстве и, может быть, увидеть его перспективы.

Можно ли предугадать будущее? Вообще это опасное дело — слишком много потеряло человечество, основываясь на неоправдавшихся прогнозах, питая тщетные надежды; нужно ли напоминать все представления о «конце света», о «тысячелетней империи», о «светлом коммунистическом будущем», итогом чего ста-

новились разрушенные города и страны, погубленные человеческие судьбы, на ветер брошенные деньги? Но если так легко рушатся политические и экономические прогнозы, то как решиться на них в искусстве, которое по своей природе непредсказуемо, способно каждый день изумлять нас неожиданными ходами и находками, непредвиденными результатами?

Искусство всегда поражает нас своей немыслимостью, непонятными с точки зрения истории и здравого смысла прозрениями. Высочайшее мастерство линии и светотеневой моделировки в росписях первобытных людей эпохи палеолита остается недосягаемой вершиной в изображении бегущих, стоящих или умирающих животных, — что одно уже способно разрушить все разумные доводы и обоснования. Лишь в ходе развития культуры нашего века художники научились понимать это искусство, хотя даже имитировать его могли решиться только величайшие виртуозы вроде Владимира Лебедева, притом еще в легендарных двадцатых годах, когда художники отваживались на многое с большой легкостью. Теперь молодые живописцы и графики увлекаются сибирскими «писаницами» — рисунками на скалах по берегам великих рек, которые оставили охотники неолита и бронзового века, — столько в них природной смелости, экспрессии, так увлекательны загадочные знаки, первобытные письмена: Всего этого достигли люди столь глубокой древности, что при объяснении их искусства часто любят прибегать к поискам «мудрых учителей», скажем, инопланетян, что, разумеется, ничего не объясняет, а только вносит в умы еще большую сумятицу.

Так же невероятны готические соборы с их сложнейшей тектоникой, кружевными пинаклями, фиалами, аркбутанами, которые магически выносят неимоверную тяжесть огромных сводов; а ведь родилась эта математически выверенная система (хотя неясно, кто и как вел расчеты) сразу же в первом готическом здании. Казалось бы, нужны столетия, пробы и ошибки, поиски и находки, чтобы выработать подобное фантастически сложное гармоническое целое — на

изобретение и усовершенствование паровоза или самолета ушло куда больше времени, хотя их строители были вооружены достижениями науки и техники, неизвестными в середине XII века. Не менее неожиданны успехи первых художников и архитекторов Возрождения. Капелла Пацци во Флоренции, которую Филиппо Брунеллески построил на самой заре нового стиля XV века, поражает естественностью, вошедшей в плоть и кровь архитектора, свободным и непринужденным истолкованием форм классической архитектуры. Можно умножать такие примеры без конца.

Конечно, в искусстве большую роль играет вторжение гения, нарушающее логику развития во времени каждого явления. Но гений, как известно, является в нужный момент в нужном месте и ускоряет то, что совершилось бы и без него, но куда медленнее и не с той последовательностью и совершенством. Развитие же художественного стиля, направления, вида или жанра имеет свои твердые законы и напоминает развитие организма, а стало быть, есть возможность предвидеть будущие успехи либо неудачи, прогнозировать возможные повороты. Собственно говоря, вся история критики — литературной, художественной, музыкальной, театральной, — это также история прогнозирования. То, что Дидро в XVIII веке написал о колоризме Шардена, оказалось не менее важным для колористов XX века, скажем, для позднего творчества Роберта Фалька или Джорджо Моранди. Шарль Бодлер угадал главный принцип изображения действительности не только в картинах импрессионистов (первые их картины он еще застал), но и в искусстве всего XX века. Написанное Владимиром Стасовым о народной драме Мусоргского стало программой многих крупных музыкантов, художников, писателей.

Критики сами часто понимали, что имеют дело с будущим искусства, о чем свидетельствуют и «Парадокс об актере» Дидро, и «Литературные мечтания» Белинского, и запальчивые споры об искусстве наших дней — что кончилось, а что началось и что нас ждет впереди.

Смотреть на искусство как на закономерный развивающийся организм свойственно человеку: подобно дереву, что корнями уходит в землю, создает мощный ствол и раскидистую крону, разбрасывает семена будущих деревьев, а затем сохнет, теряет соки и уступает место новым поколениям, большое явление в искусстве проходит свои стадии развития. Однако искусство состоит из индивидуальных явлений, которые иногда подчинены общему потоку, а иногда властно меняют его течение. Нам трудно, разумеется, объяснить, почему высокие достижения палеолитической пещерной живописи прояви-

лись в Южной Франции и Испании, а не там, где ожидать их было бы наиболее естественно, — в долинах великих рек от Нила до Хуанхэ, а более всего — на «золотом мосту», соединяющем Африку, Азию и Европу, в Восточном Средиземноморье. Здесь, по-видимому, «возникал» человек, складывались первые языки и первые цивилизации, зарождалось и искусство, во всяком случае первые портреты мы знаем в Иерихоне в VII тысячелетии до нашей эры. Но великая палеолитическая живопись — знаменитые бизоны, олени, лошади — все же возникла в пещерах Испании и Франции (Альтамира, Фон-де-Гом, Ляско). Это заставляет подозревать неизвестный нам фактор — человеческий гений, индивидуальность, даже коллектив гениальных людей (что позже нам знакомо на примерах титанов Возрождения, импрессионистов или, скажем, русских авангардистов десятих — двадцатых годов XX века).

Как же складываются отношения между законом развития и личностью в наши дни? Вероятно, это проблема не одного искусства, но она должна быть связана с особыми условиями нашего времени, которое мы называем одновременно «тоталитарным временем» и эпохой «культы личности». Отрицание прав личности и одновременно возведение личности на недосягаемую высоту кажется отнюдь не только взаимоотношений «партии и народа»: в искусстве тоже были «признанные народом» вожди всесоюзного, республиканского и областного значения и бесправные художники. Будь они трижды гениями, но не членами Союза художников, их существование вообще получалось незаконным, и они могли разве что укрыться под личиной самодельных художников, рассыпанных по кружкам и дворцам культуры.

«Бюрократический централизм» не был создан Сталиным, он унаследован от времен Николая I и Гоголя, если не от времен создания имперского строя при Петре I. Получил он в наследство и традиционную структуру, материальную базу, социальные учреждения, которые поддерживают каждого принятого в коллектив. Союзы художников с их фондами и комбинатами, яслями и поликлиниками, лагерями и домами творчества в годы перестройки немало потеряли, но немало и сохранили. Чем дальше от Москвы, тем нужнее художнику его Союз, привычный центр организации выставок, распределения красок и других материалов, а теперь он приобрел еще черты коммерческой организации. Интерес международного рынка к «доподлинным» сочинениям — композициям в духе социалистического реализма — к пионерам, подносящим цветы Сталину или Хрущеву, колхозникам, идущим на сенокос, токарям или не-

фтяникам, ставящим трудовые рекорды, — этот коммерческий интерес поддерживает и приверженность традиции. Правда, представление о традиции изменилось: это не утвердившиеся полвека назад идеология, партийность, народность, а нечто приближающееся к принципам, что сформировались столетие назад, при Александре III и Константине Петровиче Победоносцеве. Последний был Суловым и Ждановым в одном лице в то время, когда вырабатывались столь же железные принципы идеологии и государственной дисциплины. Подобное смещение в «творческих» ориентирах происходит как бы само собой, без усилий и без крупных индивидуальных лидеров, место которых занимают выбранные председатели.

Однако будем надеяться, что эта столетняя традиция, которая, вне всякого сомнения, бессмертна и войдет в любое будущее при всех его поворотах, не единственная. Есть и другая, задушенная и раздавленная без всякой жалости в тридцатых годах, — традиция российского авангарда. О классическом авангарде десятих — двадцатых годов сложилась обширная мифология, густым туманом застилающая художественные реальности того времени. Правда, мифология основана на манифестах, публичных лекциях, статьях, брошюрах, стихах и просто запальчивых заявлениях самих художников и теоретиков той поры, сделанных нередко в пылу борьбы, в стремлении уязвить противников и привлечь жаждущую небывалых подвигов молодежь. Романтика космических фантазий, решимость разрушить сложившийся уклад жизни и построить новую среду для совершенно новых типов людей словно заслонила огромную практическую работу тогдашних художников, архитекторов, дизайнеров, сценографов. Их открытия обогатили и поставили на твердую почву принципы современной архитектуры, художественной промышленности, искусства в быту во многих странах мира. В родной стране эти же творческие принципы сделали их носителей (и созданное ими) жертвами идеологической борьбы. Увы, в России не в первый и не в последний раз искали врага именно в творческой личности, видя в ней угрозу государственной дисциплине. Зато возрождение авангарда, его идей и устремлений в пятидесятых и начале шестидесятых годов стало уже открытой драмой борьбы за творческую свободу личности, бросившей вызов тоталитарному строю.

Кружки, подпольные студии, где занимались абстрактной живописью, появились еще при жизни Сталина, а во времена хрущевской «оттепели» этот порыв к духовному освобождению стал властной потребностью всех общественных слоев: художники оказались на гребне могучей волны обновле-

ния, и именно это сделало их излюбленной мишенью нападок Хрущева. Часто повторяющиеся сейчас слова о его «просчетах», «ошибках», «напрасной конфронтации с интеллигенцией» лишены логики, если вспомнить, что перед генеральным секретарем уже замаячил призрак военного превосходства, в жертву которому были брошены и политика, и экономика, и здравый смысл. Загнанное в подполье искусство авангарда самим фактом своего существования противостояло всеобщему порядку.

Главное, что необходимо понимать и учитывать: наш авангард и авангард Запада существовали в двух малопересекающихся Вселенных из-за разницы в задачах и целях. Представителей зарубежных авангардных течений волновали новизна и ошарашивающая парадоксальность коллективных открытий в эстетике. Московские и ленинградские диссиденты тоже любили шокирующие эффекты, но смысл их был в другом: они демонстрировали бесстрашие личности перед лицом всеильной и безжалостной власти. Эти жестокие игры продолжались до самой перестройки.

Было бы удивительно, если бы наш авангард второй половины XX века, детище кухонь и коммунальных квартир, весь пронизанный духом иронии и отрицания, вдруг занялся устройством общественного и домашнего быта, по примеру «нормального» авангарда Америки, Европы, Японии и даже России послереволюционных лет. Именно в тесных, жалких комнатках, в подвалах и на чердаках должно было родиться это искусство — насмешки над дурацкой самовлюбленностью господствующего строя и не менее остро ощущения полета, романтического вознесения духа над претенциозной обывательской жизнью. Все это переплеталось в композициях и альбомах Ильи Кабакова, которые были созданы в знаменитой теперь башне дома на Сретенском бульваре. В годы перестройки искусство советского авангарда почти мгновенно мощным потоком затопило выставочные залы и клубные помещения, почти мгновенно заполнило страницы художественных журналов, выставив — заслуженно или незаслуженно — то, что стали считать «официальным», «конформистским» искусством. Успех нашего авангарда у молодежи был оглушительным и быстрым, поскольку он приобщал к творчеству любого, кто хотел оставить свой след на земле.

Последыш отечественного авангарда, «соц-арт», стал своего рода классикой и утвердился в качестве привилегированного гостя на заморской земле. Но увлечение экзотическим российским, украинским, грузинским или киргизским авангардом, захватившее было международные выставки и рынки, обогатившее многие фирмы и галереи, постепенно

схлынуло, вызывая усталость и разочарование. В России же возникла тоска по добрым старым временам, она проявилась в элегическом, ностальгическом и зачастую иронизирующем над собой искусстве, полном намеков и цитат из стилей прошлого, которое получило название «постмодерна». Оно довольно быстро стало распространяться в среде профессиональных художников высокой квалификации: сложные виды серийной или уникальной графики, рукописная книга, керамика и стекло, изысканная эмаль, замысловатые ювелирные изделия. Все это стало своего рода протестом против того вольного, раскованного, не знающего границ и традиций молодежного авангардизма, «знамения» новой демократической всеобъемлющей культуры.

За десяток лет, прошедших со времени крушения идолов социалистического реализма и сюжетно-тематических композиций, славящих мнимое процветание «развитого социализма», как будто вихрь пронесся по нашим выставочным залам, по всем апартаментам и закоулкам художественной жизни. Однако ожидавшаяся трагедия художника, оставшегося без традиционной поддержки и без социальной защиты, все же не произошло. Каждый представляющий интерес

художник так или иначе нашел свою «экологическую нишу» то ли в реформированном Союзе художников, то ли в коммерческом предприятии, галерее, салоне. Интерес к российскому (либо украинскому, молдавскому, армянскому, узбекскому и другому) искусству не умер; он поддерживается и за рубежом, хотя теперь очень избирательно и требовательно среди тех людей и организаций, которые могут платить за понравившиеся им работы. Рынок произведений искусства, конечно, сложный (это большая, но совсем особая тема), но, честно говоря, он никогда и не был простым, особенно для серьезного, ищущего художника. Традиционалистское искусство всегда найдет поддержку у консервативных политических и коммерческих сил, и нет оснований думать, что их позиции в обозримое время ослабнут. А что можно считать «искусством будущего» в авангардном лагере? За десять лет явилось такое обилие направлений, течений, видов искусства, самых разнообразных и ошарашивающих новаций в этом лагере, что выбор велик, но и уста-

лость велика — и у зрителей, и у художников.

Идут разговоры о конце авангарда. Однако в нашей стране он так и не сыграл своей естественной роли в силу экстремальных условий политической и экономической истории. У нас так и не возникло искусство, составляющее художественную базу собственной повседневной жизни — домов, в которых мы живем, обстановки, среды. Так получилось, что наш авангард стал защитником и проводником идей индивидуальной свободы и смеялся над общезначимым и массовым. Изменить это положение не столь просто, но жизнь будет входить в свои нормальные берега, и она потребует усилий крупных художников в поисках собственных только нам и в наше время форм станкового и декоративного искусства, которые определят наш быт и наше эстетическое окружение.

Но вне уже привычной битвы традиционалистов и авангардистов есть искусство, которое возникло как бы само по себе и которое можно было бы обозначить как «просто искусство». Нельзя считать его искусством без исторических корней, но в России советского времени было много начал, которые не получали продолжения, так же, как было много экстремальных конечных результатов, которым не предшествовало естественное развитие. Начала «современного стиля» в архитектуре и художественной промышленности проступали и в середине двадцатых годов, и на рубеже пятидесятых и шестидесятых, и в обоих случаях были обрублены ради целей, которые казались более важными. Так и искусство, вырастающее органически, естественно, в своих свободных индивидуальных формах, тоже имеет свои пред-

посылки в живописи, скульптуре и графике выпускников Вхутеина на рубеже двадцатых и тридцатых годов, а потом в творчестве художников второй половины шестидесятых. Интересно, что в наши дни источником «просто искусства» стали не художественные столицы, а города российской провинции, которым несть числа. Некоторые из них стали также центрами художественного образования — не академического, с узаконенными методами и программами, а свободно сложившегося соответственно вкусам учителей и учеников: в Нижнем Тагиле и Ярославле, Омске и Ставрополе, Оренбурге и Красноярске. Сейчас в Москве и Санкт-Петербурге складываются также новые кружки, объединения художников. Есть ли это искусство нашего будущего — работы таких художников, как Андрей Поздеев и Николай Рыбаков в Красноярске, Владимир Наседкин и Татьяна Баданина в Нижнем Тагиле, Аркадий Ескин и Геннадий Глахтеев в Оренбурге, Николай Аникин в Челябинске и многие другие (теперь уже многие)? В большой мере это так.

Впервые выросли поколения художников, не испытавшие прямого давления политических и художественных организаций и рынка. Но пока искусство, возникающее «само по себе», обращено не столько к настоящему и будущему, сколько к прошлому, руководствуется не столько сознанием, сколько подсознанием, угадывая больше тайные страхи и надежды общества, чем его жизненные потребности. Но это — следствие состояния общества и проявления чуткости художников к внутренним голосам своего времени и своей среды. Изменения в искусстве будут зависеть от глубинных изменений в жизни общества.

*Три чукотских мудреца
Твердят, твердят мне без конца:
— Металл не принесет плода,
Игра не стоит свеч, а результат — труда.
Но я сажая алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.
Я сажая алюминиевые огурцы
На брезентовом поле.*

*Виктор Цой.
«Алюминиевые огурцы».*

Чувство**ответственности -
основа душевного
здоровья**

Таково мнение д-ра Франсуазы Деможо (Франция), изложенное на международном конгрессе «Труд и здоровье». Изучая причины возникновения стрессов, она пришла к выводу, что в их основе лежит скорее отсутствие ответственности, нежели необходимость принимать решения. Что же наиболее опасно для душевного здоровья? Да самое распространенное занятие — монотонная работа без перспектив служебного роста. К счастью, гармоничная семейная жизнь является неплохой компенсацией: на нервное перенапряжение жалуются 32% холостяков и только 25% семейных. Известно, что женщины страдают от стрессов чаще, чем мужчины — в немалой степени потому, что им, по традиции, избегают доверять ответственные посты, требующие самостоятельности и инициативы. Выход традиционный: изменить отношение к женщинам.

Двойное преимущество

О том, что из бальсы делают отличные плоты, знают все, кто читал Тура Хейердала. О том, что эту легкую (легче пробки) и прочную древесину используют в самолето- и вагоностроении в качестве превосходного изолирующего материала, знают немногие... но именно в этом-то вся беда: бальсовых деревьев слишком мало. Химик Роберт Моррисон на основе агара, извлекаемого из красных морских водорослей, создал твердый пеноматериал SEAgel. Заменитель оказался лучше самой бальсы — агаровая «пена» по прочности не уступает знаменитой древесине, но обладает неслыханным достоинством: она легче воздуха и не вспаряет только потому, что тот же воздух заполняет все ее бесчисленные поры. К тому же — к сведению путешественников на плотках — новый материал съедобен. Агар, как известно, издавна применяется в кондитерском деле.

Бригада, на выезд!

Кокакин и крэк, его более опасная и более дешевая форма, стали сушим социальным бедствием стран Латинской Америки. Они не только вызывают жестокие психозы, ведущие к тяжелым преступлениям, но подрывают само генетическое здоровье нации. У женщин применение кокаина приводит к рождению недоразвитых детей, привыкших к наркотикам еще до рождения. Если полицейские меры борьбы с наркотиками оказываются пока не слишком эффективными, то у медиков, кажется, появился просвет. Недавно доктор Дональд Ландри и его сотрудники из Колумбийского университета синтезировали фермент, который разрушает молекулы кокаина и крэка в крови. Его клинические преимущества — в быстром воздействии, ведь классические антинаркотические средства приводят к какому-то результату лишь через несколько недель приема лекарств. Можно представить, что когда АМС поступит в продажу (к сожалению, не в этом году), можно будет спасать токсикоманов одной инъекцией АМС, и бригады АМС начнут патрулировать улицы городов со шприцами в руках.

Заповедник без границ

«Путь пантеры» — это зарождающийся проект создания зеленого массива, расположенного в Центральной Америке. Он должен охватить все страны Центральной Америки за счет расширения существующих парков и открытия «коридоров», которые их разделяют. Все это облегчит миграции диких видов, изолированных сегодня на своих «зеленых островах». Проект уже собрал 4 млн. долларов взносов, например, американское агентство международного развития выделило 1,6 млн. долларов.

**"Беру камень и отсекаю
все лишнее"**

Австрийская фирма Steinform Technik запатентовала и ввела в строй роботизированную камнерезную машину Formcut. Это первое в мире устройство, управляемое компьютером, которое с изумительной точностью вырезает из камня сложно-профилированные блоки:

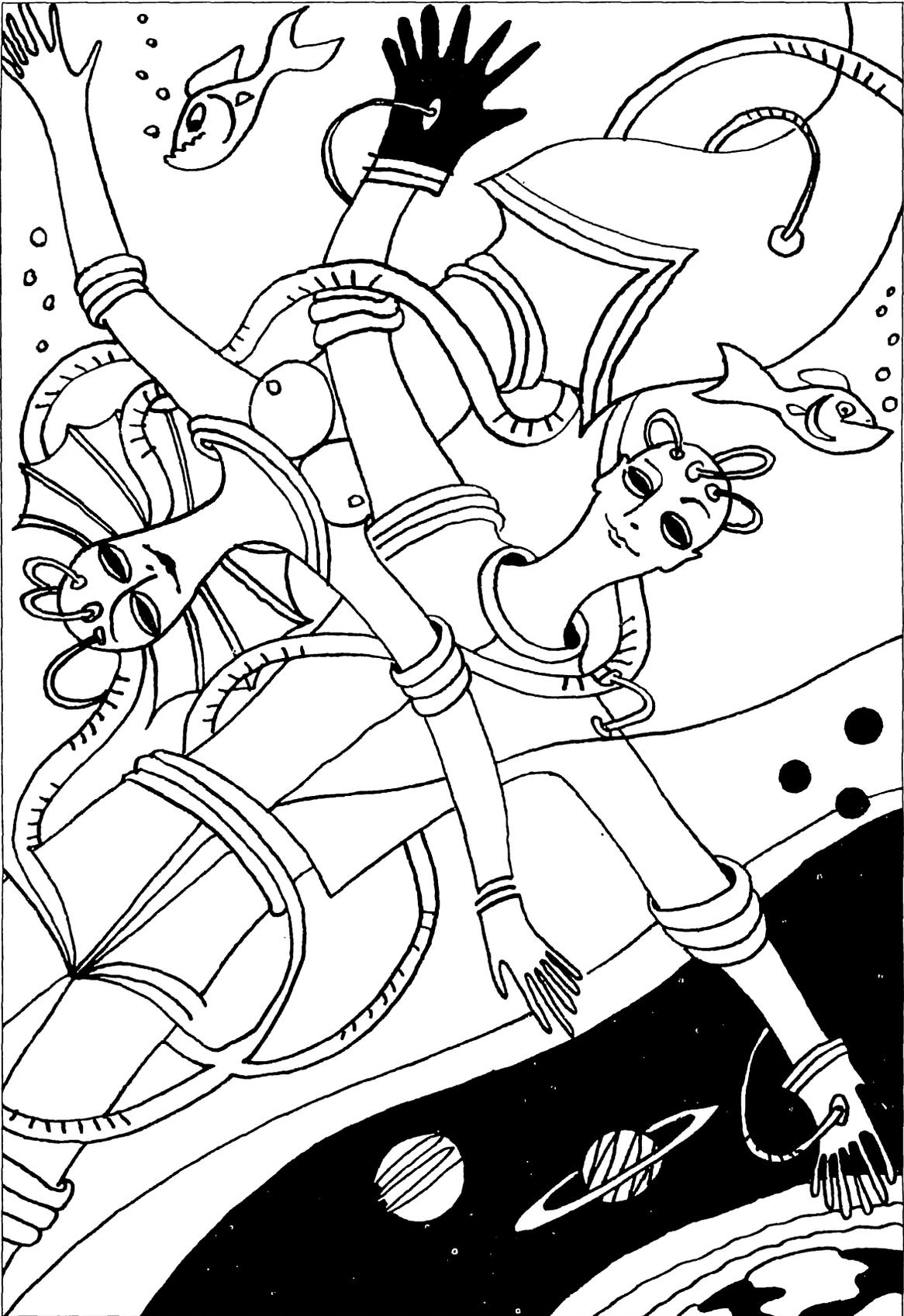
пила воспроизводит в материале контуры и формы, нарисованные от руки на информационном графическом экране. Программа сама выбирает скорость резки, учитывая размеры и качество заготовок, а также сложность конфигурации. Formcut умеет делать практически что угодно, даже высекать из натурального камня крупные скульптурные фигуры для реставрации исторических памятников.

Электрическая рука

Спецбригада ортопедического центра при Госпитале принцессы Маргарет Роз (Эдинбург, Шотландия) еще в 1987 году приступила к созданию искусственной руки, «оживленной» встроеным электромоторчиком, а в прошлом году довела проект до промышленного образца. Протез эстетичен — на «скелет», выполненный из сплава на основе алюминия, натянут чехол из силиконовой «кожи» — и функционален: конструкция сгибается в локтевом, а также лучезапястном суставах и имеет три подвижных пальца (большой, указательный, средний). Протезированный сможет поднимать и перемещать объекты весом до 1 кг. Искусственная рука весит всего 2,5 кг, а следующая модель, как обещают разработчики, будет еще легче.

Генная мозаика

Лауреатами Нобелевской премии 1993 года по медицине стали 50-летний англичанин Ричард Робертс и 49-летний американец Филипп Шарп — за открытие в области генных структур, перевернувшее представления о развитии высших организмов. Независимо друг от друга они доказали, что в принципе ген не является неделимой единицей, поскольку может состоять из отдельных субъединиц — оксонов, которые соединяются в различные комбинации. Суть явления, получившего название «генной мозаики», в том, что варианты одного и того же гена (представленные разными комбинациями оксонов) кодируют протеины с различными свойствами. Похоже, что именно такой механизм лежит в основе всех эволюционных процессов. Генная мозаика по преимуществу есть привилегия высокоорганизованных биологических существ, и в первую очередь — человека.

Фредерик Пол

Они так любили друг друга!

В рассказе, который я хочу Вам поведать, — события произошли через десять тысяч лет после нас — речь пойдет о юноше, о девушке и об их любви.

Правда, юноша будет не таким, каким мы его обычно представляем, потому что ему сто восемьдесят лет от роду. Да и девушка тоже не совсем девушка, но уже по другим причинам. А в любовной истории нет того притворства, когда самое элементарное желание окутывают романтическим флером. Не ждите и обычного для человека стремления взять верх над супругом. Не усвоив этих истин, Вы не сумеете заинтересоваться моим рассказом. Если же Вы сделаете над собой усилие и попытаетесь понять, тогда этот сюжет будет для Вас под самую завязку набит тем, над чем можно смеяться и плакать, а бурные переживания героев захватят Вас целиком.

Причина же, по которой девушка не была девушкой, проста: она была юношей.

Вижу, вижу, уважаемый читатель, как сердито Вы отшатнулись от этой страницы. На кой дьявол мне читать о паре гомиков? — думаете Вы. Успокойтесь. Я не стану угощать Вас пикантными подробностями из жизни сексуальных меньшинств. Собственно, увидев мою героиню, Вы бы не заподозрили в ней юношу. Грудь? Пожалуйста, целых две. Все, что ниже, тоже женское. А бедра — просто мечта — роскошные, плавно изогнутые. Милое симпатичное личико. Правда, возможно, Вас бы смутил ее хвост, шелковистая шкурка и жабры позади ушей.

Опять Вы шарахнулись прочь от текста. Уверяю Вас, дорогой читатель, девушка прелестна, и наверняка, оставшись с ней наедине всего лишь на час, Вы были бы готовы на самые отчаянные поступки, лишь бы вызвать огонек интереса в ее глазах. Дора, — мы назовем ее так (хотя ее имя на самом деле гораздо сложнее: Омикрон-Dibase седьмой группы, S.Doradus 5314, где последняя цифра обозначает точный оттенок присущего ей зеленого цвета) — так вот, Дора женственна и очаровательна, я настаиваю на этом. Кроме того, она танцовщица (это самое близкое слово, которое я сумел подобрать). Ее искусство требует разных качеств — интеллекта, гибкости, силы, чувства ритма — а это все предполагает как уникальные врожденные способности, так и постоянные изнуряющие тренировки. Дора исполняет свои номера при притяжении, равномулю, а танцы эти являют собой смесь эксцентрики (того, что у нас делает «человек-змея»), акробатики и классики, отдаленно напоминающей «танец уми-

рающего лебедя». Нужно еще добавить, что вся эта хореография чертовски сексуальна, хотя, конечно, чисто символически. Ведь, честно говоря, почти все, что мы считаем эротикой, — лишь художественный символ, потому что откровенный секс не вызывает ничего, кроме оторопи.

Как бы там ни было, в этот день Дора танцевала, а зрители были вне себя от восторга.

Теперь коснемся того, что же в ней мужского. Публику совершенно не трогал тот факт, что генетически она — мужчина. Да и Вас бы не тронул, потому что Вы бы этого просто не заметили. Ведь, наверное, Вы бы не стали посылать срез ее ткани на биопсию, чтобы найти хромосому ХУ. Так что зрителям, для которых она танцевала, на все это было в высшей степени наплевать.

С помощью сверхсложной техники, которой в наше время еще нет, современники Доры могут узнать множество вещей, например, определить способности детей, которые еще не скоро родятся на свет. Это делается у них на второй стадии деления яйцеклетки, точнее говоря, когда она распадается на сегменты и становится зародышем. Вот тогда наши потомки выявляют задатки будущего ребенка.

Позвольте, а разве мы бы от этого отказались? Обнаружив у ребенка музыкальный талант, мы заранее обеспечили бы ему государственный стипендию! Они же, увидев, например, что у будущего ребенка больше женских качеств, чем мужских, помогают ему стать женщиной. В грядущие столетия, о которых мы говорим, выбор пола давно уже не зависит от природы. Эта процедура легко дается современникам Доры и не вызывает тяжелых раздумий.

Ну ладно, хватит пока о Доре. Теперь уж Вас ничем не удивишь, хотя надо еще добавить, что рост у нее — больше двух метров и пахнет она арахисовым маслом. Перейдем же к самой истории.

В этот день Дора выплыла из своего дома, нырнула в транспортную трубу, которая сначала втянула ее силой водного потока, а потом выбросила вместе с фонтаном брызг на некий пластиковый помост, предназначенный для подводных жителей.

— Ч-черт! — воскликнула Дора, расставив руки для равновесия, и тут же смутилась, оказавшись в объятиях незнакомца, которому мы дадим имя Дон.

Встретились они случайно. Дон совершенно не помышлял ни о каких девушках; он направлялся туда, где бы ему поменяли старые ноги на новые. Ради сокращения пути он вступил на помост, который служил Доре репетиционным пространством и увидел создание, прелестнее которого не встречал, и сразу понял, что они созданы друг для друга.

— Пойдешь за меня замуж? — спросил он.

— Да, в среду, — выдохнула она, и обещание это прозвучало, как нежнейшая музыка.

Дон — высокий, мускулистый парень, бронзового цвета. Конечно, его имя здесь так же условно, как и Дорино. Однако если отдать должное его мужской красоте и энергии, то можно вполне назвать его Адонисом, но ради краткости мы назовем его Дон. Его цветовой код, обозначенный как 5290, означает, что он чуть более синего оттенка, чем Дора. Оба они интуитивно и вдруг почувствовали, что разница невелика и у них много общих интересов.

Вряд ли я смогу Вам точно объяснить, чем занимается Дон, — не ради заработка, а для того, чтобы придать жизни какой-то смысл и не свихнуться от скуки. Могут только сказать, что его занятия включают бесконечные межпланетные перелеты. Для того, чтобы космический корабль достиг определенной скорости, в нем должны быть примерно тридцать один мужчина и семь (генетических) женщин. Дон — один из них. Собственно говоря, он уже

начал уставать от этой работы, потому что здесь он подвергается радиации, и не столько от силовой установки на корабле, сколько от избытка радиации на той стадии, когда ядерные частицы, распыляясь, превращаются в квантовый душ. Я понимаю, уважаемый читатель, что Вам глубоко начхать на эти подробности, но я хочу обратить Ваше внимание, что Дону всегда приходится носить на себе нечто вроде второй кожи из легкого, эластичного и в то же время крепчайшего металла, цветом, похожего на медь. (Я уже упоминал его бронзовый цвет, но Вы, может быть, подумали, что это просто загар.)

Скажу больше: Дон — киборг. Множество его органов давно уже заменили приборы, надежные и долговечные. Кровь его перекачивает не сердце, а центрифуга из кадмия, легкие наполняются воздухом лишь тогда, когда он хочет что-то произнести, потому что сложная система осмотических фильтров добывает для него кислород из отходов жизнедеятельности собственного организма. Возможно, человеку двадцатого века Дон показался бы странным, с его горящими глазами и семью пальцами на каждой руке. Но сам он и, конечно же, Дора считают его прекрасным и мужественным. За время своих путешествий Дон облетел все созвездия Большой Медведицы, Млечный Путь и Тау-Кита; он доставил образцы разных сортов и пород для сельского хозяйства на планеты Канопуса и привез со спутников Альдебарана милых, умных домашних животных. Он видел тысячу звезд и десять тысяч планет, раскаленных до синевы или прохладно-розовых. Можно сказать, что Дон всю свою жизнь провел на космических трассах, иногда бывая в отпуске на Земле. Но Вам, читатель, это тоже все до лампочки. Потому что любое повествование держится на героях, а не на обстоятельствах, в которые они попали. Значит, Вы хотите знать, что было с этой парочкой дальше.

Ну что ж, они своего добились. Великое чувство, зародившись в каждом, росло, расцвело и наконец принесло плоды. Это случилось в среду, в назначенный Дорой день. Они оба вошли в шифровальную комнату в сопровождении добрых друзей (по паре на каждого), пришедших поздравить их и подбодрить. И пока личные номера влюбленных печатали на особых машинах и вносили куда надо, они улыбались друг другу, шептали ласковые слова и, краснея, выслушивали многозначительные намеки друзей. Далее, обменявшись своими математическими аналогами, молодые разошлись. Дора уплыла в свое подводное жилище, а Дон вернулся на космический корабль.

Нет, без всяких шуток, это была идиллия. После свадьбы молодые жили вполне счастливо до тех пор, пока им это не наскучило. А когда наскучило, они умерли. И уж, конечно, Вы поняли, что после брачной церемонии они ни разу не виделись.

И-да, я очень ясно вижу Вас, мой читатель. На тарелке перед вами пережаренный кусок мяса, одной рукой вы почесываете ногу, другой держите мой рассказ, а магнитофон в это время изрыгает либо рок, либо Монка. Вы не поверили ни одному моему слову, правильно? Ни на секунду не поверили. Люди так не живут, ворчите Вы и налиivate для успокоения рюмку коньяка.

И все же Дора — реальность. Вот она спешит домой по транспортным трубам, где вода несет ее со страшной скоростью. Ей больше нравится жить под водой, ученые приспособили для этого ее органы дыхания. Если я начну рассказывать вам, с каким счастливым сердцем она берет в руки записанный на пленку аналог Дона, вставляет его в манипулятор символов, подключает себя к аппарату и настраивается на прием, — если я попытаюсь все

это подробно описать, Вы или сделаете квадратные глаза, или метнете гневный взгляд, или воскликнете: «Да разве это любовь, елки-палки?» Но уверяю Вас, читатель, Дора обладает чувствами такими же страстными и приходит в такой же экстаз, как любая из ваших знакомых. И уж проделывает все это гораздо лучше, чем водится в наше время — в так называемой реальной жизни. Ну что ж, можете метать гневные взгляды и восклицать, Дора не обратила бы на это никакого внимания. Если она когда-то задумывалась о Вас, своим праотце, жившем тридцать поколений назад, то не иначе как о каком-то допотопном пещерном жителе. И нечего возмущаться. Подумайте только: Дора удалена от вас больше, чем Вы от питекантропа, жившего за пять тысяч веков до Вас. Вы не продержались бы и пяти секунд в стремительном потоке ее жизни.

Вы, конечно, думаете, что прогресс идет по прямой? А если он движется по восходящей, ускоряющейся кривой, может даже при возведенных в степень показателях? Для того чтобы что-то начать, нужны громадные, я бы даже сказал, адские усилия, но уж когда что-то начато, процесс развивается стремительно, как взрыв динамита. А Вы, сидящий в уютном кресле и поедающий кусок мяса с выпивкой, — вы еще только подожгли биффордов шнур.

Какое у нас сейчас время? Шесть или семь тысяч дней от Рождества Христова? Вот то-то же. А Дора живет в миллионный день, десять тысяч лет спустя. Из жиров, накопившихся в ее организме, искусственно удаляют калории; вредные отходы изымаются во время сна прямо из кровотока, так что ей даже не нужно выходить в туалет. Повинуясь капризу и желая как-то провести скучные полчаса, Дора может получить в свое распоряжение больше энергии, чем все население нынешней Португалии, и с помощью этой силы умчаться куда-нибудь на уик-энд.

Дора очень любит Дона. Она хранит (в форме математических символов) каждый его жест, манеру, нюанс поведения. Она помнит прикосновение его руки, страсть поцелуя и восторг слияния их тел. И для того, чтобы оказаться в его обществе, ей нужно всего лишь нажать на кнопку.

Дон, естественно, тоже вызывает Дору. Дрейфуя на планете-спутнике, всего лишь в нескольких сотнях километров над ее головой, или же летая по орбите вокруг Арктур на расстоянии пятидесяти световых лет, он думает о ней. Но стоит ему всего лишь включить собственный манипулятор символов, и Дора, вызванная из ферритовых ячеек, оживает. Они проведут всю ночь в любовном экстазе. Не в плотском смысле, разумеется. Дело в том, что и плоть-то изменилась до неузнаваемости; то, к чему мы привыкли, не доставило бы ему никакого удовольствия. Для наслаждения Дону не нужна плоть. Его руки, губы, мужские органы — только рецепторы, принимающие и излучающие импульсы.

Он сгорает от любви, толкование импульсов приводит его к агонии или к оргазму, манипулятор символов дает ему аналоги объятий, поцелуев, страстных восторженных часов, проведенных с аналогом Доры, — ее вечным, изысканным и непогрешимым образом. Для другого это аналог Дианы, или милой Розы, или хохотушки Алисы.

Господи, какая чушь собачья, скажете Вы. Ну хорошо, а что бы подумали наши предки о Вас? О том, как вы мажетесь лосьоном после бритья, ездите в красном автомобиле, на службе весь день перекладываете бумажки, а ночь проводите совсем бесплодно. Скажите, какого мнения был бы о вас какой-нибудь царь Ассирии Тиглат Паласар или повелитель гуннов Аттила?

*Перевела с английского
Элла БАШИЛОВА*

Павел
Гуревич,

доктор философских наук

ПРИТЯЖЕНИЕ СВЕТИЛ

КРИСТАЛЛ ЛЮБВИ

Любовь, страх, вера, властолюбие, фанатизм... Не страсти ли правят миром? Не через них ли проступает человеческое бытие? Проницательные мудрецы, писатели разных времен стремились взглянуть в человека, захваченного сильнейшим порывом, войти в мир тончайших душевных переживаний, распознать в них тайны жизни.

Эти движения души уникальны: их нет в животном мире. Драма человеческого существования раскрывается именно в «упоении страстями». Среди них первозданной кажется нам любовь... Ведь человечество ни одного дня не могло бы прожить без нее.

Будучи универсальной и напряженной страстью, любовь пронизывает человеческое существование на протяжении всей жизни. Она по сути дела определяет фундаментальные основы бытия. И в то же время проявляет себя как глубоко индивидуальное, глубоко личностное, уникальное чувство. Эта страсть всеобъемлюща и неповторима. Она принадлежит человеческому роду и лично мне, вам, ему. Пламя любви — вечное повторение и вечное открытие.

В древних космогониях Эрос — это изначальная стихийная страсть, которая приводит в действие механизм порождения мира. Образ живительной природы, вечной царицы бытия, был неотторжимым компонентом мистических культов начала времен. Поклонение Эросу проявлялось в разнообразных формах, иногда аскетических, иногда бурных, оргиастических. Так, культ богини Изиды из древнеегипетской мифологии был сопряжен с отречением от земных радостей, с подвигами в честь богини плодородия. Жрецы даже оскопляли себя ради этого вечного символа супружеской верности и материнства. А вот в храмах Афродиты вершился обряд священной проституции.

Древний человек стремился достичь оргиастических состояний с помощью природных наркотиков. Многие ритуалы первобытных племен подтверждают это. Сексуальное переживание усиливалось в группе, в первобытном коллективе. Массовые эротические оргии были частью первобытных обрядов. Чувство вины и стыда исчезало. В старинных мистериях разыгрывался акт кровавой оргиастической драмы. Люди превращались в испуганных богоубийц, в жестоких сладострастников. Они терзали тело бога, превращенное в пищу, вступали в мерзкое соитие с животными, с родными по крови. Вершились дела, о которых в нормальное время никто и не помышлял. Эрос обнажал свою природную стихию. Темные, слепые страсти приводили к злодеянию. И вместе с тем несли в себе символический смысл. Этим достигал-

ся эффект катарсиса, целебного психологического взрыва.

Ужаснувшись развращающейся бездне, участники мистерии завершали драму глубоким раскаянием. Они оплакивали жертву, рвали на себе одежды, покрывали собственное тело ранами, посыпали голову пеплом. Эрос не только увлекал в «недр души помраченье» (М.Цветаева), он просветлял душу, пробуждал совесть. Не позволяйте себе превратить этот ужас в повседневность — таков урок древних мистерий. Оказавшись действующими лицами драмы, остановитесь, прокляните разрушительные страсти...

Но отчего в истории эти кровавые оргии соседствуют с примерами возвышенного целомудрия, одухотворенной любви? Почему романтические, платонические чувства сменяются почитанием разнузданных наслаждений? Отчего даже в одной культуре мы видим разноликость Эроса? Ответ отчасти прост: все это заложено в человеческой природе. Он способен на самопожертвование и на предельное господство над телом другого человека. Спектр этих чувств необычайно широк. Отдельному индивиду или отдельной культуре остается сделать только то или иное предпочтение...

СТРЕЛЫ ОГНЕННЫЕ

Любовные традиции западного мира берут свое начало в Древней Греции. Вспомним диалог Платона «Пир». Философ пересказывает миф о рождении любви: боги прогневались на человека, который первоначально не был ни мужчиной, ни женщиной. Первочеловек был разделен на две половинки, теперь каждый ищет свою неразделимую часть. Человеческое бытие изначально разломлено, расколото. Каждый из нас воплощен творением конкретного пола. Только в этом, заведомо очерченном пространстве, человек может ощутить себя личностью. Иная отдельно мужская или женская форма жизни оказывается невозможной. Оба начала заключены в человеке. Они властно зовут к несбыточному воссоединению. «Я знаю пламя, тоскующее в разделенности тел...»

Каждый из нас может отыскать в себе отзвук тех или иных страстей, будь то любовь Суламифи и царя Соломона, Дафниса и Хлои, Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты. Захваченный любовным экстазом или, напротив, хранящий целомудрие, каждый из читателей может увидеть в истории человечества проекцию собственных чувств.

В библейской Песне Песней говорится: «Стрелы любви — стрелы огненные...» Христианство принесло с собой радикальное переосмысление любви. Отныне она стала пониматься не только как человеческая страсть, но и как державная основа человеческого бытия. Братская любовь — это любовь ко всем людям. Не случайно главный объект человеческой любви в Ветхом Завете — бедняк, чужестранец, вдова и сирота и даже тот, кто является национальным врагом — египтянин и эдомит.

Теплотность, которую прославляли древние эллины, в христианском идеале соотносится с духовностью.

Меняются времена, меняются нравы, меняется содержание человеческих чувств, — кажется, такую нехитрую мысль вложил Ф. Пол в свой рассказ. Простим автору некоторую горячность и стремление бросить вызов читателю, ведь сколь бы эпатажной ни представлялась писателю идея собственного произведения, чувства, которые испытывают друг к другу его герои, вполне земные. Так что оставим в покое компьютерного посредника между двумя влюбленными — это лишь плод саркастической фантазии автора — и вспомним то, что писатель оставил за кадром: образ любви в различных культурах.

Любовь отныне воспринимается как святость. Человеку, захваченному страстью, надлежит взращивать в себе чувства, через которые и раскрывается личностное богатство. Любовное переживание не только уникально. Оно носит также всеобъемлющий характер, потому что безграничны объекты этого чувства — Бог, ближний, дальний...

Под влиянием христианских принципов преобразились все стороны жизни людей. Проповедая пылкую, страстную любовь, христианство отделило ее от секса. Христианство с его неприемлемым чувственным подчеркивало несправедливый, преступный характер многих видов поведения, которые без особых сложностей реализовались в античном мире. Оно запретило получать удовольствие от секса, любви и брака как таковых. Обет безбрачия и девственности прославлялись в качестве высочайших идеалов, а мужчин и женщин поощряли к сожительству в духовном браке. Как ни странно, неприятие секса в христианстве привело к противоположному результату, придав любви и сексу такую ценность, какой они никогда прежде не имели.

КУЛЬТ СТРАСТОТЕРПЦА

Средние века нередко называют временем развития личности. Однако человек той эпохи находился в потоке самых различных культурных феноменов. Рыцарские возвышенные чувства соседствуют с образами грубой телесности, животной чувственности. Романтические куртуазные переживания нередко сочетаются с культом разнужданных наслаждений. С одной стороны, распространение христианства породило поклонение «вечной девственности». С другой стороны, культура Средневековья демонстрирует раблезианские образы «материально-телесного низа» (М.Бахтин).

Плоть в христианстве рассматривается как причина всех человеческих злоключений. Подлинной святостью окружается лишь фигура аскета, великомученика, страстотерпца. Победа над тягой к наслаждению, половое воздержание становилось смыслом земного бытия.

Борьба с плотскими чувствами велась по всем направлениям. Даже самые невинные наслаждения объявлялись невозвратными. Но эротическое влечение приобретало при этом иной облик. В самом деле, если кто-то отказывается от полового акта, то это вовсе не означает, будто он отрекается от любви. Ведь в эросе есть духовное начало.

Патриархальное общество воспринимало женщину в двух ипостасях: как созидательницу и как разрушительницу. Она была символом двойственной биологической природы, единства любви и смерти. Средневековая религия устранила этот дуализм. Дева Мария превратилась в символ любви и жизни. Но исчезла ли человеческая потребность в персонализации злой силы? Нет, не исчезла... Кроме образов Девы Марии и Прекрасной Дамы в средневековом сознании возникает «черный символ» — ведьма... В противовес злым сатанинским чарам культивируется светлое чувство — амор...

Между XI и XIV веками в Западной Европе возникло принципиально новое понимание любви, которое можно охарактеризовать как одно из величайших изменений не только в чувствах людей, но и в духовном сознании человечества. Новое понимание выразилось в появлении куртуазной любви, или амор. Ее расцвет приходится на XI век с его крестовыми походами, организованными папством против ислама в Испании и на Среднем Востоке. Вслед за установлением связей с исламскими государствами в Южной Франции, а затем и во всей Западной Европе возникла новая поэзия, прославляющая страстную любовь к женщине. Из королевства в королевство ее несли трубадуры, поэты и миннизингеры. Поэзия куртуазной любви в романах о Тристане и Изольде, Ланселоте и Джиневре, Троилюсе и Крессида, а также в подлинной истории Элоизы и Абеляра.

В этих романах прославлялись разного рода страдания на почве земной любви, названные «горькой сладостью или сладкой горечью». Наивысшим счастьем считалось испытать неутоленную страсть. Вокруг любви возник своеобразный культ. В отличие от эроса амор был личным и избирательным чувством.

Предмет любви всегда тщательно выбирался и не мог быть заменен никем иным. Чтобы стать достойной поклонения, женщине полагалось быть недостижимой.

В XIII и XIV веках платоническая любовь становится модой в европейской литературе. Она вдохновляет лирику Данте, Кавальканти, Петрарки. Плотское ощущение одухотворяется до самых отвлеченных привязанностей. Любовь понимается как страсть, которая зарождается в душе при посредстве чувств. Она определяет поступки людей — королей, поэтов, мечтателей. Но в противовес этой романтической традиции укрепилась другая — прозаическая, низменная, реалистическая. В ней любовь содержала лишь земные грубые черты. Все возвышенное третирировалось как призрак, выдумка.

Зато телесная любовь представляла во всем великолепии своих мирских проявлений. На этой основе возник культ чувственности. У французского писателя Франсуа Рабле он находит преувеличенные, гротескные формы. Можно, например, нафантазировать, что женщина могла забеременеть от тени монастырской колокольни. Писателю этот образ важен, чтобы усилить впечатление от земного сладострастия.

ОБЛАГОРАЖИВАНИЕ СТРАСТИ

Церковь средних веков в целом не проводила различия между чувственностью и развратностью. Человеческая сексуальность трактовалась как погибельная страсть. Но вот новая эпоха ознаменовалась иным отношением к эросу, которое сопровождалось облагораживанием нравов и чувств. В культуре Возрождения получило признание эллиническое воззрение на то, что жизнь соотнесена с человеческой природой. Мыслители той эпохи не сомневались, что человеческая красота со-

образна с божественной. Люди оценивались как лучшее создание природы и божества.

В противоположность учению римско-католической церкви гуманисты Возрождения утверждали, что человек полностью принадлежит земному миру. Был провозглашен идеал «человечного человека». Культ телесных, плотских радостей пронизывает творчество известного итальянского гуманиста Джованни Бокаччо. Писатель рисует мир интимных и сокровенно лирических переживаний. Любовь осмысливается как начало человечности и очищения. Открытость, которая сопутствует описаниям лирических сцен, продиктована представлением о том, что любовь — естественное человеческое чувство.

Однако эти взгляды в панораме новой культуры претерпели изменения. Реформация — социальное и духовное движение XV в., осуществила пересмотр средневековых и возрожденческих представлений о любви. В соответствии с новой этикой, которая диктовалась протестантизмом, человек должен отказываться от наслаждений. Протестантская этика исповедовала супружескую верность, семейные добродетели. Викторианский кодекс требовал соблюдения предельного целомудрия, вплоть до ханжества. Столы и стулья покрывали длинными белыми скатертями до самого пола. Ножи, конечно, деревянные, но нельзя, чтобы они были голыми. Это рождает не вполне сдержанное отношение к чувственности.

Однако в следующую эпоху — барокко — усиливается культ плоти. Вновь возникает интерес к плотским порывам как законным побуждениям человека. Любовь предстает теперь в особом истолковании. С одной стороны, чувственность предполагает погибельную страсть, телесное наслаждение. С другой — рождается мир пленительных иллюзий, где любовь оказывается не простой, а изысканной, манерной, прихотливой.

В эпоху абсолютизма процветал культ женщины как источника счастья, наслаждения и любви. Здесь все прекрасно. Никогда женщины не были так соблазнительны. Никогда мужчины не казались столь элегантными. Ренессанс выше всего ценил в мужчине цветущую силу как важнейшую предпосылку творческой мощи. Иное в эпоху абсолютизма: он считает все крепкое и могучее достойным презрения. Сила оказывается эстетически безобразной. Эпоха абсолютизма подчеркивает рафинированность всего телесного.

АНТИПОДЫ

Казалось бы, такое признательное и трепетное восприятие любви должно было закрепиться в европейской культуре. Но вот грядет эпоха Просвещения — XVIII век. Многие идеалы барокко, равно как и этика протестантизма, пересматриваются. В частности, провозглашается, что душа не имеет пола. Это означает, что на деле неповторимость чувства отвергается. Делается ставка на нивелировку переживаний. Любовь все чаще трактуется как чистое безумие, недостойное человека.

В эпоху Просвещения главенствовал разум. По этим меркам и пытались

выстроить все человеческие отношения. Однако мир человеческих страстей оказался принципиально нерегулируемым. Не случайно именно в этом веке родилось слово «садизм» по имени известного маркиза де Сада, автора многих произведений, в которых он пытался рассказать о причудливых проявлениях страсти. Слово «садизм» вошло в обиход и стало синонимом половых извращений, сопряженных с жестокостью и острым наслаждением чужими страданиями.

Де Сада называли знатоком сладчайших наслаждений, провозвестником раскрепощенной плоти, мастером сексуальных видений, сокрушителем господствующих целомудренных нравов. Феномен де Сада оказался возможным именно потому, что он выявился в обстановке кризиса просветительской модели культуры. Любое общество, демократическое или тоталитарное, навязывает людям те или иные эротические стандарты. Оно пытается вмешаться в ту сферу жизни, которая называется личной, интимной. Писатель и философ де Сад одним из первых в европейской культуре осознал эту закономерность.

По мысли де Сада, любовь и ненависть глубоко сплетены, неразъемны в человеческой психике. Оказывается, можно получать наслаждение не только от соучастности сексуального партнера, но и от жестокого обладания им. Причина страдания женщине, можно испытывать прилив блаженства. Но это еще не все. Жертва не просто несчастная простушка, ждущая сочувствия. Она способна тоже получать удовольствие от тех терзаний, которые выпали на ее долю.

Однако и в постпросветительскую эпоху протестантская этика — антипод садизму — не исчезла. Немецкий поэт XIX в. Л. Эйхродт стал печатать в одном из мюнхенских изданий стихи, посвященные семье, дому, патриархальным традициям. Он помещал их под псевдонимом Готлиб Бидермейер. Нет, поэт никого не хотел мистифицировать, он и не помышлял о том, что его выдуманное имя станет обозначением новых ценностных ориентаций целой эпохи. Не думал он и о том, что благодаря ему сложится эталон женской красоты и нравственности. Как выглядела воспетая им девушка? Крошечкая, благородная, женственная. Созданный поэтом образ благонаправленного человека в сознании средних слоев населения превратился в воплощение идеала. Более того, стиль «бидермейер» проявил себя в искусстве, литературе и архитектуре.

ЛИБИДО

В нашем столетии началось новое раскрепощение страстей. Сначала оно было связано с распространением фрейдизма, учения о главенствующей роли сексуальности в жизни человека. С конца XIX в. в обиход вошло еще одно слово — «либидо», которое переводится как желание, влечение, страсть. Немецкий ученый Альберт Молль, который ввел это слово в повседневную речь, полагал, что глубинное сексуальное переживание воздействует на всю психическую и нервную деятельность человека.

Для Фрейда понятие «либидо» стало одним из ключевых. Он отождествлял его с эротической психической энергией. Секс, по мнению австрийского ученого, лежит в основе всей человеческой жизни. Созданный Фрейдом психоанализ, став массовой психотерапевтической практикой, естественно, содействовал изменению сложившихся в обществе установок. О сексе стали говорить открыто, как о чем-то существенно значимом для человека...

После второй мировой войны западное общество стало постепенно превращаться в потребительское. Сказались результаты научно-технического прогресса. Накопленное богатство, естественно, меняло ценностные ориентации людей. Прежняя протестантская этика, предписывающая людям воздержание, самоограничение, утрачивала популярность. Недавний производитель оказывался одновременно и потребителем. Обнаружился невиданный запрос на гедонистические установки. В этих условиях и разразилась так называемая сексуальная революция, которая отвергла пуританские взгляды на эрос.

Нынешняя сексуальная революция началась в Америке, потом перекинулась в Европу. Своего предельного пика она достигла в Швеции. Но вот парадокс. Когда Швеция превратилась в потребительский рай, она немедленно поразила мир самой высокой статистикой самоубийств. Многие, обретя «безграничное счастье», покончили с собой.

Ныне сексуальная революция практически во всех развитых странах резко идет на спад. Может быть, по эффекту маятника, грядет очередная целомудренная эпоха? Основания для такого прогноза есть. Революция полов, взбудоражив людей, обнаружила вдруг острую тоску по обыкновенной любви. С ухаживанием и пониманием. С застенчивостью и добровольными ограничениями. С преклонением и любовными ласками вместо демонстрации технических приемов.

А у нас? Конечно, мы переживаем прилив запоздалой моды на секс. Буревестники сексуальной революции реют едва ли не на каждом углу. Гласность, как подметил один из публицистов, сделала открытыми все зоны — от исправительно-трудовых до эrogenных. Можно, например, по сходной коммерческой цене купить древние китайские трактаты об «искусстве спальни» или индийскую «Камасутру». Причем издатели добросовестно освобождают трактаты от философских размышлений — их неотъемлемой части, — от поэзии и романтики.

Но, кажется, и мы уже устали от бесконечных демонстраций обнаженных тел. Кстади, у Фредерика Пола есть по этому поводу прекрасная фраза: «Откровенный секс вызывает оторопь».

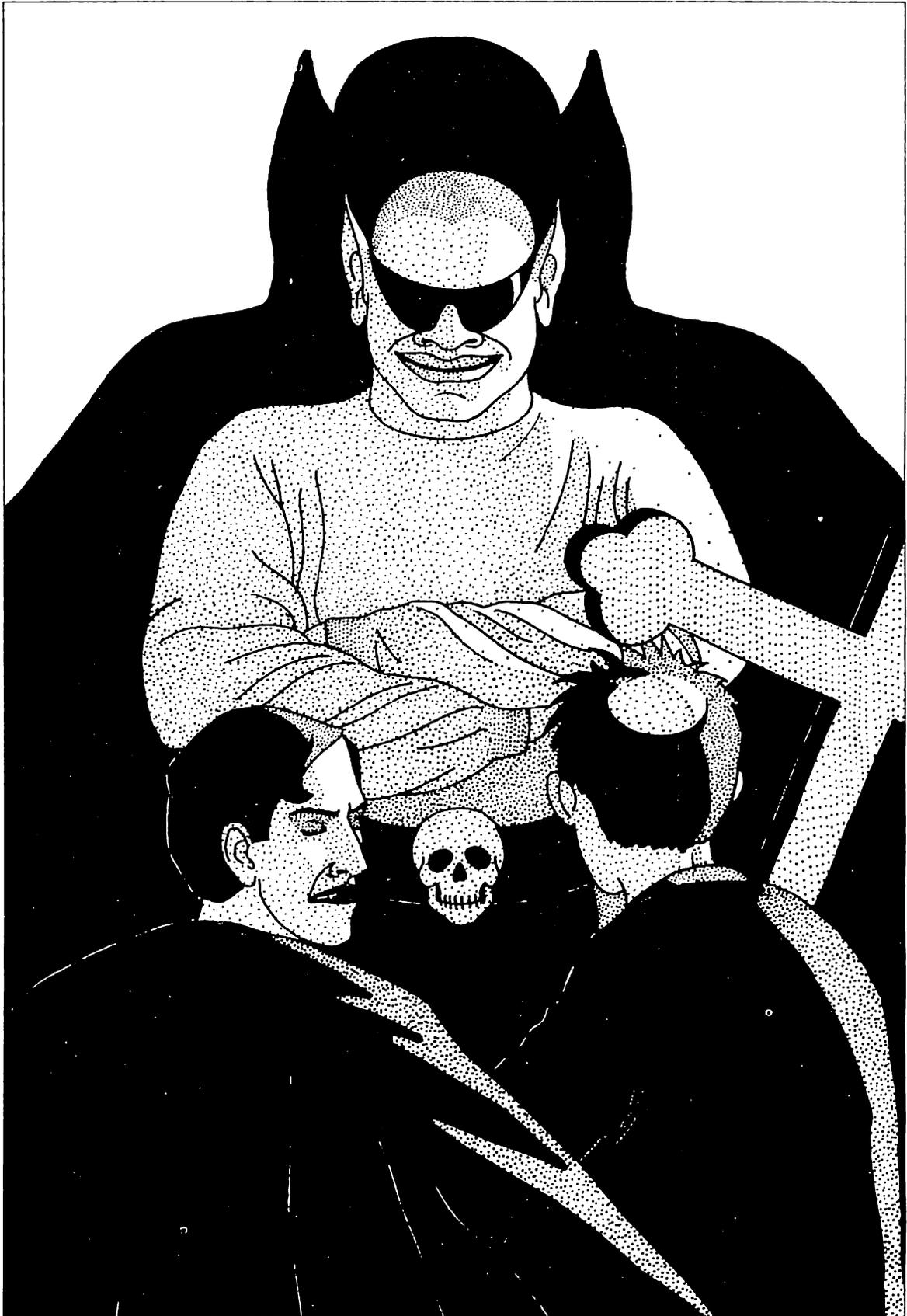
Спросим же вслед за известным американским философом Эрихом Фроммом: «Много ли вы знаете по-настоящему любящих людей?»

Краткий карманный матримониальник для девиц

- §1. Девушка есть лицо, намеревающееся выйти замуж, независимо от прочих обстоятельств. Возраст девицы начинается от 12 лет.
- §2. Мужчина есть лицо не готовое, но возможное для зего уготовления. Иные лица не суть мужчины.
- §3. Мужчину отличает способность склониться и стремление уклониться.
- §4. Женщину отличает способность решиться и умение пресечь.
- §5. Умение пресечь состоит в том, чтобы определить состояние.
- §6. Состояние есть момент аффекта и готовность быть.
- §7. Готовность быть есть краткая готовность быть мужем.
- §21. Главное — возбудить в мужчине мысль.
- §22. Мысль состоит в том, что данная женщина отличается от всех прочих в лучшем смысле.
- §24. Отличие женщины от всех прочих состоит в сходстве со всеми остальными.
- §33. Мужчины делятся на достойных и недостойных. Женщины на молодых и старых.
- §34. Достойный мужчина уклоняется достойным образом, недостойный сбегает.
- §35. Пускай.
- §37. Достойный говорит: «Я готов, но...» Тут его следует прервать.
- §38. Прерывать следует тактично, обращая его внимание на явления природы (луна, дождь) или на общественные явления (недостатки нашего общества или общих знакомых).
- §39. Прервавшись, мужчина теряет нить.
- §40. Конец прерванной нити надо держать в руках.
- §55. Приведа к маме (хуже — к папе), пусть скажет сам. Мужчины редко отказываются от слов.
- §56. Мама (хуже — папа), отерев скупую слезу, говорит: «Но она слишком молода (вариант — «стара»). Впрочем — согласна».
- §57. Тут нужен глаз да глаз. Уверь его, что он счастлив.
- §58. Счастье — это разумная загруженность. Загрузи его, обращая внимание на недостатки его внешнего вида (ногти, шея, носки и пр.), указывая путь исправления.
- §59. Через десять дней, представив ему, что он исправился под твоим влиянием — бери голыми руками. Последнее есть метафора.
- §60. Будешь счастлива некоторое время.

Давид Самойлов.
Из книги «В кругу себя».

Джон Морресси
Проблема с кадрами

Кондиционер гонял по пропитанной влагой конторе застоявшийся запах сигарного дыма. Гарри откинулся в скрипящем кресле, зажмурил глаза и попытался выбросить из головы мысли о банкротстве.

Послышались знакомые шаги. «Племянничек, — подумал он. — Свежеиспеченный спец с дипломом колледжа. Краса и гордость семьи. Коль он так хорош, чего ж за меня-то цепляется, когда мои дела прахом пошли?»

Вошел Джером и с маху плюхнулся в свое кресло.

— Кто-нибудь звонил, пока меня не было?

Гарри поперхнулся горьким смешком.

— У меня, должно быть, мозги были не в порядке, когда я перевел все дело сюда. Слишком стар я стал для эдаких виражей. Да еще жарница... — Он отер лоб, вздохнул и протянул на выдохе, — И зачем я уехал из Нью-Йорка?

Вопрос прозвучал скорее риторически, однако Джером ответил:

— Налоги. Они бы тебя задушили.

— Как одолеть налоги, я понял: берешь и перестаешь делать деньги.

— А во что тебе обошлась такая прорва площади в Нью-Йорке, знаешь?

— Да в Нью-Йорке тут бы сразу устроили сауну.

— Включи кондиционер.

— Он работает, а все равно будто в турецкой бане!

— Несколько недель — и все будет в порядке. Купим новые кондиционеры. Кстати, тебе нужно придеться, а то не в чем на люди выйти.

— На какие такие «люди»? Ты же знаешь, что народ к нам не идет.

— В Нью-Йорке, если мне не изменяет память, тебе тоже тяжело было отыскать хороших рабочих?

— А здесь и плохих нет. Министерство торговли клялось, что в этом штате все прямо-таки умирают от желанья работать. Может, и умирают — по ликеро-водочному заводу. Или по птицефабрике. А на мои предложения им наплевать!

После паузы Гарри вздохнул и подвел итог:

— Да и кто способен работать в такой жаре? Джунгли просто. Станки лианами обрастают.

— Ты недооцениваешь меня, дядя Гарри, ведь я спец по кадрам. Высшей квалификации. Достану я тебе рабочих, не горюй.

Гарри крутанулся в кресле и уставился на пустой стол. Новое оборудование — и стоит. Огромные кредиты — и никаких заказов. Завод размером с авианосец — и ни живой души, если не считать мокриц и плесени.

Глубоко и печально вздохнув, Гарри поднялся и направился в ванную освежиться. Вернулся он подозрительно быстро, почти мгновенно. В глазах стоял испуг.

— Джунгли — это не только флора, но и фауна! — его передернуло от отвращения. — Там в туалете паучище сидит: того и гляди схватит тебя да утащит. И станешь ты хладным трупом. Впрочем, по такой жаре... Здесь могут работать только покойники.

— Мертвых на работу не возьмешь, — сказал Джером.

— А живые сами не идут.

Джером не ответил. В задумчивости он вышел из комнаты и не появлялся до вечера.

Не явился он и на следующее утро. В три часа, когда Гарри уже потерял надежду, дверь широко распахнулась, и Джером перепрыгнул через порог, театральным жестом разводя руки.

— Та-та-та! — протрубил он. — Конец нашим бедам! Принимай рабочую силу.

Гарри подозрительно всмотрелся в лицо племянника.

— Ну и что это за ребята? Они в порядке?

— Практически.

Под ложечкой у Гарри екнуло.

— Выкладывай-ка все, как есть, Джером.

Повисла тягостная пауза. Наконец Джером выдавил:

— Понимаешь, в некотором роде они... трупы. Словом, зомби.

Минуты две Гарри не мог вымолвить ни слова. Джером развалился в кресле, сияя от гордости.

— Джером, ты рехнулся! — возопил Гарри. — Ты просто помешался на этих фильмах ужасов!

— Дядя, оцени выгоду.

— Шайка трупов, бродящая по заводу, — это выгода? Да все другие тут же уволятся!

— Так других все равно нет.

— Теперь уж точно не будет!

— Пусть. Зомби работают усердней, чем живые люди.

— Это точно?

Джером решительно кивнул.

— Никаких перекуров. Никаких профсоюзов. Не спят, не едят, в сортир не ходят, драк из-за девчонок не устраивают, голова с похмелья не трещит. Только работа! Пусть довольно медленно, но зато круглые сутки без перерыва!

Гарри обдумывал предложение. Кое-что в нем, кажется, было. А Джером продолжал наседать:

— Им не нужны медицинские льготы. Никаких дантистов. Никакой страховки. Никаких пенсий. Никаких отпусков. Минимальная зарплата. Никаких повышений — никогда.

— На что же они будут жить?

— Жить?!

Гарри поперхнулся.

— Ну да, конечно... — И воспрял: — Тогда с какой стати я им вообще должен платить?

Джером подтянул ноги, принял начальственную позу и ломким, шелестящим голосом, в котором

не было ни тени шутовства, произнес:

— А ведомость на зарплату? Если ты нанял рабочих, а сведения об их зарплате и соцобеспечении не выслал — жди налоговую инспекцию.

— А это американские зомби? Мне ни к чему, чтоб тут иммиграционные власти крутились: они еще дотошнее налоговой полиции.

— Чистокровные американцы, дядя Гарри! Я проверял их свидетельства о рождении. И свидетельства о смерти тоже.

С административной точки зрения, зомби — идеальный работник. Зато в личном плане, к сожалению, у них есть серьезные недостатки. Смотрятся они не очень-то привлекательно, а пахнут и вовсе отвратительно. Двигаются неуклюже, натываются на что ни попадя. Говорят редко, а когда заговаривают, то роняют слова в час по чайной ложке. Общаться с ними — сущее наказание.

Поначалу Гарри справлялся неплохо. Когда на заводе уже было нечем дышать, он установил вытяжные вентиляторы и завел обыкновенные ежедневно обрабатывать шлангом каждого рабочего.

Станки крутились без остановки. Заказы шли потоком. С ценами, какие устанавливал Гарри, конкурировать не мог никто. Правда, продукцию приходилось день-другой проветривать, прежде чем предлагать покупателям. Но это были мелочи.

Хуже, что среди тех, кто забирал продукцию, начался ропот. Однажды в контору ввалился обозленный водитель.

— Что за народ вы на работу набрали, мистер Гарри? — потребовал он ответа. — Их спрашиваешь — они ухом не ведут! Не говоря уж про «привет», «пока» и «пошел к черту». Вообще не говорят ничего. Чувствуешь себя, будто с шайкой трупов связался.

Гарри с Джеромом подскочили в креслах и единым духом выпалили:

— Как вы смеете! Вы оскорбляете их религиозные чувства!

— Поговорю, поговорю, — пообещал Гарри.

Разозленный шофер хлопнул дверью. Гарри осел в кресле, вытер пот со лба и потянулся за сигарой. Рука его слегка дрожала.

— Нам конец, Джером. Все уже замечают...

От страха голос Гарри сбился на низкий шепот. Джером попытался успокоить его:

— Что замечают? Ребята неразговорчивы? — хорошо, сделаем, чтобы они разговорились.

— Ты вообще-то слышал, как они говорят? Это ужас.

— Они, кажется, в Конгресс не метят. «Привет» и «пока» — этого вполне хватит.

— Мало, Джером.

— Хорошо, проведем в цеха радио. Будут слушать новости, про спорт, погоду, хиты всякие.

— И телевизор.

Успех ошаршил Гарри. Десяти дней не прошло, а зомби уже общались между собой: «Как дела, приятель?» — «Порядок, малютка». Недели шли, репертуар их расширялся, в него вливались все новые и новые выражения. Ходовые лозунги из рекламы и спортивных трансляций, какие-то фразочки из мультфильмов, строчки из последних шлягеров ходили по всему заводу. Гарри стал примечать группки зомби, сбивавшихся в кружок погоготать над анекдотами или поспорить о бейсболе.

Как-то Гарри и Джером сидели в конторе. В дверь постучали. Стук был приглушенным, будто

кто тыкался губкой в стекло. Гарри и Джером удивленно переглянулись. Они никого не ждали. Прочистив кашлем горло, Гарри попросил посетителя войти.

— Как. Идут. Дела. Мистер Гарри? — произнес Вернон, станочник. Одежда на нем была опрятной, хотя и изрядно поношенной. Кожа отсвечивала бледной зеленью.

— Привет, Вернон. В чем дело? — спросил Джером.

— Ребята. Послали. Меня, — нудил Вернон на одной ноте.

— Что-нибудь не так?

— Мы. Хотим. Смотреть. Ответные. Матчи.

Гарри повернулся и уставился на пришельца.

— Ответные матчи?

— И. Чемпионат. Мира.

— Ну и смотрите себе в свободное время.

Джером склонился к дяде и шепнул:

— У них его нет, дядя Гарри. Надо освобождать их на ночь. Они станут работать лучше.

— Ты думаешь?

— Я сам собирался это предложить. Пусть развлекутся — работа пойдет веселее. А в это время мы проветрим цеха.

Это убедило Гарри, и он объявил:

— Вернон, передай ребятам, что отныне по вечерам они могут отдыхать. Пусть малость подышат свежим воздухом.

— Порядок. Босс, — прогундосил Вернон. — Всего. Доброго. Мистер Гарри. Мистер Джером.

Вернон ушел, а Гарри обратился к племяннику. Его снова обуревали сомнения. Но прежде чем он успел высказать хотя бы одно из них, Джером успокаивающе вскинул руки.

— Дядя Гарри, позволь кое-что сказать.

— Скажи мне, что мы разорены! Своими собственными руками срезал производство почти наполовину!

— Не беспокойся, я создал ночную смену.

Гарри недоуменно вскинулся:

— Какой идиот согласится работать ночью?

— Тут такое дело... Найдется у нас чистый сухой склад, где я мог бы держать кое-какие ящики?

— Есть чердак. Жуткое место. Легучие мыши, пауки, темень крошечная даже в разгар дня. — Гарри содрогнулся от собственных слов.

— Это как раз то, что нужно! Завтра же сюда доставят ящики.

— А в ящиках что?

— Ночная смена.

Какое-то время Гарри приходил в себя, потом взорвался:

— Тебе мало зомби, так ты решил приискать вампиров?!

— Они одеты куда лучше. И не воняют. И большинство из очень приличных семей.

С вампирами все оказалось еще проще. Сплошь обвивший окна и двери чеснок сделал их пленниками завода. Никаких полетов в ночном небе, никакого беспокойства соседям. Вместо этого — работа, с энтузиазмом и выдумкой, причем безо всякого дурного запаха.

Гарри был доволен ночной сменой. Через несколько дней он уже стал поговаривать о «европейском классе производителей» и расточал хвалы их аккуратности. Вампиры, как он убедился, имели всего одну неприятную черту. Раз в неделю, примерно за полчаса до заката солнца, Джером

взбирался на чердак с ведром свежей крови, взятой на местной бойне, и оставлял его посреди уставленных в кружок гробов. На следующее утро он убирал пустое ведро. В ночь кормежки производительность была выше обычной.

Все потекло своим чередом. Перед самым закатом зомби неуклюже тащились прочь к своим вечерним занятиям. Когда уходил последний из них, Гарри с Джеромом осматривали гирлянды чеснока и спешили домой. Когда поутру они возвращались, зомби уже хлопотали у станков, а вампиры покоились в гробах. Большого Гарри и желать не мог.

Но вот настало ноябрьское утро, когда ему довелось испытать весьма неприятные минуты. Придя в контору, Гарри обнаружил записку с просьбой о встрече в тот же вечер. И подпись: «Граф Раду».

Когда явился Джером, Гарри трясся от страха. — Обвешаюсь чесноком, — успокаивал его Джером. — Он к нам не притронется, — уверял племянник.

— Видел подпись? Румынское имя. А румыны обожают чеснок.

— Только живые, дядя Гарри.

На закате, все в чесночных гирляндах, они сидели в конторе, поджидая гостя. Граф Раду обставил свое явление дешевыми театральными трюками: возник в дверном проеме с внезапностью ветра. Бледный, с черными, как смоль, волосами, алогубый человек в элегантном вечернем одеянии предстал перед ними, неторопливо оправляя складки плаща, обвинившего художавую фигуру.

— Вечер добрый. Я — граф Раду, — произнес он с сильным акцентом.

— Голос — ну точь-в-точь, как у Белы Лугоши в «Дракуле!» — прошептал Джером.

— Рад познакомиться с вами, граф. Меня зовут Гарри. Я владелец завода. Это мой племянник Джером, директор по кадрам.

— Как вам у нас нравится, граф? — поинтересовался Джером.

— Работа наша... утомительна, — ответил граф, делая ударение на последнем слове.

— Тяжести ведь таскать не приходится. Целый день вы спите в безопасном месте, каждую неделю — ведро крови, безо всяких перебоев, — напомнил Джером. — Дядя Гарри — весьма цивилизованный работодатель. Согласитесь, вам здесь гораздо лучше, чем было бы на государственной службе.

— В мире есть многое помимо крови и сна. Мы хотим летать сквозь тьму... навещать местных крестьян... чувствовать ветер в крыльях и слушать детей ночи...

Чувствуя себя за чесноком, как за каменной стеной, Гарри решил:

— Вы распугаете весь окрестный люд. Я категорически против!

— Вы намерены диктовать условия графу Раду? — пророкотал вампир, подаваясь вперед и запахивая плащ.

— Спокойно! На мне чеснок, — предупредил Гарри.

— Ах, да. Чеснок. Моя любимая приправа, — уведомил граф с улыбкой, обнажившей здоровущие клыки.

Гарри забился в кресло.

— Говорил же я тебе про этих румын! — взвизгнул он.

Джером бровью не повел.

— Блефуете, граф. Голливуд в подобных делах не обманывает.

Глухо кашлянув, Раду произнес:

— Прошу простить мне эту маленькую дружескую шутку. Вы в совершеннейшей безопасности.

— Слушайте, граф, дяде моему нехорошо. Полагаю, следует продолжить разговор, когда он почувствует себя лучше.

— У него поднялось кровяное давление? — спросил Раду с внезапной заботой.

— Нет, живот схватило.

— Ага. С животом я ничем помочь не могу. Наши требования я вам все же изложу: время свободного полета по миру за пределами этих стен и кровь два раза в неделю. На вашем предприятии, должен заметить, никакой социальной защиты.

— Кровь получите, но никаких полетов. Это не наша прихоть — таков закон.

— Граф Раду не ведает иного закона, кроме собственной воли!

— Здесь это не имеет значения, граф. Пожалуйста, летайте себе по заводу сколько хотите, но о том, чтобы покинуть его, и не заикайтесь. Да нас в одну неделю прикроют. Или просто спалют завод.

— Вы отказываете графу Раду?

— Получите вы свое второе ведро крови. И это все, на что мы пойдем.

Раду вскинул длинный тонкий палец и наставил его на Джерома.

— Знайте, что граф Раду не привык себя в чем-либо стеснять, — зловеще прошипел он. Граф завернулся в плащ — и исчез. Громадная летучая мышь сделала круг по конторе, чиркнула Гарри по голове и тут же вылетела в дверь.

— Рассердился, — заметил Джером.

— Тоже мне, профсоюзный лидер! — отдуваясь, заметил Гарри.

— Я завтра припасу побольше чеснока.

— За ним глаз да глаз, — сказал Гарри. Дядя с племянником переглянулись.

После долгого молчания Джером сообщил:

— Что нам нужно, так это — мастер.

— Где ж такого сыскать, чтобы всю ночь ходил с чесноком на шее?

— Это будет нелегко, — согласился Джером.

Два дня Джером в конторе не показывался. Необъяснимое его отсутствие тревожило Гарри, особенно с приближением времени кормежки. «Сбежал малец, — думал Гарри, — не вынес нагрузки. Только-только наладилось — и пропал. Одному мне не справиться: кровь, трупы. Слишком стар я для эдаких сложностей. Пора продавать завод. Кто захочет купить? Возьму, сколько дадут. Точно и безо всякого: ухожу в отставку, отправляюсь туда, где хорошо и тихо, — ни тебе зомби, ни тебе вампиров, ни тебе влажности 99 процентов, ни плесени, ни мокриц. На Аляску».

Тут вошел Джером, рот до ушей. Он поставил на стол картонную коробку.

— Это еще что? — недоверчиво спросил Гарри.

— Открой, увидишь.

Внутри, покоясь на смятых газетах, лежал старый-престарый медный кувшин. Гарри вынул его и поставил на стол.

— Очень мило, Джером, но ты же знаешь: мне нельзя пить.

— Вытащи пробку.

Гарри послушался. Струя густого черного дыма фонтаном ударила из сосуда, взметнулась вверх, плоско расплзлась по потолку, завихряясь и клубясь, пока не заполнила полконторы. Потом она сама по себе стала собираться, сжиматься, уплотняться — и пожалуйста: перед Гарри стоял великан, скрестивший руки на груди и взиравший на него сверху вниз.

Пришелец был ростом почти семи футов и сложен, как правый крайний, правда, со слоем жирка — результат межсезонной расслабленности — поверх литых мышц. На нем был пурпурный тюрбан, рубаха из алого шелка, отороченная золотом, широкие зеленые шаровары и желтые туфли с загнутыми вверх носами. Исчез последний виток дыма, и великан упал на колени, коснувшись лбом пола у ног Гарри:

— Какова будет твоя воля, о мой повелитель?

— Ну разве он не чудо, дядя Гарри? — воскликнул Джером.

Гарри кивнул. Он облизнул губы, проглотил ком в горле и спросил:

— Ты джинн?

— Я — Джимдаш, сын Дахнаша сына Шамхуриша, последний в длинной череде джиннов.

— Слушай, Джимдаш... как тебе роль мастера на моем заводе?

— Приказывай, мой повелитель!

— Джером, достань ему какую-нибудь одежду.

— Не желает ли мой многомудрый повелитель, чтобы его недостойный слуга облек себя в иные одежды?

— Будет лучше, если ты оденешься, как мы с Джеромом.

Джимдаш дважды хлопнул в ладоши. В углу конторы появилась вешалка. На ней висел миндального цвета шелковый костюм, дюжина ярких спортивных рубашек и шесть пар брюк мягких пастельных тонов. Внизу выстроились шесть пар ботинок. Сверху на вешалке лежала плоская коробка с нижним бельем и носками, на которых красовались парижские метки. Все остальное было из Италии.

— Отличный товар, Джимдаш. У тебя настоящий вкус.

— Если щедрый повелитель доволен, я стану одеваться, сказал джинн. Он хлопнул в ладоши еще два раза и мигом облачился в ярко расписанную гавайскую рубаху, бледно-зеленые брюки и белые парусиновые туфли. Прежний его наряд аккуратно пристроился на вешалке.

— Ты великолепен, Джимдаш! — восхитился Гарри.

— Благоволение повелителя доставляет его скромному слуге удовольствие, сладость которого невозможно выразить словами.

— Джимдаш, я хочу, чтобы ты сразу принялся за работу. Дневная смена еще в цехе. Пойдем, я тебя представлю, и ты увидишь, с кем тебе придется работать.

— Я уже осведомлен, благородный повелитель.

— Тем лучше. И потом... знаешь, лучше не зови меня «повелитель». Будь проще. Зови нас «Гарри» и «Джером».

— Подходит, Гарри. Можете называть меня «Джим».

Уже после нескольких минут общения с зомби Джимдаш полностью их очаровал. Стоило одному обратиться к мастеру: «мистер Даш», — как тот сразу расплылся в озорной улыбке и сказал:

— Все мы здесь — одна семья. Зовите меня «Джим».

С каждым зомби он перемолвился словечком, обращался ко всем по имени, пожимал руки и хлопал по спине — достаточно крепко, чтобы дать почувствовать мужское расположение, но и без медвежьей силы, способной сломать ребра. Конеч его представления воистину венчал дело: вытащив пачку банкнот, Джимдаш отсчитал три двадцатки, втиснул их в руку Вернона и попросил:

— Вернон, старина, отведи-ка этих наших приятелей куда-нибудь да влей им по пиву. Ну-ка, ребята, хорошенько повеселитесь, а завтра приходите в полной боевой, заставим эти станочки на славу погудеть-покрутиться, все слышали?

— Прирожденный лидер, — пробормотал Гарри.

— Ответственный малый, — сказал Джером.

Когда последний зомби покинул завод, Джимдаш обернулся и проговорил прежним своим тоном:

— Надеюсь, с дневной сменой я поладил.

— Джим, они влюблены в тебя, — уверил Гарри.

— Джером, сбегай и положи записку на графский гроб. Скажи, мы ждем его в конторе ровно в восемь часов. Пойдем-ка пообедаем, Джим, а после ты познакомишься с ночной сменой.

Пока они ожидали графа Раду, Джером поинтересовался:

— Джим, не могу понять, откуда в тебе столько добродушия. Ведь ты сидел в медном горшке, как в тюрьме, три тысячи лет! Рехнуться можно!

— Почему — в тюрьме? Тюрьма — это когда бутылки.

— Ты хочешь сказать, что ты по собственной воле?.. — обернулся Гарри.

Джимдаш глубоко затянулся сигарой, пустил тонкую струйку дыма и произнес:

— Не совсем. Я жил во времена Джан бин Джана, семьдесят второго султана джиннов и, как оказалось, последнего. Жуткое, надо сказать, было времечко для джиннов. А когда и вовсе пригрело, Джан бин Джан приказал поместить избранных представителей молодого поколения в медные кувшины и упрятать их в разных местах по всему свету — в ожидании лучших дней.

Джером слегка присвистнул:

— Столько веков... Теснота, заточение...

— Совсем наоборот. Мне дано делаться бесконечно маленьким, так что кувшин стал моей вселенной. Благодаря милости и провидению Джан бин Джана, в кувшине хватало всех удобств и роскошеств, помогавших обитателю проводить время в свге удовольствии. — Джимдаш улыбнулся счастливым воспоминаниям, попыхал сигарой и продолжил: — Но через несколько тысяч лет даже от бесконечных удовольствий тянет к переменам.

— Только не к таким, — заметил Гарри. — В кувшине тебе было лучше, поверь мне. Этот мир — эдакая суета и смута!

— Да, но — интересная суета и забавная смута. Мне ваш мир нравится. Еда ваша нравится и сигары. Нравится шипучка эта, пепси, со льдом. Очки солнечные тоже нравятся, — сказал джинн, водружая на нос огромные очки, что прикупил по пути на обед. — Да и климат как раз по мне.

Наконец появился граф — такой же заносчивый и грозный, как и в первый раз.

— Итак, вы явились, дабы нижайше преклонить колени у ног графа Раду и умолять его о прощении, — молвил он вместо приветствия.

— Нет. Мы собрались познакомить вас с мастером, — ответил Гарри.

Джимдаш удостоил графа едва заметного кивка. И не проронил ни звука. Граф Раду уставился в непроницаемые черные стекла очков. Джимдаш выпустил одно за другим несколько абсолютно правильных колечек дыма.

Внезапно Раду разразился демоническим, торжествующим смехом и вскричал:

— Глупцы! Глупцы! Вы отдали этого лакея в мои руки! Смотрите же, как поликую я на его крови, а самого его сделаю своим рабом!

Он порхнул на джинна — и в ту же секунду завис в воздухе, отчаянно брыкаясь. Джимдаш, схватив его за лацканы, поднес к своему носу.

— Знай же, вздутый бурдюк: ты имеешь дело с джинном из рода, презиравшего летучих мышей и неуклюжих шутов — произнес Джимдаш ледяным тоном. — Только попробуй рассердить меня, и кара падет на тебя с быстротой и неотвратимостью Разрушителя восторгов, Губителя всех обществ, Опустошителя жилищ и Нарушителя покоя, того, кто уничтожает и великое, и малое, того, кто не ведает жалости ни к бедным, ни к униженным, кого не страшат сильные мира сего со всеми их войсками.

Джинн швырнул ошарашенного вампира в кресло. Он сверлил графа взглядом целую минуту — руки скрещены на груди, бесстрастное лицо. Потом, дружелюбно улыбаясь, склонился, стал поправлять лацканы на графской груди, приговаривая медоточивым голосом:

— Но отнесись ко мне по-дружески, подсоби мне, и я разглажу воздух под твоими крыльями, уберегу тебя от солнечного света и грубых людшек с заостренными колыями, позабочусь о том, чтобы каждое утро, перед тем как лечь спать, ты находил на гробе своем чашечку прелестного питья. Ну, так чему быть?

Уставившись на него, вампир моргнул и сказал:

— Дом Раду во всем мире известен склонностью к дружбе и сотруدنничеству.

— Вот и чудно. А теперь поведай мне о своих заботах, посмотрим, что тут можно сделать. Располагайтесь поудобней, граф, — предложил джинн, заботливый, как бабушка, хлопочущая над хныкающим внуком. Обернувшись, он попросил: — Джентльмены, не предложит ли кто-нибудь графу сигару? Граф, как насчет пепси?

Граф предостерегающе поднял руку:

— Я совсем не пью... пепси.

К одиннадцати часам соглашение было достигнуто: в обмен на клятвенное обещание графа, что не будет никаких спадов в производительности и никаких «проб» на местных жителей, ночной смене предоставлялись две выходных ночи еженедельно — полетать, побродить, покупки сделать или заняться любой иной законной деятельностью по собственному выбору. Раду был удовлетворен; Гарри и Джером вздохнули с облегчением.

По пути к машине Гарри сказал:

— Этот Джимдаш весьма способный малый.

— Парень — золото, дядя Гарри.

— Не золото, Джером. Способный. Золото, оно бы так в кувшине и осталось.

Прошло еще несколько недель и оказалось, что джинн вполне прибрал дело к рукам. Производи-

тельность неуклонно росла. Джинна на работе все звали Джимом, местные называли его «Джи-Ди», «Джимбо» или «Босс Даш». Дневная смена оказалась вовлечена — в сдержанной форме — в жизнь городка и выступила инициатором украшения местного кладбища. Гарри и Джером держались в сторонке, зато у Джимдаша отбоя не было от приглашений на обеды; неисчерпаемые запасы всевозможных историй, умение тактично и незаметно переходить от панибратских объятий к изысканному общению сделали его душой общества и звездой застолий.

Так что не было причин удивляться, когда прибывшие в одно прекрасное утро на завод полицейские попросили разрешения побеседовать с мистером Дашем. Джинн ловко оттер их от своих хозяев, а когда машина с полицией скрылась со двора, Джимдаш рассказал Гарри и Джерому, что, собственно, произошло.

Несколько вампиров, попав, очевидно, в дурную компанию, в свободные вечера предавались пьянству. Спали они целый день, так что успевали отоспаться, и все их художества проходили незамеченными.

Прошлой ночью, сообщили полицейские, один из ночной смены попал на холостяцкую пирушку и перед самым рассветом отправился домой в состоянии крайней неуравновешенности и неустойчивости. Экономя время, он обратился в летучую мышь, расправил крылья, но лететь мог, конечно, через пень колода. Вот и врезался в лобовое стекло грузовика на шоссе неподалеку от завода Гарри. На глазах у очумевшего шофера сломанная фигурка мыши приняла форму человека, который тут же, едва солнце поднялось над горизонтом, зарылся в кучу мусора. У полиции возникли вопросы, и она желала услышать ответы.

— Полицейские, несомненно, вернуться. Да и пресса взбудоражена, — поведал Джимдаш. Гарри в отчаянии тихо охнул. Джинн продолжил: — Как только история выйдет наружу, комиссии из службы иммиграции и натурализации, внутренних доходов, окружного департамента здравоохранения, Национального совета трудовых отношений, комитета профилактики профессиональных заболеланий...

— Стоп! Ничего не желаю знать! — завопил Гарри.

— Какие проблемы, шеф? Стоит только пожелать, и я перенесу завод в отдаленный уголок мира. Есть в Ассаме одна горная вершина...

— Господи, зачем я уехал из Нью-Йорка! Что мне делать в Ассаме?

— Это лучше, чем тюрьма, дядя Гарри, — сказал Джером.

— Для тебя — возможно. А я слишком стар для таких перелетов.

Сам Гарри словно наяву слышал вой сирен, видел толпу, требующую подать ей «этих гадов» на расправу, ощущал, как трещат и с корнем выворачиваются деревья, бьются стекла, в ушах звучали крики, выстрелы...

— Если хотите сохранить дело, — выговорил Джимдаш, — то скорый арест и чистосердечное признание удовлетворят власти.

— Чей арест? Признание — в чем?

— Не смотрите на меня! У меня вся жизнь впереди! — завопил, отступая, Джером.

— Я, Гарри, — вкрадчиво сказал Джим, —

частенько подумывал: а здорово было бы стать партнером Джерома. Старшим партнером.

— Я переживу. Только вытаски меня из этой переделки, — откликнулся Джером.

Гарри понял, что у него на глазах созрел заговор.

— Минуточку, — сказал он. — Вы двое — партнеры, а мне что остается? Подписать признание и садиться в тюрьму?

Джимдаш склонился над ним.

— Ну что ты, Гарри, — сказал он. — Позволь, я объясню.

В 16.30 того же дня полицейские вывели за ворота завода спотыкающуюся, безмолвную фигуру в наручниках. Джером смотрел им вслед и, перемежая рыдания со всхлипываниями, повторял:

— Это все жара! Жара доконала его! В Нью-Йорке мой дядя Гарри и мухи бы не обидел, а тут...

Преступник хранил молчание. Ноги у него заплетались, будто хозяин их пребывал в трансе, глаза невидяще смотрели под ноги. Дважды он спотыкался, и шагавшие рядом полицейские подхватывали его под руки. Вид у бедолаги был жалкий.

Когда полиция удалилась, Джером перевел дух и сказал:

— Фу, не думал, что у нас получится.

Джимдаш прицелкнул пальцами.

— Семечки. Жаль, не помню, как голос делать. Тридцать два века этим не занимался — детали забываются.

— Может, и к лучшему, что это создание не говорит.

— Возможно. В любом случае, отпечатки пальцев получились превосходно.

— Долго оно протянет?

Джинн пожал плечами:

— Пар спустить хватит.

— Жаль, дядя Гарри тебя не слышит. Он эту парилку терпеть не мог, — произнес Джером с печальной улыбкой.

Но Гарри не слышал. Да и услышал бы, не обратил внимания. Ощущая в себе пылкую порывистость юноши и одновременно умудренность патриарха, он восседал среди пышных подушек на ковре, безмолвно скользившем сквозь хладную лазурь вечности. Одно невыразимое чувство сменялось другим, и великолепии происходившего прямо здесь, в этот самый миг, превращало память о прошлом в нечто блеклое и жалкое, зыбкое и далекое, стремглав уносящееся в небытие.

Легкий, как лист, он парил в благоуханном воздухе, облетая стену из хрустала и золота, за которой в райском саду гурии неземной красоты взирали на него черными зазывными глазами. Медоточивыми голосами пели они песнь любви, счастья и покоя. Музыка обещала неопишуемые восторги, аромат неувядающих цветов и вкус вечнospелых плодов. Он мог провести в обществе прекрасных девушек день или тысячу лет неизбывной юности. А потом, если бы захотел, стать корабликом, скольльзящим по волнам. Или самими волнами в бешеном вихре бури. Или орлом в горной вышине, где воздух чист и прозрачен, словно бриллиант. Или монархом во дворце, в сердце империи. Он мог стать кем и чем угодно в собственной, ему лично принадлежащей Вселенной внутри смолянистого, покрытого наслоениями веков медного кувшина.

*Перевел с английского
Владимир МИСЮЧЕНКО*

О ВАС УСЛЫШИТ ВСЯ МОСКВА,

**если вы разместите рекламу своей фирмы
в программах радиокomпании «Москва».**

Миллионы жителей столицы и Подмосkовья слушают наши передачи утром и вечером по первому каналу московской городской сети (1 программа), на СВ-355 м и УКВ 66,44 МГц, а также на волне 4,52 м.

Звоните: 233-71-38, 233-79-83, 233-60-42, 233-79-74

Олег
Жадан

ПРОФСОЮЗЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Не то стрелять будем

ЭКСПЕРИМЕНТ

*Ирония писателя
возвела в ранг
профсоюзного лидера
вампира.
Нам юмора
не занимать:
у нас бывший
председатель ВЦСПС
становится
вице-президентом и одним из
организаторов путча против
президента,
а следующий
председатель ФНРП
грозится возвести
по всей Москве
баррикады из тракторов.
При этом понять,
чем занимаются
профсоюзы,
кого защищают,
представляется делом
совершенно невозможным.
Надеемся,
что в этот вопрос
внесет, наконец,
ясность
известный фельетонист,
сотрудник бывшей
профсоюзной,
а ныне просто
самой массовой
газеты «Труд»,
который
по многочисленным
просьбам трудящихся
был избран
председателем ФНРП.
Нравственные
и философские основы
своей будущей
деятельности
в защиту трудящихся
новый профсоюзный
лидер излагает
нашему корреспонденту
Михаилу Комаровскому.*

В чем вы видите самую коренную и наиболее важную задачу организованных трудящихся масс?

— Прежде всего рабочим и служащим бывшего Советского Союза необходимо четко представить себе свое место в общей картине развития жизни на Земле. Мое глубочайшее убеждение: только подлинно космический взгляд на вещи способен в наши дни дать трудящимся верные ориентиры. Причина развала профсоюзной жизни на данный момент как раз и состоит в том, что работник постепенно утратил осознание себя как биологического вида. В годы сталинизма и позже в мрачную эпоху застоя всячески замалчивался основной вопрос: что, собственно, есть современный член профсоюза? Какие видовые и родовые признаки ему присущи? В каком направлении развиваются миллионы трудящихся особей?

В начале двадцатых годов нашего столетия известный в России того времени последователь идей Карла Генриховича Маркса Ленин Владимир Ильич провозгласил: «Профсоюзы — школа коммунизма!» Конечно, в этом утверждении одно неизвестное «профсоюзы» объясняется через другое — «коммунизм». Поэтому-то развитие профессионального движения шло вяло, а порой даже и вспять.

Другой философ прошлого Энгельс говорил, что труд создал из обезьяны человека. Данное утверждение легло в основание всех новейших теорий. Однако считается нужным подчеркнуть, что этот тезис никогда раньше не проверялся экспериментально. Казалось бы, все просто: берите любую обезьяну, дайте ей работу — и она быстро превратится в человека, а впоследствии, возможно, и в члена профсоюза. Однако при прежних правителях России на такие опыты был наложен строжайший запрет. Только совсем недавно мне с помощью американской Федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов удалось провести такое исследование. Результаты превзошли наши смелые ожидания. Выяснилось, что даже некалорифицированный ручной труд и по сей день превращает обезьян в людей.

Многими тысячами вчерашие обезьяны выходят из собственных им лесов и джунглей, вливаясь в народные массы больших городов. Конечно, друзья, очень странным было бы, если бы во времена Энгельса из обезьян получались люди, а при расцвете монетаризма — нет.

В этом отношении ФНРП стояло и будет стоять на твердых позициях равенства всех трудящихся перед законом. Ни цвет кожи, ни строение

тела, ни наличие или недостаток рогов или конечностей не могут служить основанием для отказа приема трудящегося в члены. Вполне законная проблема: а могут ли считаться трудящимися лошади, быки, ослы, мулы, верблюды, ламы, ездовые собаки и т. д.? С одной стороны, все эти существа, безусловно, много и плодотворно трудятся на благо человечества. С другой — каждая попытка организовать профессиональный союз, скажем, лошадей-тяжеловозов наталкивается на большие трудности и вызывает целую волну протестов.

Попытаемся разобраться в этом вопросе. По существу, единственный разумный довод против немедленного создания подобных профсоюзов таков: не обладая членораздельной речью, животные не смогут защищать свои права на собраниях и в печати. Однако не секрет, что многие животные трудятся гораздо больше и продуктивнее значительной части людей. Лично мое мнение состоит в том, что лошадей, быков, ослов и прочих надо принимать в члены профессиональных союзов условно с испытательным сроком. Если, следуя заветам Энгельса, вышеизложенные субъекты животного мира разовьют в себе способность к устной и письменной речи, то их в процессе созидательного труда можно будет переводить в действительные члены профсоюза.

— В свете всего вышесказанного поясните, пожалуйста, являются ли профсоюзы социальной надстройкой или биологической необходимостью высоко развитой жизни?

— Профсоюзы — это способ существования белковых тел. Лично я, не смотря на свой демократизм, полностью отрицаю профессиональные объединения небелковых структур. Эволюция еще в допотопные времена предусмотрительно заложила в гены живых существ инстинктивное стремление к организации в профсоюзы. Взгляните на мир непредвзято, и вы увидите, как борются за свои права термиты, пчелы, муравьи, осы и многие другие. Профсоюзный билет им заменяет особая профсоюзная хромосома, внедренная в ген общественного поведения каждой особи. Посмотрите на муравейник в ясную погоду, и вы с чувством законной гордости убедитесь в том, что каждый шестиногий труженик несет свой профсоюзный взнос в создание общей справедливой кучи.

Когда вороны огромной стаей отгоняют от своих гнездовий орла — это то же самое, что протест ФНРП против задержки зарплаты шахтерам (хотя, конечно, сравнивая наше правительство с царем птиц, я сильно льщу господам министрам). Некоторые естествоиспытатели рассказывают о том, как в порыве гражданского негодования стаи кильки бросаются на акулу и гоняют ее по всему мировому океану.

Итак, надеюсь, из моих слов вам

стало понятно, что животное, а тем более человек, не вступивший в ряды профсоюза — просто мутант, ошибка природы и предательский отход от генеральной линии эволюции. В нашем научно-исследовательском институте идут успешные работы по генной инженерии. Мы пересаживаем профсоюзную хромосому в систему наследственности животных-одиночки и получаем удивительные результаты! На одном из испытательных полигонов в пустыне Гоби двугорбые верблюды с исправленными ДНК создали самый настоящий муравейник. В процессе осуществления своих прав и свобод они добровольно отдали часть своей верблюжьей колючки группе активистов, которую мы условно назвали профкомом. В конечном счете от этой группы зависит выживание всего вида в целом. Хотелось бы отметить, что генетически неполноценные одnogорбые верблюды-дромедеры двинулись по тупиковой ветви развития и вошли в обреченную структуру Соцпрофа, которая биологически ущербна.

Поскольку вы мне глубоко симпатичны, открою вам тайну, которая, несомненно, перевернет все развитие жизни на Земле. Это в равной степени касается и насекомых, и непарнокопытных, и людей. Если вам когда-нибудь приходилось смотреть в микроскоп, то вы, наверное, обратили внимание, что бактерии имеют тенденцию объединяться в колонии. Мы пересаживаем им профсоюзную хромосому — и получаем великолепную организацию. Я бы даже сказал: настоящую школу капитализма, где борьба за выживание регулируется обществом. Мы уже ведем переговоры о вступлении в ФНПР вирусов гриппа, микробов коклюша и свинки. С одним условием: прекратить враждебную деятельность против членов нашей Федерации. Взамен мы предлагаем им чистые новые пробирки и самый питательный бульон. Скоро в вирусных и бактериальных сообществах пройдут отчетно-выборные собрания, где, по всей видимости, будет принята платформа ФНПР. Болезнетворных бактерий мы твердо считываем перевести на минеральное и растительное сырье.

— Ограничен ли круг возможных членов профсоюза только животным миром?

— **Вовсе нет!** Вы наверняка слышали о дереве засушливых пустынь знаменитом саксауле. Оно протягивает свои корни на глубину сотен метров в поисках воды! Эта воля в победе, эта неуклонная настойчивость в борьбе за лучшее будущее нам очень импонирует. Наверное, скоро мы станем принимать саксаулы в профсоюз.

Более того, всем известны опыты знаменитых супругов Кирлиан, которые доказали, что растения реагируют даже на негативные мысли человека. Недавно мы установили: крепейный лес, применяемый на шахтах для предохранения выработок от об-

рушения, сохраняет память. Он по-прежнему предпочитает проводить воду от комля к верхушке, как живое дерево. Встает законный вопрос, а не является ли в таком случае крепейный выработок потенциальным членом профсоюза? Я думаю, вне всякого сомнения. И настанет день, когда мы примем рудничные стойки в наши монолитные ряды, как бы этому ни противились заправилы профсоюзов угольщиков и горняков. Однако это дело будущего. Впрочем... Я не знаю, как обернется планируемая горняками забастовка в случае, если ее не поддержит крепейный лес! Да в шахтах попросту все рухнет к чертям собачьим!

Мы считаем: раз пчелы, кони, муравьи и рудничные стойки работают, то они имеют право на профсоюзную защиту и охрану своего труда по международным нормам.

— А что вы могли бы предложить для прекращения спада производства в России? Ведь дело дошло до того, что закрываются целые заводы, многие отрасли впадают в жуткое существование...

— Это надуманная проблема. Скажу больше: ее попросту нет. Вот, к примеру, рыбаки пожаловались нам на то, что приходится ставить траулеры и сейнеры на прикол. Рыба, мол, гуляет далеко в море, а у них нет денег на горючее, запчасти и зарплату экипажам. Я сразу этих рыбаков спросил: «А вы, господа хорошие, пытались договориться с сельдью полюбовно? В рамках общего профсоюзного процесса уговорить ее переместиться поближе к родным берегам? Ведь в таком случае можно будет сэкономить дорогое горючее и даже вообще обойтись без судов. Ловить ту же селедку прямо с причала!» Оказалось, никто политической работы среди здоровой части рыб не проводил. Я уже дал указание представителям передового отряда сельдеобразных пойти навстречу рыбакам. Мы предложили некоторым зажавшимся особям пошевелить жабрами и подняться выше своих чешуйчатых интересов. Однако большая часть сельдяного стада, подкупленная лживыми посулами Соцпрофа, заняла резко отрицательную позицию. Что ж, у ФНПР хватит сил, чтобы защитить своих членов!

Сейчас, когда мы с вами разговариваем, в воздух подняты самолеты-торпедоносцы. Мощными торпедами класса воздух-рыба они готовы нане-

сти решительный удар по раскольникам международного движения. В район сосредоточения косяков движется тяжелый авианесущий крейсер. Думаю, Соцпрофу придется пойти на уступки. Если понадобится, мы не остановимся перед ядерным ударом по всему периметру Гольфстрима. Любое решение должно быть прежде всего конструктивным.

— А как быть с крупнейшим в стране автозаводом имени Лихачева, который то и дело останавливается в связи с отсутствием средств и срывом поставок?

— Ко мне приходил их директор. Жаловался. А я взял его с собой и отвез на нашу пасеку, показал, как работают перепончатые члены профсоюза. Они не ноют, не слоняются по кабинетам начальства, не митингуют. Они просто летят туда, где имеется необходимое для успешной работы улья сырье и берут что надо. Без волокиты и долгих переговоров.

Я сказал директору: «Смотри, если пчелы без всяких кредитов, кооперированных поставок и гарантийных писем смогли наладить бесперебойный выпуск продукции, то как же не стыдно говорить о трудностях тебе! Смело повышай зарплату своим рабочим в сто — сто двадцать раз, и народ тебе поверит! А, опираясь на народную поддержку, горы можно своротить! Помни: профсоюзы с вами!» Он было заколебался, но я сказал ему: смелее ставь политические требования! Вот профсоюз термитов на днях потребовал отмены естественного отбора. Уже неделю вся Африка на ушах стоит! Львы со дня на день пойдут на уступки! И что же? Директор поехал в родной коллектив, подделался опытом пчел и потребовал отставки Генерального секретаря ООН. Сегодня ЗИЛ уже всю работу.

— А что вы думаете о создании единой Программы занятости?

— Это полная чушь. Это выдумки демократов, коммунистов и ура-иудеев. Вы когда-нибудь видели безработного муравья? Или пчелу, живущую на пособие по безработице? Может быть, вам встречался бобр, занятый неполную рабочую неделю? Безработица — это отрыв от первичных профсоюзных ячеек, от матери-природы. Поэтому нашей Федерации никакие программы не нужны. Посмотрите на бацилл — они всегда заняты!

— И последний вопрос: какова главная проблема в отношениях труда и капитала?

— *Нас слишком долго учили, что труд — наслаждение. Зная любовь вашего журнала к постскриптумам, скажу словами философа Иммануила Канта:*

«Единственное наслаждение, которое не оставляет укуров совести, — мочеиспускание...»

Это кто там швыряется кометами?

Ученые Калифорнийского университета, заново оценив уже известные данные о Солнечной системе, пришли к выводу, что в ней, помимо нашего светила, изредка командует хотя и удаленная, но крепко привязанная к нему спутница. Тоже звезда. Вращаясь вокруг Солнца по чрезвычайно вытянутой орбите, она раз в 28 млн. лет подлетает к его семейству, что для последнего чревато если не полным разором, то крупными неприятностями. В частности, залетная скандалистка, швыряясь огромным количеством комет, является подлинной причиной катаклизмов земной эволюции и — не исключено — рано или поздно вообще покончит с жизнью на нашей планете. Впрочем, возможность подтвердить или опровергнуть данное предположение представится не ранее 15.000.000 года.

Завтрашние проблемы лучше решать сегодня

Опыт XX века показал, что распространенные повсеместно способы проверки личности — коды, пароли, подписи — не более чем символы, воспользоваться которыми может кто угодно. Единственной гарантией правильного опознания является только сам человек: его голос, лицо, радужка глаз, отпечатки пальцев. В предвидении того, что в грядущем веке проблема идентификации личности станет еще более острой, множество исследовательских групп разрабатывают изощренные методики. Так, например, в японской компании SEKOM создана оригинальная система компьютерной идентификации внешности, которая не допустит в помещение чужака. Фотопортреты избранных заносятся в электронную картотеку в двух вариантах — обычный двухмерный снимок и трехмерное изображение. Компьютерный страж внимательно изучает лицо посетителя. В двухмерном изображении пропорции лица сравниваются с портретами по степени освещенности, в трехмерном же — черты лица, воспроизведенные в компьютерной графике, накладываются на хранящиеся в памяти объемные портреты. Далее оба выбранных

разными способами портрета совмещаются, и в положительном случае черты лица и освещенность совпадают идеально. Разработчики системы уверены, что ошибки полностью исключены.

Лазутчик в стане саранчи

Довольно неожиданный эксперимент затеял профессор Вольфрам Куч из университета в Констанце: отловив 6-сантиметровый экземпляр пустынной саранчи, он укрепил на его туловище специально сконструированный миниатюрный передатчик и выпустил насекомое на волю. Теперь хитроумный ученый по пеленгу скрупулезно фиксирует передвижения «шпиона», надеясь таким образом определить алгоритм поведения злостных вредителей сельского хозяйства.

Теперь не покапризничайте!

Пресловутый «эффект присутствия» знаком каждому, кто имеет дело с техникой: исправный, казалось бы, агрегат напрочь отказывается работать в момент ответственной проверки, зато неисправный начинает бодро — но, увы, временно — функционировать, как только к нему подступает специалист. Приняв во внимание проверенную поколениями примету, компания «Крайслер» разработала MDS Co-Pilot — компактное, подключаемое к приборной доске устройство, фиксирующее спорадические сбои в работе электроники, коей щедро оснащен современный автомобиль. Затем на одной из принадлежащих компании станций техобслуживания компьютерная программа Morag Diagnostic System считывает информацию Co-Pilot и тут же ставит абсолютно точный диагноз — экономя тем самым время и автомеханика, и владельца автомашины.

Сверхдолгожитель

Лондонский Музей естественной истории выпустил новый каталог с описанием самых выдающихся «единиц хранения» — исправленный и дополненный, в котором поместили, разумеется, и фотографию одного из раритетов — четкого отпечатка стопы динозавра. Под снимком красуется подпись следующего содержания: «Подлинный след

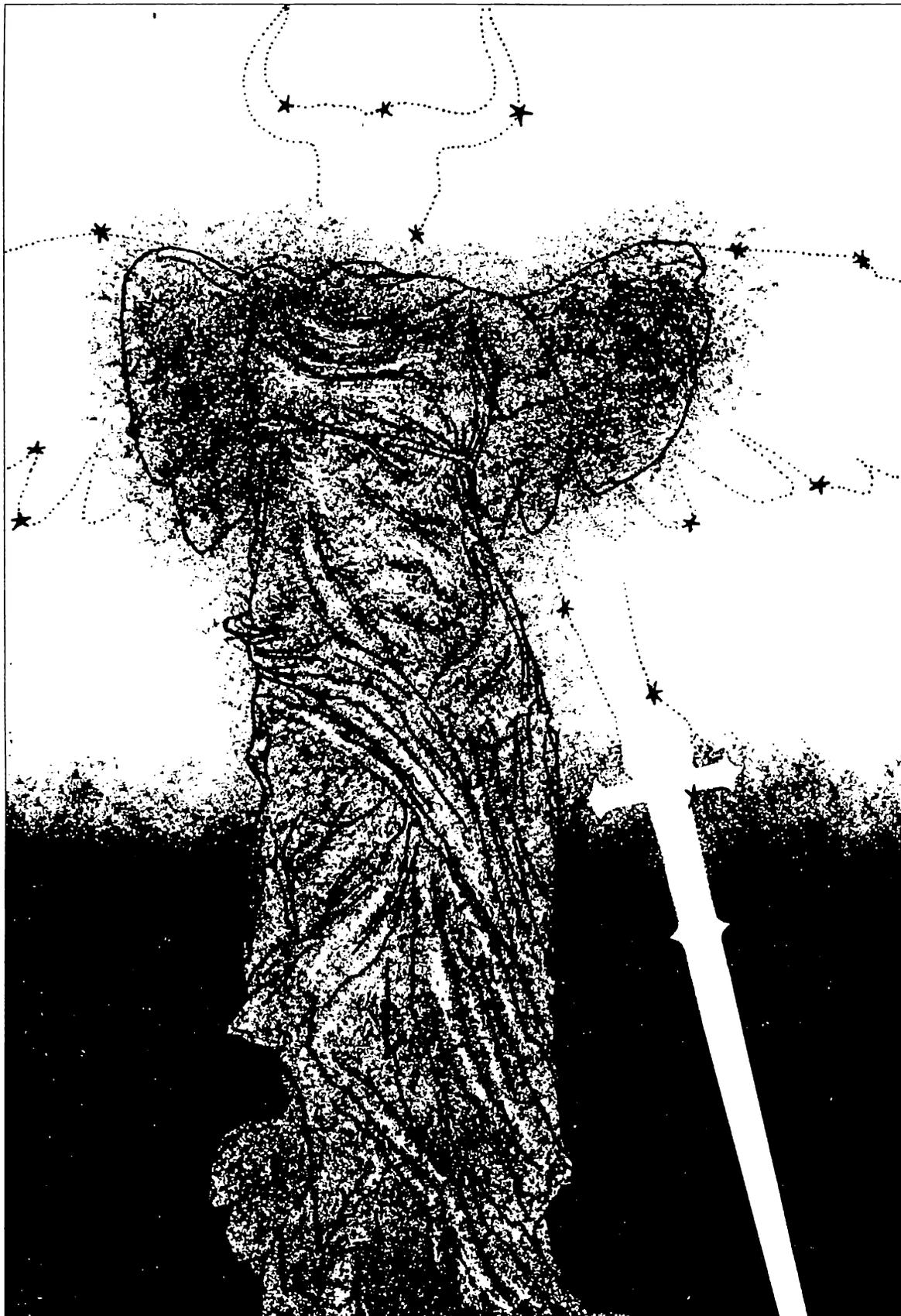
ископаемого теропода, найденный в северо-восточной части Таиланда 65 млн. лет назад». После выхода каталога любопытные засыпали сотрудников музея письмами, спрашивая: кто же был этот счастливый палеонтолог? И как ему удалось дотянуть до наших дней?

Слепые прозреют

Американские ученые провели успешный эксперимент по программе «Искусственное зрение», имплантировав в мозг 42-летней женщины, ослепшей из-за глаукомы, несколько электродов. При подаче электрических импульсов слепая «увидела» светящиеся точки. Исследователям удалось подобрать нужный режим и инициировать в мозгу пациентки изображение буквы «i». По мнению Терри Хембрехта — биолога, медика, инженера и руководителя группы, — этот достойный плод 20-летних трудов позволит слепым, при дальнейшем усовершенствовании методики, самостоятельно ориентироваться в окружающей обстановке, видеть дорожные указатели, вывески и даже просматривать заголовки газет. Хембрехт готовит очередной эксперимент, в котором испытуемому введут в мозг 250 электродов: по идее, это даст сложное изображение из светящихся точек — наподобие картинки на световом табло стадиона.

XXI век — уже сегодня

В ноябре прошлого года лондонская Британская библиотека создала принципиально новую службу OPAC: связанной с компьютерной сетью каталог (On-line Public Access Catalogue) дает читателю доступ к информации на всевозможных языках — будь то греческий, еврейский, русский или эсперанто. Обратившись в штаб-квартиру библиотеки в столице или в какой-нибудь из ее филиалов, читатель получит исчерпывающие сведения о любой книге из любого общественного хранилища. Например, чтобы с помощью традиционного каталога составить список трюков по генетике, изданных во всем мире с 1954 по 1960-й, требовалась многомесячная работа. Сейчас это делается в считанные минуты.

РЕЗУЛЬТАТ

Кэролин Черри
Последняя база

К

ГЛАВА VII* 1

Пелл: белая секция,
четвертый ярус; 22-30

аждому депутату Кеу выдал пропуск, и все же Джон Лукас тревожно озирался в почти безлюдных коридорах.

Его остановили всего один раз, на площадке лифта, и он, благополучно добравшись до своей двери, открыл ее при помощи карточки.

Гостиная пустовала, и у Джона скнуло сердце: неужели его непрошеного гостя все-таки схватили? Но тут в коридорчике возле кухни появился невозмутимый Бран Хэйл и промолвил:

— Все в порядке.

Следом за Хэйлом из кухни вышли двое его помощников и Джессад.

— Вы очень вовремя, — улыбнулся Джессад. — Тут стало скучновато.

— Думаю, так будет и впредь, — сварливо отозвался Джон. — Во всяком случае, этот вечер всем нам — мне, вам, Хэйлу, Дэниэльсу, Клею, — придется провести здесь. Я не хочу, чтобы под носом у солдат из моей квартиры вывалилась толпа дорогих гостей.

— Держу пари, вы подумываете, не избавиться ли от меня, — произнес Джессад, — и проблема для вас лишь в том, как это сделать. Что ж, можете попробовать. Вполне вероятно, это сойдет вам с рук.

Прямота Джессада сбила Джона с толку.

— Вы сами затронули эту тему, — промямлил он. — Отсюда следует, что у вас есть предложение совершенно иного рода.

На лице Джессада не увядала улыбка.

— И не одно. Во-первых, советую подумать о том, что сейчас я вам не опасен. Во-вторых, не стоит огорчаться из-за прибытия Мациана.

— Почему?

— Потому что эту возможность мы учли.

Джон поднес стакан к губам и сделал обжигающий глоток.

— Прыгать в Глубоком, мистер Лукас, без риска можно тремя способами. Во-первых, короткими скачками в хорошо знакомом пространстве. Во-вторых, — использовать притяжение звезды, и, в-третьих, — если вы ас — массу какого-нибудь малозвестного космического тела. В окрестностях Пелла хватает всякого мусора. Огромных астероидов нет, но есть довольно крупные.

— О чем это вы?

— О флоте Унии, мистер Лукас. Впервые за два

или три десятилетия корабли Мациана сбились в стаю. У них остался только Пелл. Нет, неспроста флот Унии собрался на краю системы Пелла. Мы знали, куда полетят мациановцы.

— Что будет с нами, когда выяснится, что Флот Мациана вам не по зубам?

— Мациана можно вытеснить отсюда, и мы это сделаем. После этого у него не останется ни одной базы. Наступит мир, и вы, мистер Лукас, будете пожинать его плоды. Вот для чего я здесь.

— Я всё внимание.

— Необходимо заменить администрацию. Убрать Константинов. Вам и вашим людям придется занять их места. Сумеете? Ведь, насколько мне известно, вы с Константинами в родстве. Жена старшего...

— Мы с сестрой уже несколько лет не разговариваем. Она инвалид.

— Но я имел в виду не саму Алисию Лукас, а ее мужа и сыновей. Хватит ли у вас выдержки?

— Хватит, если вы предложите толковый план.

— На этой станции есть некто Крессич.

Джон затаил дыхание.

— О чем вы хотите говорить с Крессичем? Это же бесхребтное ничтожество!

— Зато в его окружении есть рискованные парни, способные убивать, не рассуждая. Они нам понадобятся.

2

Пелл: зеленая секция, седьмой ярус; купеческая
гостиница; 22-41

Загудел ком. Вспыхнула лампочка на консоли. Вызов.

Джош остановился посреди комнаты и посмотрел на ком. Его отпустили. «Ступай домой», — сказал тюремный надзиратель, и Джош так и сделал — отправился в гостиницу по коридорам, охраняемым полицией и мациановцами. Теперь они знали, где он находится, и в эту минуту — сразу по его прибытии — кто-то пытался связаться с ним.

— Джош Толли, — проговорил он в микрофон.

— Джош, это Дэймон. Рад тебя слышать. Ну что, все в порядке?

У Джоша перехватило дыхание. Он прислонился к стене.

— Джош?

— Все хорошо, Дэймон. Ты знаешь, что случилось?

— Знаю. Я получил от тебя весточку и настоял, чтобы тебя освободили под мое поручительство. Сегодня ты ночуешь у нас. Приготовь все необходимое. Я за тобой зайду.

— Нет! Дэймон, не связывайся в это.

— Все в порядке. Не спорь. Потом поговорим.

— Дэймон, не надо! Это попадет к ним в комп.

— Джош, мы твои легальные попечители. Это уже в компе. Мы с Элен уже идем.

Связь прервалась. Его окружал металл, рядом стояла Сигни Мэллори с молодым лицом, серебристыми волосами и глазами древней старухи. Дэймон и Элен собирались рискнуть своей жизнью и жизнью неродившегося ребенка. Ради него, Джоша.

Он оттолкнулся от стены, ошупал карман — документы лежали на месте. Мимо автоматизированного бюро обслуживания он прошел в гостиничный вестибюль, где стояли охранники. Один из них двинулся навстречу Джошу.

— Эй! — разорвал тишину вестибюля возглас Джоша. — Эй, вы! Я хочу с вами поговорить.

Полицейский застыл, как вкопанный, солдат резко опустил ружье, едва не нажав на спуск. Джош нервно сглотнул и показал ему пустые руки.

*Окончание. Начало в № 5-6, 1994 г.

— Я хочу с вами поговорить, — повторил он.

Ружье чуть шевельнулось. Широко разведя руки, Джош пошел на черное отверстие ствола.

— Стоп! — приказал десантник. — Дальше — ни шагу. В чем дело?

На его панцире поблескивала эмблема «Атлантики».

— Знаете Мэллори с «Норвегии»? — спросил Джош. — Мы с ней старые друзья. Передайте, что Джош Толли хотел бы ее видеть. Немедленно.

Солдат нажал кнопку передачи и произнес несколько фраз. Ответ утаился под его шлемом, но глаза десантника блеснули.

— Вас понял, «Норвегия», — отозвался он. — Центр управления. Конец связи.

Повесив ком на пояс, он махнул ружьем.

— Идите по коридору до лестницы, там вас встретит часовой и проводит к Мэллори.

Джош торопливо пошел указанной дорогой, боясь, что Дэймон и Элен уже на пути в гостиницу.

Разумеется, его обыскали — в третий раз за этот день. Потом они недолго шагали по ковровому покрытию коридора. Пахло химией.

Дверь открыли солдаты с «Норвегии». Мэллори, сидевшая за крайним в ряду пультом, встала и с ледяной улыбкой повернулась к Джошу.

— Ну? — произнесла она.

Джош надеялся, что ее облик никак на него не подействует — и ошибся. Его затосило.

— Я хочу назад, — сказал он, — на «Норвегию».

— В самом деле?

— Я нездешний. И вообще не станционер. Кто еще может меня забрать?

— Это Константины тебя надоумили?

— Нет.

— Ты ведь урегулирован, верно?

Джош ограничился кивком.

— Вы его обыскали? — спросила Сигни десантников.

— Да, мэ.м.

Она долго размышляла, наконец, уже не смеясь и даже не улыбаясь, спросила Джоша:

— Где ты живешь?

— У меня номер в старой гостинице.

— Тоже благодаря Константинам?

— Я работаю и плачу за жилье.

— Работаешь? Кем?

— Демонтажником. Разбираю на части всякий утиль.

Удивление на лице Сигни сменилось усмешкой.

— Так что, — продолжал Джош, — терять мне здесь нечего. Я хочу улететь. Ты должна мне помочь.

Уловив за спиной Джоша движение, Мэллори вскинула голову и рассмеялась.

— Константин, очень кстати. Явились за своим дружком?

Джош обернулся. Дэймон и Элен, раскрасневшиеся от быстрой ходьбы, встревоженные, пришли за Джошем. Оба.

— Если он не в себе, — сказал Дэймон, — то мы отвеем его в больницу. — Он приблизился к Джошу и положил руку ему на плечо. — Пойдем, Джош. Пойдем.

— Да, он не в себе, — проговорила Мэллори. — Он пришел убить меня. Отведите вашего приятеля домой, мистер Константин, да приглядывайте за ним хорошенько, не то я сама им займусь.

Повисла тяжелая пауза.

— Я пригляжу, — пообещал наконец Дэймон. Его пальцы впились в плечо Джоша. — Пошли.

Они вошли в кабину лифта и спустились на пятый

ярус. Джоша привели в квартиру Дэймона и закрыли за ним дверь. Он молча подождал в прихожей, пока Элен и Дэймон включат свет и снимут верхнюю одежду.

— Я пошлю кого-нибудь за твоими вещами, — отрывисто произнес Дэймон. — Проходи. Располагайся, как у себя дома.

Дэймон присел на подлокотник соседнего кресла. «Сердится», — подумал Джош и, выбрав точку на полу возле своих ног, уперся в нее взглядом.

— Ты заставил нас побегать, — сказал Дэймон. — Не знаю, как тебе удалось проскочить мимо нас.

— Я не должен вас втягивать. Это опасно.

— Хотел убежать?

Джош пожал плечами.

— Ты в самом деле намерен ее убить?

— Может, и убью. Где-нибудь. Когда-нибудь.

Супруги не нашли, что сказать. Наконец Дэймон тряхнул головой и отвернулся, а Элен встала, зашла за спинку кресла и опустила мягкую ладонь на плечо бывшего униата.

— Ничего у нас не получится, — проговорил Джош. — Боюсь, она решила, что это вы меня подговорили. Мне так жаль...

Дэймон смотрел на Джоша так, будто видел его впервые в жизни.

— Не вздумай, — сказал он, — еще раз так поступить.

— Я не хочу, чтобы из-за меня пострадали вы.

— Ты считаешь, Мациан прилетел сюда с бухты-барухты? Ты считаешь, один капитан способен ради личной мести испортить отношения между Флотом и Константинами, без которых Мациан здесь как без рук?

Джош поразмыслил. Ему очень хотелось верить, что дело обстоит именно так. Значит, жди подвоха.

— Ничего подобного не случится, — продолжал Дэймон. — Успокойся. Ни один десантник не войдет в эту квартиру, если только ты не дашь ему повода. Видишь ли, я попросил Мэллори, и она приказала выпустить тебя из тюрьмы. Это уже вторая поправка. На третью не надейся.

От изумления Джош не смог выговорить ни слова. Только кивнул.

ГЛАВА VIII

Нижняя: посадка разведчика «Африка», главная база; 24-00 ос; 12-00 дс

Откинувшись на спинку кресла, Эмилио не сводил глаз с ухмыляющегося Порей. Когда обезображенный шрамами капитан сделал несколько пометок в распечатке и придвинул ее к Эмилио, тот, быстро просмотрев список требований, кивнул.

— На это нужно время.

— Сколько угодно, — скаля зубы, произнес Порей. — Я всего лишь выполняю инструкции. Вы и ваш персонал уклоняетесь от сотрудничества. Что ж, продолжайте в том же духе.

Они беседовали на корабле Порей, в тесном кубрике. Отведав воздуха Нижней, помесив грязь и налюбозавшись куполами, Порей исполнился от вращения, вернулся на корабль и вызвал Эмилио к себе, вместо того чтобы прийти к нему в операторскую. Эмилио это вполне устраивало, вот если бы еще и солдаты держались подальше от куполов... Но они в масках и с оружием слонялись по лагерю. На полях «К» и резиденты работали под прицелами.

— Мы успеем до вашего отлета. — Эмилио поднялся и направился к выходу не попрощавшись. Охранники не препятствовали ему.

Вопреки ожиданиям Эмилио, остальные лагеря не

были оккупированы десантниками Мациана, видимо, из-за нехватки солдат и отсутствия посадочных площадок. Что же касалось претензий Порей, то они не пугали Эмилио. «Обстановка нормализуется, — утверждалось в очередном отцовском уведомлении. — Эвакуации не ожидаем. Флот рассчитывает оборудовать на Пелле постоянную базу».

Известие не радовало, но и не удручало. Вступление Пелла в войну Эмилио считал неизбежным: сохранять нейтралитет до окончания века станции не удастся. Мациан не мог защитить станцию, а станция не могла обеспечить его всем необходимым. И самое страшное: капитан ничего не знал и не желал знать о хрупком равновесии жизни на Пелле и Нижней. «Где низовики?» — допытывались десантники. «Испугались чужаков», — отвечал Эмилио.

Он стал подниматься по тропинке на холм. Тут и там среди куполов маячили вооруженные солдаты, вдалеке, на полях, виднелись фигурки работников. Солдаты слонялись повсюду, расспрашивая колонистов о продуктовых пайках. К счастью, до сих пор не была открыта главная ложь Эмилио: будто бы станция израсходовала все, что они произвели. А наверху, на орбите Пелла, собрались десятки, даже сотни кораблей... «Вряд ли, — подумал Эмилио, — Мациан рискнет сейчас ограбить купцов. Очень уж их много».

Он спустился по склону, по мосту перебрался через водосток, затем поднялся к операторской. Наружный люк был открыт, рядом, сцепив озябшие руки, стояла Милико, и ветер играл ее черными волосами.

Он успокаивающе помахал ей рукой. Все было не так уж и плохо. Они все еще правили на Нижней.

ГЛАВА IX

Синяя секция, первый ярус; 10/5/52; 09-00

На ближайшем перекрестке стоял солдат. Джон Лукас помедлил и этим привлек к себе внимание. Рука часового потянулась к пистолету. Держа перед собой карточку, Джон пошел к солдату — темнокожему, коренастому.

Часовой хмурился, изучая карточку.

— Это депутатский пропуск, — пояснил Джон. — Высшая категория.

— Да, сэр.

Джон забрал пропуск и двинулся дальше по коридору, кожей чувствуя взгляд часового.

— Сэр!

Джон повернулся.

— Мистер Константин у себя в офисе, сэр.

— Я к его жене. Она моя сестра.

— Пожалуйста, сэр, — спокойно произнес солдат через несколько мгновений и снова превратился в истукана.

Джон пошел своей дорогой.

«Недурно устроился Анджело, — с горечью подумал он. — Ни толп, ни тесноты. И подселенцев не пришлось к себе пускать». Весь этот конец четвертого коридора с примыкающими к нему помещениями принадлежал Анджело. И Алисии.

У двери Джон заколебался, в желудке возник тяжелый комок. Он зашел очень далеко, и поведи сейчас себя необычно, мог вызвать у охранника, стоящего за его спиной, подозрения.

Отступать было некуда.

Он нажал на кнопку кома, приготовившись ждать.

— Кто там? — тут же спросили за дверью, застигнув Джона врасплох.

— Лукас, — ответил он. — Джон Лукас.

Дверные створки раздвинулись. На пороге стояла

тощая седая низовка с угрюмым взглядом.

— Я Лили.

Он проскользнул между нею и косяком, остановился и оглядел тускло освещенную гостиную, дорожную мебель. Роскошь. Простор. Встревоженная низовка Лили не отходила от Джона ни на шаг. Дверь закрылась.

Джон обернулся и увидел впереди комнату: белый пол, иллюзорные окна в космос.

— Ты прийти она смотреть? — спросила Лили.

— Скажи ей, что я здесь.

— Я сказать. — Хрупкая, сутулая низовка поклонилась и отошла. Джон ждал в сумрачной гостиной. Комок в желудке давил все сильнее. Из комнаты доносились голоса.

— Джон? — Он с облегчением узнал голос Алисии — по крайней мере один человек там есть — и содрогнулся от нахлынувшего внезапно отвращения. Ни разу еще он не входил в эти комнаты. Ни разу не видел Алисию слабой, изможденной, жалкой, живой (если это можно назвать жизнью) в созданной машинами среде. И вот он пришел, сам не ведая, зачем. Нет, ведая: найти правду.

Все эти годы он обходился ее образом — беседу с изображением выдержать несложно. Но стоять в этой комнате, глядеть Алисии в глаза, разговаривать с ней...

Возвратясь в гостиную, Лили сложила руки на груди и поклонилась.

— Ты входить. Ты входить сейчас.

Он двинулся вперед, но на полпути к комнате — тихой, стерильной, белой — остановился. В животе творилось что-то ужасное — казалось, внутренности стянулись в узел. Он резко повернулся и направился к выходу.

— Ты иди? — преследовал его голос ошеломленной низовки.

Джон коснулся кнопки и вышел. Набрав полную грудь прохладного, живительного воздуха, он зашагал по коридору прочь от обиталища Константинов.

— Мистер Лукас. — Сквозь вежливость на лице часового проглядывало любопытство.

— Она спит. — Джон не остановился, лишь судорожно слотнул. Удаляясь от солдата, он старался побыстрее стереть из памяти белую комнату и вспомнить другую Алисию — девушку, подростка, младенца...

ГЛАВА X

I

Пелл: синяя секция, первый ярус; 10/6/52; 14-00

В тот день — третий день кризиса — заседание совета закончилось рано, а обсуждались на нем лишь самые неотложные проблемы. На депутатов давило каменное молчание Кеу, капитана «Индии», внимавшего и взиравшего с неприступно-угрюмым видом. В тот день Мациан наконец выдвинул свои требования и настоял на их выполнении.

Собрав записи, Крессич спустился с самого верхнего яруса в центр зала, к столу, окруженному креслами, и там задержался, не давая толпе депутатов увлечь себя к выходу и нетерпеливо глядя на Анджело Константина, который совещался с Нгуэном Ландграфом и некоторыми другими представителями станционного населения. За столом, прислушиваясь, по-прежнему сидел Кеу, его бронзовое лицо напоминало старинную маску. Всех этих людей, собравшихся возле Константина, могло разозлить вмешательство депутата от «К».

И все же Василий приблизился, буравя Констан-

тина взглядом, пока тот не обратил на него внимания.

— Сэр, — заговорил Крессич. — Мистер Константин.

Он извлек из папки лист бумаги и протянул его Анджело.

— Мистер Константин, у меня ограниченные возможности... Там, где я живу, ком и принт недоступны, и вы это знаете. В «К» сложилась тяжелая ситуация... — Он облизнул губы, ежась под хмурым взглядом Анджело. — Вчера ночью тдла едва не разгромила мой офис. Сэр, могу ли я заверить своих избирателей в том, что переселение на Нижнюю возобновится?

— Программа обсуждается, — холодно произнес Кей.

— Хорошо, сэр. — У Крессича упало сердце: — Спасибо.

Он направился в фойе, затем, провожаемый насмешливо-удивленными взглядами туземных статуй, вышел через стеклянные двери, беспрепятственно миновал часовых и спустился в сквозной коридор синей, ведущий напрямик домой, в «К».

Какой-то человек едва не столкнулся с Крессичем, с силой вложил карточку в его руку. Не успев разглядеть его, Василий остановился и, сделав вид, будто поправляет бумаги, пошел дальше. Спустя некоторое время он посмотрел на карточку. Обычный пропуск, на пластик наклеена лента с текстом: «Зеленая, девятый, 0434». Адрес. Василий двинулся дальше, опустив руку с карточкой. Сердце гулко колотилось о ребра.

Ему следовало немедленно подойти к охраннику у входа в «К», отдать карточку и сказать правду: кто-то ищет контакта с ним. Конспирация. Политика. Кто-то идет на риск, рассчитывая на услуги депутата от «К» — по всей видимости, не бесплатные. Западня? Подстава? Или реальная возможность выкарабкаться из трясины?

Сжимая карточку в потном кулаке, он направился к доку мимо станционеров и десантников-патрульных.

Вот и четвертый перекресток. Поблизости ни одного военного. Поступь Василия замедлилась, сердце, наоборот, билось все быстрее. Он уже готов был идти дальше, но тут сзади его грубо взяли за руку и толкнули вперед.

— Пошел! — незнакомец потащил Василия за угол. Крессич не противился, выпестованные карантинном рефлексом сразу предупредили его: лучше не дергаться, можно получить нож в спину. У двери незнакомец выпустил его руку.

Крессич вложил в паз карточку и шагнул в дверь. Тесная гостиная, незаправленная кровать, разбросанная на ней одежда. Из соседней каморки, обставленной кухонной мебелью, вышел ничем не примечательный мужчина лет тридцати пяти.

— Я вас не задержу. Мистер Крессич, вы ведь со звезды Рассела? — Супруга Джен Джастин. Сын Роми.

Ощупью найдя рядом заваленное вещами кресло, Василий оперся на его спинку. Сердце саднило от ударов в грудную клетку.

— К чему вы клоните?

— Василий Крессич, я прав?

Василий кивнул.

— Ваши товарищи из «К» доверили вам защищать их права. Они с пониманием относятся к вашей инициативе... если только она не противоречит их интересам.

— Поясните, пожалуйста.

— Ваши избиратели находятся в весьма бедственном положении... из-за путаницы с документами. Рано или поздно за «К» возьмется военная контр-

разведка — поверьте, мистер Крессич, этого не избежать. Несложно догадаться, какие порядки введут мациановцы, когда утвердятся во власти... А главное, мистер Крессич, не будем ходить вокруг да около: я видел вашу жену и сына.

Василий лишь кивнул.

— Они целы и невредимы, их, вероятно, уже переправили в более надежное место. Мы знаем цену родственникам депутата, представляющего в совете Пелла столь значительную часть населения. Мистер Крессич, вам хочется воссоединиться с семьей?

У Василия подкашивались ноги. Он присел на подлокотник кресла.

— Чего же конкретно вы хотите?

— В «К» определенно существует структура власти, и вы не можете об этом не знать. Логично предположить, что вы имеете к ней самое непосредственное отношение.

— Да, у меня есть кое-какие связи.

— И влияние?

— И влияние.

— Поймите, рано или поздно вы попадете в руки Унии... если только о вас не «позаботится» Мациан. Догадываетесь, что произойдет, если он решит здесь обосноваться? Думаете, он потерпит, чтобы возле его кораблей жил карантинный сброд? Нет, мистер Крессич. Для станции вы, с одной стороны, дешёвая рабочая сила, но с другой — обуза. Все зависит от того, как будут развиваться события. Судя по всему, очень скоро станция полностью подчинится Мациану. Как я могу выходить к вам на связь?

— Но ведь вы уже вышли, — растерялся Крессич.

— Где ваш офис?

— Оранжевая, девятый, десять ноль один.

— У вас есть ком?

— Да, но он с прерывателем — работает только на прием. Для передачи надо просить разрешения в комцентре. Таков порядок.

— Надо полагать, это из-за склонности «К» к мятежам?

Василий кивнул.

— А депутат от «К» может устроить беспорядки?

Он кивнул снова. По его лбу и щекам струился пот.

— А вы можете мне выбраться с Пелла?

— Считайте, что билет у вас в кармане, мистер Крессич. Когда придет время, вы получите устное или письменное послание, в котором будет слово «Василий» — сигнал к немедленному и широкому выступлению ваших сил. После этого можете готовиться к встрече с семьей.

Крессич встал, огляделся и поспешно вышел из квартиры.

Стерев со лба пот, заливавший глаза, он свернул за угол и через зеленый док пошел ко входу в синюю.

В дверь постучали. Хэйл пошел открывать, а Джон замер в кресле возле кухонного бара. Лишь после того, как створки двери съехались за спиной Джессада, Джон с шумом выпустил из груди воздух.

— Все в порядке, — сообщил Джессад.

— Крессич вас не разочаровал?

— Все в порядке, — повторил Джессад, снимая и возвращая куртку Кейферу, подручному Хэйла, появившемуся из спальни. Кейфер сразу полез в карман и с заметным облегчением достал свои документы.

— Вас не останавливали, — заключил он.

— Нет, — подтвердил Джессад. — Я добрался до квартиры, дал вашему приятелю карточку и отправил на поиски Крессича... Все прошло, как по маслу.

Эскадра Унии, рейдероносец «Единство»: Глубокий
Космос

Демонстративно не замечая охранников, Эйрис уселся в гостиной за стол, подпер голову руками и несколько раз вздохнул всей грудью, чтобы успокоиться.

Кто-то вошел в его спальню. Эйрис повернулся и не удержался от кислой мины, увидев Дэйина Джекоби.

Незванный гость расположился за единственным столом.

— Уже скоро, — сказал Джекоби. — Я неплохо представляю себе, где мы находимся.

Эйрис опустил на стул и напряг зрение: из-за наркотика все казалось отдаленным.

— Можете гордиться собой.

— Там будет Мациан.

— Он не посвящал меня в свои планы. Но логично предположить... Нас записывают?

— Понятия не имею. Если и записывают, что с того? Дело в том, мистер Эйрис, что вы не способны ни отстоять Пелл, ни даже выторговать его для Компании. У вас был шанс, но вы его упустили. И Мациан Пеллу не нужен. Лучше Уния, чем Мациан.

Джекоби запугивал его — несомненно, пронюхал, что в последнем маневре Эйрис едва не сошел с ума от страха.

— По-моему, они хотят с вами поговорить, — сказал Джекоби, — по поводу обращения к Пеллу. Чтобы Земля охотнее ратифицировала договор. Вы могли бы сказать, что Земля признает за Пеллом право избрать свое правительство. Что-нибудь в этом роде.

— Мистер Джекоби, все это я очень хорошо понимаю. Но ответьте, когда вы успели прийти к власти над Пеллом? В момент моего отлета во главе совета стоял Анджело Константин, и с тех пор я не слышал о его смещении.

— Мы с вами в отправной точке, мистер Эйрис. Отсюда вы можете прыгнуть к себе, а я — к себе. Поясню. Либо на Пелле происходит «мягкий» переворот, и вы, без труда склонив коллег на свою сторону, мирно улетаете домой на одном из наших купцов, либо... нас ожидает долгая осада с тяжелыми последствиями. Мистер Эйрис, вы же гуманист, так облегчите участь Пелла! Объясните станционерам, что достигнута договоренность, по которой станция переходит к Унии, что Земля отпускает ее.

Эйрис понимал, что в такой ситуации дискутировать бессмысленно и даже опасно.

— Вероятно, нам следует объединить усилия, мистер Джекоби, — произнес он, — если это положит конец кровопролитию.

Джекоби заморгал, не сумев утаить удивление.

— Мир и порядок во Внеземелье выгоды торговле, а значит, и Компании. Рано или поздно Пелл обрел бы независимость... Просто это случится несколько раньше, нежели мы рассчитывали. Это случилось бы давно, если бы не пресловутая слепота наших идеологов. Будем надеяться, мистер Джекоби, что светлые дни все-таки наступят и что мы доживем до них.

Эйрис лгал с самым искренним видом, на какой только был способен.

Он откинулся на спинку кресла. Гошнота и страх пытались согнуть его в дугу.

— Мистер Эйрис.

Он оглянулся. В дверном проеме стоял Азов в роскошном черном мундире с серебром.

— Значит, подслушивали, — уныло заключил посланник.

— Я не льщу себя надеждой на ваши симпатии, мистер Эйрис. Только на ваш здравый смысл.

— Я продикутую обращение.

Азов отрицательно покачал головой.

— Мы объявим о своем выступлении, — сказал он, — но иначе. Не стоит уповать на то, что все корабли Мациана находятся в доках. Вам предстоит обратиться, во-первых, к Мациану и его людям, а во-вторых, к Пеллу. Думаю, при занятии станции голос представителя бывшей власти не будет лишним.

Эйрис устало кивнул.

— Сэр, если в моих силах спасти человеческие жизни — я к вашим услугам.

Азов разглядывал его несколько секунд, наконец нахмурился.

— Господа, вам нужно восстановить душевное равновесие. Заодно советую подумать о том, как принести пользу Пеллу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА I

1

Пелл: 10/10/52; 11-00

Суматоха на станции улеглась, к кабинетам юрслужбы вновь выстроились очереди, и это было добрым признаком. Папка для «входящих» документов разбухла от жалоб на военных, требований судебного разбирательства, протестов возмущенных купцов, полагавших, что станция обязана оплатить им вынужденный простой в доках.

Дэймон вместе с креслом повернулся к Джошу. Сидя за дисплеем запасного терминала и старательно пряча скуку, тот читал книгу.

— Эй, — окликнул его Дэймон. — Как насчет ланча? Время есть, можно спокойно перекусить и даже заглянуть в спортзал.

Джош погасил дисплей. Дэймон поднялся, оставив машину включенной, подошел к вешалке, снял пиджак и на всякий случай нащупал в кармане документы. На всей станции еще стояли на часах десантники Мациана, и убедить их в чем-либо было по-прежнему нелегко.

В коридорах по-прежнему было малоллюдно — станционеры еще не оправались от потрясения. Вдалеке маячило несколько солдат.

— Военных отсюда уберут, — сказал он Джошу, — до конца недели. В белой останетя только наша охрана. А еще дня через два, может, и в зеленой. Мы договариваемся. Наберись терпения.

— Они всегда что хотят, то и делают, — угрюмо произнес Джош.

— Поверь, все будет хорошо. — Подойдя к лифту, Дэймон краешком глаза заметил на углу женщину в форме рядового (ничего необычного, мало ли их тут кругом расставлено) и набрал код ядра. — Утром пришла хорошая новость от брата — обстановка на Нижней нормализуется.

— Я рад, — шепнул Джош.

Внезапно женщина двинулась к ним чуть ли не бегом. Дэймон оглянулся. Все солдаты в коридоре спешили в их сторону.

— Снять код! — отрывисто произнесла рядовая и протянула руку к пульту.

— Можете воспользоваться моим приоритетом. — предложил Дэймон, спеша избавиться от присутствия военных, чье волнение могло легко передаться станционерам на других ярусах.

— Действуйте.

Он достал из кармана карточку, вставил в паз и

набрал свой приоритетный код. Зажглись красные лампочки. Как только прибыла кабина, подошли остальные солдаты, оттолкнули Дэймона и Джоша плечами в доспехах и гурьбой ввалились в лифт. Кабина с едва слышным шелестом помчалась в док, не задерживаясь на промежуточных ярусах. В коридоре не осталось ни одного солдата. Дэймон глянул в бледное, неподвижное лицо Джоша и пожал плечами.

— Дождемся следующей кабины. — Он спокойно набрал код девятого яруса синей. — Если опять возникнут беспорядки, они, наверное, закончатся в доке. Я хочу туда спуститься.

Кабина где-то застряла. Дэймон ударил кулаком по стене и вновь бросил взгляд на Джоша. Идти далеко, проще дождаться. Он подошел к ближайшему кому и нажал кнопку аварийной связи.

— Джош, подойдет лифт — удержи. Комцентр, это Дэймон Константин, экстренный вызов. Только что я видел убегающих солдат. Что происходит?

Ответ последовал не сразу.

— Тревога. Прошу вас занять аварийный пост.

— Что происходит?

Ком отключился. Загудела сирена, запульсировали красные огни, из офисов выпали чиновники, надеясь, видимо, что тревога ложная. Среди них мелькала и секретарша Дэймона.

— Возвращайтесь в кабинеты! — закричал Дэймон. — Запирайте двери.

Люди отступили в офисы. Возле плеча Джоша все еще мигала красная лампочка — ни одной свободной кабины. Должно быть, их остановили в доках.

— Пошли, — позвал Дэймон и зашагал по коридору. Джош растерянно посмотрел на него и не сдвинулся с места. Тогда Дэймон вернулся и схватил его за руку. — Пошли.

Дэймон повел Джоша к аварийной лестнице, преодолевая соблазн пуститься бегом. Бегущий Константин — сигнал опасности, это непременно вызовет панику.

— Не успеем, — проговорил Джош запыхавшись. — Если это атака, то корабли подошли еще до того, как сюда добралась тревога, и застигли Мациана в доке....

— В доки! — вопль растекался, как пламя пожара. Над головами польхали красные лампы. С того дня, как пришли солдаты, Пелл ждал вражеской атаки и эвакуации.

Всей своей чудовищной массой толпа давила вниз, и ничто не могло ее остановить.

«Норвегия»: 11-05

ЦФХ/РЫЦАРЬ/189-89-89/ЛЕГКОЛЕГКОЛЕГКО/КОРПИОНДВЕНАДЦАТЬ/НОЛЬНОЛЬНОЛЬ/КОНЕЦ

Сигни набрала код подтверждения приема, повернулась к Граффу и энергично махнула рукой.

— Врубай! — Графф облек ее команду в словесную форму, и по всему кораблю зазвучал старт-сигнал. От рубки управления к доку побежали огоньки лампочек.

— Не успеем забрать, — сказала Сигни Ди Янцу, истязавшему ком. Бросать солдат на станции было очень неприятно.

— Ничего с ними не случится.

— Пуповины пусты! — крикнул Графф в микрофон кома. Только что «Европа» передала циркулярный сигнал «срочный старт» и ушла, бросив свою пехоту. Ушел и «Тихий океан». К станции следом за лучевым импульсом с «Тибета» несся его рейдер,

повторяя предупреждение на всех волнах. Происшедшее на окраине системы Пелла было столь же привычным, как досветовая связь, которой воспользовался «Тибет». Более часа назад в территориальном пространстве «Пелла» появились корабли. Вот только — чьи?

Сверкание лампочек на главном пульте «Норвегии» превратилось в зеленую рябь. Сигни сняла зажим, и рейдероносец вышел из дока. Солдаты, успевшие вернуться на борт, все еще пристегивались ремнями безопасности. Несколько мгновений, пока раскручивался ее цилиндр, «Норвегия» двигалась при нулевой гравитации, под мягкими толчками направляющих и выводных дюз. Затем — рывок в такой близости от корпуса «Австралия», что по всему Пеллу, вероятно, зазвучала тревога.

Под нижней плоскостью гроздь висели купцы. Впереди летели «Европа» и «Тихий океан», позади, на порядочном отдалении, — «Австралия». В любую секунду могла стартовать «Атлантика»; Кеу, капитан «Индии», спешил по станционным коридорам на свой корабль; Порей находился на планете. Вероятно, его рейдероносец выйдет под командованием первого помощника, а сам Порей вылетит с Нижней на шаттле. В любом случае «Африка» будет идти в арьергарде.

— Рейдер повернул! — прозвучал в ухе у Сигни голос оператора скана. На экране появился рейдер — несколько минут назад он принял их опознавательный код и сразу изменил курс.

Они стремительно сближались по прямой. Приказав техам у экранов компа и скана следить за всей сферой, Сигни сидела, кусая губу от злости на Мациана, который вел свои корабли параллельным курсом. «Хватит, капитан, — мысленно произнесла она, ощущая дыхание беды. — Хватит с нас «Викинга». Разреши нам действовать по-своему».

ЦФХ/РЫЦАРЬ/189-9090-687/СФИНКС/ДЕВЯТЬДЕВЯТЬДЕВЯТЬ/СФИНКС/ДВАДВАДВА/ТРИПЛЕТ/ДУПЛЕТ/КВАРТЕТ/ОСА/КОНЕЦ.

Новые приказы. Кораблям, задержавшимся в станционных доках, даны другие векторы. «Тихий океан», «Атлантика» и «Австралия» идут прежним курсом, медленно разворачиваясь веером для защиты системы.

3

Пелл: офис управляющего станцией

ТОРГОВЕЦМОЛОТ/ВСЕМКЗКВЗОНЕСЛЫШИМОСТИ/ПЕРВОМАЙПЕРВОМАЙПЕРВОМАЙ/ИДУТРЕЙДЕРОНОСЦЫУНИИ/ВИЖУДВЕНАДЦАТЬЛИНКРОВ/РАЗГОНЯЮТСЯДЛЯПРЫЖКА/ПЕРВОМАЙПЕРВОМАЙПЕРВОМАЙ...ЛЕБЯЖЬЕОКО/ВСЕМБОРТАМ/БЕГИТЕБЕГИТЕБЕГИТЕ...

КЗКТИБЕТ/ВСЕМБОРТАМ/ПЕРЕДАЙТЕ...

Сигнал тревоги устарел более чем на час. пока добирался до станции через бортовые комы. Он разбежался по всей системе Пелла, словно эхо истощенного вопля по сумасшедшему дому. От корабля к кораблю... Облокотившись на консоль компа, Анджело обратился к доку, куда все еще стекались по аварийному вызову ремонтники. Флотские спешно эвакуировались, их корабли отчаливали друг за другом, не соблюдая необходимых перерывов. В центральной — полная неразбериха и ожидание спада гравитации (компенсаторы могли не выдержать столь сильной встряски). Неустойчивость казалась осезаемой. Ком гудел непрерывно и на разные голоса: на окраине системы Пелла началось сражение, оттуда, заторможенные световым барьером,

ером, приходили все новые вести.

Унию вынудили напасть на Пелл. «Мы этого ожидали», — утверждал Мациан в одном из сообщений, адресованных Анджело. Вопреки всем своим обещаниям Флот готовился к эвакуации.

Анджело потянулся к кнопке кома, чтобы поговорить с Алисией.

— Сэр, — зазвучал из кома голос Миллса, секретаря Анджело, — полиция просит вас связаться с комцентром. Внизу, в зеленой, проблема.

— Что еще за проблема?

— Толпа, сэр.

Анджело оттолкнулся от стола и схватил пиджак.

— Сэр...

Он обернулся. Кто-то вошел из коридора в приемную, не спросив разрешения. Раздался протестующий голос Миллса; чуть позже в кабинет Анджело вошли Джон Лукас и его телохранитель.

— Извините, сэр, — пролепетал Миллс из дверей, — но мистер Лукас настаивает... Я сказал, что вы...

Анджело сдвинул брови, сердясь и вместе с тем надеясь на помощь. Джон поможет, если это совпадет с его личными интересами.

— Я хочу попросить тебя... — Анджело не договорил. Рука телохранителя нырнула под полу куртки, и через мгновение блеснула сталь. Телохранитель пырнул Миллса ножом и бросился на Анджело; тот с криком отшатнулся. Хэйл! Только сейчас Анджело узнал его.

Обливаясь кровью, Миллс с воплем упал в дверной проем. В приемной тоже закричали. Сильный, парализующий удар... Рука Хэйла отстранилась; Анджело потянулся за ней и задел рукоять оружия, пронзившего его грудь. Ничего не понимая, он посмотрел в перекошенное ненавистью лицо Джона. В дверях толпились люди из «Лукас Компани».

Изо рта Анджело хлынула кровь, грудь пронзила боль.

Пелл: «К»

— Василий, — произнес ком. — Василий, вы слышите меня?

Крессич неподвижно, будто в трансе, сидел за своим столом. Наконец один из людей, не сводивших с Крессича настороженных глаз, не вытерпел и протянул руку к клавиатуре.

— Я слышу. — Василий судорожно сглотнул и поднял взгляд на Коледи — это он нажал клавишу передачи. В ушах у Крессича стоял шум доков — там поднялась паника, люди грозили мятежом.

— Стерегите его, — велел Коледи Джеймсу и еще четверым. — Глаз не спускайте.

Коледи вышел. Остальные ждали, сутулясь над пультом. Шум нарастал. Толпа приближалась, сотрясая стены звериным воем.

Крессич, спрятав лицо в ладонях, застыл.

— Открыть ворота! — раздался снаружи отчетливый крик.

Зеленая секция, девятый ярус

Спотыкаясь и задыхаясь, расталкивая людей, бежали они по коридору. Сигнальные лампочки, многоголосый вопль, почти заглушающий сирену. Перепады гравитации вызывали приступы тошноты. Станционные компенсаторы силились восстановить равновесие.

— Это доки! — выдохнул Дэймон, оттолкнув станционера, который врезался в него на бегу. Джош проталкивался за ним следом к проходу на

девятый. — Мациан бежит. — Больше Дэймон не понимал ничего.

Несколько человек завизжали, и толпа отпрянула от двери, а затем и вовсе хлынула вспять. Дэймона и Джоша сдавило со всех сторон.

— Дэймон! — закричал Джош за спиной у Дэймона. Их растаскивало в разные стороны, и это было хуже всего. Стреляли ружья. Изо всех сил держась друг за друга, они стояли под напором человеческих тел.

Снова залп. Кто-то упал, за ним другой. Десантники открыли огонь на поражение.

— Не стреляйте! — закричал Дэймон, не видя солдат за стеной людей, рассыпающейся, как под ударами тарана. — Не стреляйте!

Кто-то обхватил его сзади и потащил прочь. Он дернулся от боли, слегка задевший выстрелом, и едва не упал; в следующее мгновение бросился назад, увлекаемый Джошем.

— Сюда! — крикнул Джош, толкая Дэймона влево, в боковой коридор, куда влилась часть живого потока. Дэймон не сопротивлялся — этот путь был не лучше и не хуже любого другого, он позволял запутать след, выбраться в доки и по лабиринту боковых коридоров вернуться на девятый ярус.

Они миновали три перекрестка, встречая на каждом толпы обезумевших людей, шатаясь и натываясь на стены — снова закапризничала сила тяжести. Затем впереди, в коридорах, раздался крик.

— Берегись! — Джош схватил Дэймона за предплечье.

Хватая ртом воздух, Дэймон побежал по внутреннему коридору яруса к закругляющейся кверху межсекционной перегородке. К глухой стене...

Нет, не глухой. Там был проход для низовиков. Джош закричал, пытаясь остановить Дэймона, когда увидел тупик.

— Вперед! — рявкнул Дэймон и, ухватив Джоша за рукав, повлек за собой к высоченной стене с фресками и массивной дверью в правом углу.

Дэймон прислонился к двери, кое-как выскреб из кармана карточку и непослушными пальцами вставил в паз. Дверь открылась, из шлюза повеяло спертым воздухом, и Дэймон потащил Джоша в непроницаемую тьму, в леденящий холод.

Дверь закрылась намертво, и Джош испуганно зашарил руками вокруг. Дэймон потянулся к стеллажу с кислородными масками, одну сунул спутнику, другую неуклюже надел сам.

— Что теперь? — раздался в темноте искаженный маской голос Джоша. — Куда пойдём?

На стеллаже стоял фонарь. Дэймон схватил его, щелкнул выключателем, отпер внутреннюю дверь. Створки раздвинулись с негромким лязгом. Луч фонаря осветил подвесные дорожки. Дэймон и Джош стояли на площадке лестницы, ступеньки внизу исчезали в круглом черном отверстии туннеля.

Головокружительное падение гравитации заставило Дэймона схватиться за перила.

«Элен... — подумал он. — Что с ней?»

Она могла попасть в беду. Ей надо было спрятаться, запереть двери офисов, — видимо, она так и сделала, не могла иначе, а он не сумел пробраться к ней, ему пришлось идти за помощью, связаться с полицией, приказать, чтобы выставили заслоны.

Сейчас — наверх. За перегородкой — белая секция. Дэймон попытался найти клавиатуру замка.

«Во что бы то ни стало добраться до центральной, — сказал он себе, — до кома. Системы разлажены, сила тяжести скачет... Флот ушел, купцы, наверное, тоже, и не просто ушли — оборвали швартовы, разбалансировав станцию. Контрольный центр без-

действует. Произошло что-то чудовищное».

Он повернулся, шатаясь под гравитационными приливами и отливами, ухватился за перила и двинулся вверх по лестнице. Джош последовал за ним.

6

Зеленый док

Центральная не отвечала, наручный ком лишь потрескивал статикой и мигал лампочкой приема. Элен, выключив его, бросила затравленный взгляд назад, на шеренгу десантников, удерживавших вход на девятый ярус зеленой.

Скан, вероятно, не действует. Ком, надо полагать, заставили умолкнуть флотские. В сквозных коридорах зеленого и синего доков целая армия, брошенная на произвол судьбы, стоит с ружьями наизготовку. А может, это и есть вторжение врага? Десантники стреляли, чтобы обратить толпу в бегство. Убивали. Слышалась беспорядочная пальба. Шестеро из двенадцати подчиненных Элен пропали... А ком все молчит. Остальные шестеро пытаются отправить докеров на расчистку «пуповин». Правила безопасности требовали предварительно изолировать секцию — но в синей, в контрольном центре, ни одна система не подчинялась людям Элен. То и дело шалила гравитация. В просторных помещениях, особенно в доках, самые пустяковые колебания гравитации всегда вызывали панику.

— Миссис Квин!

Она обернулась. Курьер не прошел — должно быть, его остановил какой-то болван в шеренге. Элен поспешила навстречу юноше. Внезапно солдаты повернулись кругом, к ней лицами, и подняли ружья.

За ее спиной раздался чудовищный рев. Она оглянулась — вдоль закругленной внутренней стены дока на нее несся живой поток. Мятежники!

— Ворота! — закричала она в микрофон беспелезного наручного кома. — Задрайте ворота!

Солдаты зашевелились; Элен находилась между ними и целью. Она бросилась к противоположной стене дока, к рядам кранов и автопогрузчиков. В груди гулко ухало сердце. Элен оглянулась на солдат: они наступали, уплотняя строй на ходу, и вскоре миновали ее; кое-кто укрылся среди погрузо-разгрузочной техники. Ломая ногу о кнопку кома, Элен снова и снова взывала к своему офису:

— Закройте ворота! Остановите их!

Но толпа прорвалась в зеленую, а в синий док из оранжевого вбежали все новые и новые мятежники. Рев нарастал. Вал катился на солдат, и, разглядев некоторые лица, увидев в руках примитивное оружие — дубинки и трубы — Элен вдруг осознала: толпу гонит вперед не ужас, а ненависть.

Десантники дали залп, в первых рядах мятежников раздалась крики, рухнули убитые и раненые. Словно зачарованная, стояла Элен менее чем в двадцати метрах от шеренги и смотрела, как толпа ломится вперед, топчя своих павших.

«К» на свободе. Им несть числа. Они бегут, размахивая оружием.

Она повернулась и побежала, едва не падая. Впереди неслись ее докеры, а еще — низовики, спешащие укрыться от человеческой беды. Шум за спиной нарастал.

Она прибавила скорости, прижимая руку к животу, чтобы защитить ребенка от тряски. Толпа могла опрокинуть и солдат, попросту задавить их своей массой... Элен оглянулась: из сквозного коридора зеленой исторгался человеческий поток и тотчас разбивался на сотни одиночек. Лица бегущих были

искажены яростью и страхом. Хватая ртом воздух, Элен побежала дальше. Некоторые «К» уже обогнали Элен, с каждой секундой таких становилось все больше. Тысячи и тысячи их неслись ко внешней стене дока, к купеческим кораблям.

С купеческих «пуповин» по-над головами ударили выстрелы.

— Квин! — воскликнул кто-то. Изо всех сил стараясь не упасть в людском приливе, Элен озираясь, но не могла найти кричавшего.

— Квин! — Ее схватили за руку и потащили. Ружейный выстрел едва не задел ее. Еще двое подхватили Элен с обеих сторон и повели сквозь толпу. На затылок обрушился удар, в глазах потемнело, но она бросилась всем телом на живую стену и с помощью троих незнакомцев прорвалась к пуганице тросов и стрел. Кто-то истошно орал, кто-то палил, кто-то протягивал к Элен руки, и она отбивалась, принимая этих людей за мятежников... пока не обнаружила, что они отгородили ее своими телами от толпы.

— Расступитесь! — закричали исподалеку. — Расступитесь! Идут!

Люди, окружавшие Элен, смахивали на купцов. Они повели ее по трапу к открытому люку, к холодной ребристой трубе, изливавшей желтоватый свет. К «пуповине».

— Мне нельзя на борт! — хотела выкрикнуть она, но не смогла. Она направилась к шлюзу, а несколько торговцев отстали, чтобы отрезать путь мятежникам. Последние запыхавшиеся купцы еще не успели проскочить в шлюз, когда их родственники включили механизм замка.

Металлические створки зашипели и с лязгом сдвинулись, чудом не отхватив никому конечность. Элен вздрогнула.

Внутренний люк пропустил их в коридор, к лифту. Двое рослых мужчин вытолкали остальных из коридора и помогли Элен устоять на ногах; тем временем ком исторгал громкие команды. У Элен болел живот, ныли бедра; привалясь лопатками к стене, она отдыхала, пока один из спутников — великан с нежными руками — не коснулся ее плеча.

— Спасибо, — выдохнула она. — Прошу вас... мне надо поговорить с капитаном. Как можно скорее.

Великан по имени Том (Элен наконец вспомнила его имя) полуобнял ее за плечи и помог идти. Его родственник открыл дверь лифта и нажал кнопку на стене кабины. Нейхарты, — вспомнила она фамилию этой семьи. Прежде они базировались на Викинге. В рубке оказались все старейшины и кое-кто из молодежи... Детей, должно быть, спрятали. Она узнала Веса Нейхарта, капитана семьи — среброволосого старца с печальным морщинистым лицом.

— Квин, — произнес он.

— Сэр, — она пожала ему руку. — «К» на свободе. Ком вышел из строя. Я вас очень прошу, свяжитесь с другими кораблями, передайте: неизвестно, что произошло в центральной, но Пеллу грозит опасность.

— Пассажиров не возьмем, — сказал Нейхарт. — Даже не просите. Мы уже видели, чем это кончается. — Послушайте, Уния — на подступах. Вы — защитная оболочка станции. Надо остаться. Вы меня пустите к кому?

Она просила ради Пелла, просила не только этого капитана, но и всех остальных Нейхартов. Но разговор происходил на их палубе, а не в офисе Пелла. Без корабля и станции Элен была никем.

— Это привилегия начальника дока, — уступил вдруг Нейхарт, махнув рукой в сторону пульта. — Ком к вашим услугам.

Она благодарно кивнула, приблизилась к указан-

ному аппарату и опустилась на подушку, ощупью нашла головной телефон и, моргая, сфокусировала зрение на пульте. Нажатием на несколько клавиш она включила общий купеческий канал.

— Внимание! Всем бортам. Записать и передать. Говорит офицер связи доковой администрации Пелла Элен Квин. Нахожусь в белом доке, на борту корабля Нейхартов «Край Вселенной». Прошу всех причаленных купцов задраить люки и не пропускать, повторяю, не пропускать к себе станционеров. Пелл не эвакуируется. Призываю станционные силы правопорядка сделать все от них зависящее для восстановления нормальной обстановки на тех участках, где они находятся. Оставайтесь на своих местах, не пытайтесь пробиться в центральную. Граждане Пелла, вам следует опасаться мятежников. Постройте баррикады, постарайтесь защитить себя и остановить разрушительное продвижение толпы. Вы спасете Пелл, если сумеете удержать отдельные его участки. Всем торговцам. Прошу вас о помощи. Если вы располагаете важной информацией, передайте ее на борт «Края Вселенной». До окончательной ликвидации кризиса этот корабль будет служить штаб-квартирой доковой администрации. Прошу поддерживать межбортовую связь. Перехожу на прием.

Заполыхали лампочки вызовов. Сообщения, вопросы, грубые требования, угрозы сию же минуту оборвать швартовы. Вокруг Элен лихорадочно готовился к отлету народ «Края Вселенной».

В синем доке — аварийный пост Дэймона. Наверное, он пытался туда добраться. Да не наверное — наверняка.

Элен хорошо знала своего мужа. На ее глаза набегали слезы, она стиснула подлокотник кресла, усилием воли стараясь погасить боль в животе.

— Только что закрыли проход в белую, — пришло донесение с «Сить». Пелл изолировал свои секции — важный признак того, что он еще способен бороться за жизнь.

— Смотрите, скан кого-то поймал! — воскликнул за спиной Элен один из Нейхартов. — Должно быть, это купец не из оцепления. Хотя кто его знает.

Элен вытерла слезы и попыталась сосредоточиться на многочисленных связующих нитях, которые она держала в руках.

— Оставайтесь на местах, — повторила она. — Если мы разорвем «пуповины», в доках останутся тысячи трупов. Задраивайтесь вручную. Не рвите, не рвите швартовы!

— Нужно время, — буркнул кто-то. — Может не хватить.

— Ну, так начинайте, — велела Элен.

7

Пелл: синяя секция, первый ярус; контрольный центр

Число красных огоньков сокращалось. Джон Лукас переходил от поста к посту, пожимая руки техам, посматривая на скан и экраны вида — из них действовали немногие. За окнами, в комцентре, стояли на страже Хэйл и Дэниэльс, а в контрольном, возле Джона, находились Ли Квэйл и остальные охранники из «Лукас Компани». И ни одного станционного полицейского.

Теги и начальники служб работали сосредоточенно и слаженно и не задавали лишних вопросов, боясь не только мятежников, но и людей из «Лукас Компани». Бездействие кома затянулось, и все наверняка догадывались, отчего молчит Анджело Константин.

Пряча от Джона глаза, тех вручил ему листок и

поспешил к своему креслу. Главная база на Нижней снова требовала объяснений. «Ничего, обождут, — решил Джон. — Самое важное мы сделали — заняли контрольный центр и офисы. А с Нижней разберемся позже. Не будем отвечать, пускай Эмилио считает, что станционный комцентр умолк из-за военных».

На экранах скана царил неподвижность. Купцы висели вдоль обода. Выжидали. Когда отворилась дверь, руки ошеломленных техов застыли над клавишами наперевес и за плечами. Джессад, двое парней Хэйла и окровавленный полицейский.

— Все чисто, — сообщил Джессад.

— Сэр, — начальник контрольного центра встал из-за своего пульта. — Депутат Лукас, что происходит?

— Анджело Константин мертв, — заявил Джон, скользя взглядом по испуганным лицам. — Погиб от рук мятежников вместе со всем своим аппаратом. Офисы разгромлены террористами. За работу. Мы еще не до конца выяснили обстановку.

Лица опустились, спины согнулись — техам явно хотелось превратиться в невидимок, спрятать голову по-страусиному — но не в песок, а в работу. Все молчали. При виде беспрекословного подчинения технического персонала Джон повеселел. Прошелся вдоль стены и остановился посреди зала.

— Выполняйте свои обязанности и слушайте меня, — громко произнес он. — На станции сейчас нет никаких органов власти, кроме «Лукас Компани». Во избежание повреждений станционного имущества я расстреляю любого, кого сочту нужным. Мои люди сделают это без рассуждений.

8

Впереди и позади расстилалась паутина лестниц, над головами тянулось хитросплетение труб. Луч фонаря метался во все стороны. Холод пробирал до костей.

— Мы заблудились? — спросил Джош между двумя хриплыми вздохами.

Отрицательно покачав головой, Дэймон посветил вверх, куда им предстояло идти. Безумная затея... Но они все еще живы и не потеряли друг друга.

— Следующий ярус, — сказал Дэймон, — наверное, второй. Мы выйдем... Посмотрим, что там творится.

Джош кивнул. Гравитация угомонилась, но в лабиринт все еще проникал шум. Далекие вопли, непонятно откуда. Один раз прозвучал глухой удар — вероятно, сдвинулись створки больших ворот. Это вселяло надежду.

Дэймон встал, дотянулся до перил и, клацая набойками ботинок, двинулся вверх по лестнице. Последние ступеньки. Он смертельно боялся за Элен, за все, от чего оторвался, укрывшись в эксплуатационной зоне. Плевать на усталость и на опасность. Надо выбраться как можно скорее. Оглушительный треск пронесся по туннелям и вернулся эхом.

— Ком, — с облегчением проговорил Дэймон.

— Аппаратура действует. Мятеж подавлен. Порядок скоро будет восстановлен.

— Внимание. Внимание. Слушайте все. Гравитация нормализуется. Просим граждан оставаться на местах. От флота по-прежнему нет известий. Скан пуст. Военных действий в территориальном пространстве Пелла не ожидается. С глубокой скорбью сообщаем о жестоком убийстве мятежниками Анджело Константина и об исчезновении его близких родственников. Если кому-нибудь из них удалось укрыться в безопасном месте, просим как можно быстрее связаться с контрольным центром. Просим

о том же всех, кто знает местонахождение кого-либо из родственников Анджело Константина. В настоящее время обязанности управляющего станцией исполняет депутат Джон Лукас. Квалифицированные технические работники, для скорейшей ликвидации последствий кризиса окажите содействие персоналу «Лукас Компани», на который временно возложены функции охраны.

Дэймон опустился на ступеньку, дрожа от стужи, несравнимой с холодом металла, к которому прикасалось его тело. Ледяные пальцы разрывали его изнутри, сдавливали легкие, не пуская в них воздух. Слезы застили свет фонаря.

— ...шайте все, — повторял ком. — Гравитация нормализуется...

На плечо легла чужая рука. Голос произнес, перекрывая шум:

— Дэймон?

— «С глубокой скорбью»... — пробормотал Дэймон, содрогаясь. — Господи...

Не своя с него глаз, Джош забрал фонарь. Дэймон встал на ноги и побрел вверх по ступенькам. К выходу.

Джош схватил его за руку, рывком повернув к себе лицом, взмолился:

— Не выходи! Убьют!

— Мой отец... и мать... были в синей. На первом. На первом синей была полиция. Наша станционная полиция...

Джош промолчал. Дэймон пытался сосредоточиться. Руки тряслись и с трудом хватались за перила.

— Куда? — спросил Джош.

— Не знаю, кто сейчас управляет. Диктор сказал, что мой дядя.

Он протянул руку. Джош неохотно уступил фонарь, и Дэймон побежал по ступенькам. Джош старался не отстать.

Опять вниз. Вниз легче. Ноги подкашивались, кружилась голова... Вдруг он поскользнулся, и пятно света, словно обезумевший акробат, запрыгало по металлическим конструкциям. Восстановив равновесие, Дэймон поспешил дальше.

Дэймон сбился со счета ярусов и остановок. Наконец они добрались до дна. Он остановился у двери, нажал кнопку. Створки с шипением раздвинулись, и Дэймон, сопровождаемый Джошем, направился в шлюз, освещенный поярче. Дверь закрылась, начался воздухообмен, Дэймон торопливо снял маску и набрал полную грудь прохладного, почти не ядовитого воздуха. В голове гулко пульсировала кровь, перед глазами все плыло. Кое-как сфокусировав взгляд на потном, землистом лице со следами от маски, он сочувственно произнес:

— Подожди меня здесь. Если все нормально, вернись. А нет — действуй, как сочтешь нужным.

Джош прислонился к стене и опустил потухший взор.

Дверь вела в небольшой коридор. Дэймон прошел по нему несколько шагов и пустился бежать, услышав частый топот за спиной. Он оглянулся. Джош!

— Назад! — крикнул он. — Жди там!

Спорить не было времени. Он несся по коридору к зеленой секции — туда, где, по его представлению, находился девятый ярус. Все указатели исчезли. Впереди — суматоха: люди мечутся по коридорам, кто-то размахивает обрезком трубы, кто-то лежит на полу... Дэймон обогнул лежащего, не задерживаясь. Люди, которых он успевал разглядеть на бегу, не походили на граждан Пелла: грязные, обросшие... Вдруг он сообразил, что они, и припустил со всех ног. На ближайшем повороте он свернул, чтобы сократить путь к доку и не попасть в сквозной коридор. Наконец, лавируя среди других

бегущих, он достиг конца коридора. Здесь тоже валялись тела и неистовствовали мятежники. Он пробирался мимо мужчин, замечая трубы и ножи, а кое у кого — пистолеты...

Ворота в док были заперты наглухо. Дэймон шарахнулся от мятежника, который замахнулся на него трубой по той лишь причине, что Дэймон оказался у него на пути.

Труба описала полукруг и лягнула о стену возле Джоша. Секундой позже в стену врезалась голова нападавшего, а затем Джош подобрал с пола его оружие.

— Константин! — завопил кто-то позади.

Дэймон, резко обернувшись, увидел ствол пистолета, нацеленного ему в грудь... Откуда ни возьмись в воздухе крутанулся обрезок трубы, и тотчас толпа нахлынула на оглушенного мятежника, спеша завладеть пистолетом. Дэймон снова повернулся к воротам, сунул карточку в прорезь.

Створки раздвинулись, открыв перед Дэймоном огромный док и другую остервенелую толпу. Глотнув прохладного воздуха, он бросился вперед, повернул к внутренней стене белой секции и побежал к огромным герметичным воротам межсекционного шлюза. Он обессилел, споткнулся, с трудом восстановил равновесие и помчался дальше, слыша за спиной крики. Миновав несколько разграбленных магазинов, Дэймон добрался до межсекционной перегородки, остановился возле небольшого служебного люка и трясущимися пальцами вставил карточку в паз.

Люк не открылся — вероятно, подвел контакт на карточке. Дэймон вдавил ее сильнее, потом выдернул и вставил снова. Безрезультатно.

— Дэймон! — Джош схватил его за плечо и развернул. К ним со всего дока спешили от тридцати до пятидесяти мятежников; другие оборачивались и смотрели в их сторону. Еще немного, и к ним ринется вся толпа...

— Они знают, что ты открыл ворота! — крикнул Джош. — Что у тебя пропуск!

Дэймон посмотрел на толпу. Выдернул карточку из паза.

— Нет пропуска! Стерли! Контрольный очистил мою карточку.

Он ухватился за руку Джоша и под завывание и топот мятежников бросился в темный проем магазина. Там он молниеносно повернулся и нажал кнопку на косяке. По крайней мере, этот замок сработал.

Толпа врезалась в дверь, замолотила по ней кулаками и железками, прижалась десятками лиц, искаженных страхом и ненавистью. Круглое окошко на двери быстро мутнело от царапин, но держалось: пластик был вдвое толще обычного.

— Похоже, выдержит, — сказал Джош.

— Мы вряд ли выберемся, — пробормотал Дэймон. — Они не уйдут, пока не доберутся до нас.

Джош стоял с другого края окошка, которое пропускало в магазин тусклый свет, и глядел на друга.

— Они очистили мою карточку, — повторил Дэймон. — Кто бы ни был сейчас в центре, мой пропуск аннулирован. — Он глянул на дверь. — Похоже, мы в западне.

Стук не прекращался. Снаружи бушевало безумие, и не террористы стремились захватить ценных заложников, а просто отчаявшиеся люди увидели возможность излить свою ярость на двух случайных станционеров. Уже трудно было разглядеть за царапинами на пластике оружие и лица. Казалось, еще немного, и окошко разлетится вдребезги.

И тогда отпадет нужда в наемных убийцах.

«Норвегия»: 13-00

Теперь они применяли тактику выжидания и осинных укусов. Корабли ушли за пределы системы Пелла, обернулись призраками на экранах сканов. «Тибет» и «Северный полюс» потеряли контакт с противником, отступившим после схватки, в которой погиб один рейдер «Тибета» и один — Унии.

Ком «Норвегии» прочно держал связь с обоими рейдероносцами заслона. Покусывая губу, Сигни смотрела вперед, на экраны. Оперативное управление лежало на плечах Граффа. «Норвегия» действовала вместе с ядром Флота; сбросив скорость, она дрейфовала недалеко от Пелла-IV, Пелла-III и самой звезды. Флот бездействовал, не поддаваясь на уловки противника, таясь от него под прикрытием массивных космических тел. Едва ли стоило ожидать от чужой эскадры такого безрассудства, как прыжок в систему Пелла — подобная тактика была не в стиле униатов. Но капитаны Флота соблюдали меры предосторожности, сознавая, что, если они слишком долго будут висеть в космосе неподвижными мишенями, униатское командование при всей его консервативности сумеет додуматься до элементарного приема: обогнуть их зону сканирования и разведать новые направления для ударов. Словно волки костер охотников, корабли Унии окружили систему Пелла, где их ждали рейдероносцы Мациана — невидимые издали, зато неподвижные и потому легко уязвимые. Уния имела огромное преимущество — свободу маневра.

Время от времени со станции приходили дурные вести.

Мациан отмалчивался, и никто из его капитанов не осмеливался нарушить приказ, спросив его, что делать. «Ну, давай же, — мысленно уговаривала его Мэллори, — спусти кого-нибудь из нас с цепи». Как и все корабли-матки, «Норвегия» развернула рейдеры на максимальной дистанции; всего же в ядре эскадры насчитывалось двадцать семь рейдеров и семь маток, да еще тридцать два корабля полиции — издали скану не отличить было купца от рейдера, пока рейдер не выдавал себя высокой скоростью и проворством.

Если бы только знать наверняка, что враг ударит именно с той стороны... Униаты не дураки, чувствуют ловушку, не случайно они ушли за пределы видимости. Наверное, с ними сам Азов — один из старейших, опытейших и искуснейших капитанов Унии.

Нервы дрожали. Техи у пультов часто оглядывались на Сигни. В рубке, как и в вакууме между кораблями, соблюдалось молчание. Тревога расплзалась по экипажу, как зараза.

Наконец комтех не выдержал и отвернулся от своей консоли.

— Обстановка на Пелле ухудшается, — сообщил он. За другими постами зашептались.

— Занимайтесь своим делом! — рявкнула Сигни и добавила, обращаясь ко всем: — вполне возможно, это наша деза. Забудьте о Пелле, слышите? Не то глазом моргнуть не успеем, как сюда пожалуют униаты. Если кто посмеет распустить сопли, я его своими руками вышвырну из люка. — Она повернулась к Граффу. — Полная боевая готовность.

Наверху загорелась синяя лампа — это должно было встряхнуть экипаж. На пульте перед Сигни вспыхнул огонек, сигнала, что панель боекомпа освещена, а военноп и его помощники готовы действовать.

Сигни протянула руку к компу и набрала на клавиатуре код заранее подготовленного приказа. «Взгляд» рейдероносца принялся обшаривать пространство в направлении звезды, отыскивать один корабль за другим и передавать его изображение компу на идентификацию. На всякий случай. А именно, на случай, если в системе Пелла происходит что-то непредусмотренное оперативным планом. Если Мациан, получивший, подобно Мэллори, сигналы бедствия с Пелла, подумывает о бегстве. Приемная лучевая антенна «Норвегии» неотрывно следила за «Европой», но флагман упорно безмолвствовал. Мациан размышлял. А может, он уже сделал выбор и предоставил своим капитанам действовать по обстановке.

Сигни отправила сигнал на пульт джамптеха. Пульст ожил, ток повышенного напряжения пошел к мониторам генераторов — корабль теперь мог двигаться не только в реальном пространстве. Разбежаться от Пелла несложно, но кто может обещать, что эскадра в полном составе соберется в ближайшей точке randevu? Кто может обещать, что Флот — сила, стоящая между Унией и Землей, — не исчезнет навсегда?

С Пелла шли вести одна мрачнее другой.

Пелл: эксплуатационная зона

Люди-ружья. Острый слух хиза все еще улавливал звуки, доносящиеся снаружи, — ужасные звуки борьбы. Удар в стену заставил Атласку взвизгнуть. Она не понимала, что происходит, и во всем винила Лукасов: это они распорядились на Верхней, они учинили смуту. Синезуб обнял ее, настойчиво пошептал на ухо, и она пошла — крадучись, как и все остальные. Снизу и сверху доносился шорох множества босых ног. Низовики медленно уходили во тьму, не зажигая ламп из боязни, что свет выдаст людям их убежище.

Их вел сам Старый — загадочный хиза, спустившийся с высоких мест. Он приказывал, не объясняя, почему они должны его слушаться.

Шлюз. Атласка натянула маску на лицо, добралась до двери и схватила Синезуба за руку, боясь потерять его.

Дверь открылась перед ними. Вместе с остальными хиза Атласка и Синезуб втиснулись в шлюз, а чуть позже следующая дверь открыла дорогу коричневой мохнатой толпе. Впереди стояли другие хиза, они хватали вновь прибывших за руки, быстро выводили наружу; они заслоняли их своими телами.

Они были вооружены, как люди, — обрезками труб. Это потрясло Атласку, ей мучительно захотелось спрятаться за спину Синезуба.

Аласка бросила ошарашенный взгляд назад, в шлюз, откуда напирали ее спутники, ощутила на руке незнакомую мягкую ладонь. Ее провели через дверь в человеческое место, просторное и сумрачное, затем створки съехались, отрезав Атласку от шума.

— Тихо! — велел проводник. Она испуганно огляделась — здесь ли Синезуб? — и успокоилась, как только он взял ее за предплечье. Бросая робкие взгляды на пожилых хиза, Атласка и Синезуб пересекли просторное человеческое место. Навстречу им из теней вышли другие старые низовики.

— Рассказчица, — представил Атласку Старый и приветственно коснулся ее руки. Пожилые хиза по очереди обняли ее, затем из ярко освещенного дверного проема вышли другие и обняли не только ее, ошалевшую от почестей, но и Синезуба.

— Пойдем. — Они повели ее в ярко освещенное

место, в беспредельное пространство вокруг человека на белой кровати. Над кроватью нагibasлась древняя-предвняя хиза. А кругом, на стенах, которых не было, — тьма и звезды, и внезапно огромное Солнце глянуло в комнату... на них и на Спящую.

— Ах! — испуганно воскликнула Атласка, а дряхлая хиза выпрямилась и простерла к ней руки.

— Рассказчица, — произнес Старый, и Старейшая на миг оставила Спящую, чтобы обнять Атласку.

— Хорошо-хорошо, — ласково сказал Старый.

— Лили, — вымолвила Спящая. Вернувшись к кровати, Старейшая опустила ее на колени и погладила ее по седым волосам. Лицо человека было бледным и неподвижным, но волшебные глаза, обращенные к гостям, светились жизнью. Тело Спящей было закутано в белое, кругом тоже господствовала белизна, лишь фигурка Лили и тьма над головами не подчинялись ей. Но и тьму испещрили светлые крапинки звезд.

Солнце куда-то пропало. Остались только Спящая и хиза.

— Лили, — вновь произнесла Спящая, — кто это?

Человек и древняя хиза смотрели на Атласку. По знаку Лили они с Синезубом преклонили колени, благоговейно впитывая тепло глаз подруги Великого Солнца, которое иногда танцевало на ее стенах.

— Любить ты, — прошептала Атласка. — Любить ты, Солнце-Она-Друг.

— И я люблю тебя, — шепнула Спящая в ответ.

— Как там, снаружи? Опасно?

— Мы делать не опасно, — мягко произнес Старый. — Все-все хиза делать это место не опасно. Люди-ружья стоять сторожа.

— Они погибли! — Чудесные глаза наполнились слезами и обратились к Лили. — Это дело рук Джона. Анджело, Дэймон, может быть, и Эмилио... А я пока жива. Лили, не бросай меня!

Лили осторожно положила руку на плечо Спящей и прижалась седеющей щекой к ее сереброволосой голове.

— Нет, — сказала Старейшая. — Уходить нет время. Любить ты. Уходить нет-нет-нет. Сны, они уходить. И люди-ружья. Низовики все остаться ты место. Ты видеть сны Великое Солнце. Мы — ты руки-ноги. Мы — много. Мы сильные-быстрые.

— Лили, Верхней грозит огромная беда. Смертельная. Когда беда уйдет, Верхней очень понадобится хиза. Понадобится ваша помощь. Ничего не бойтесь, хорошо?

— Она — Атласка, — сказал Старый Спящей. — Он Синезуб. Они друзья Беннет-человек. Видеть он умирать.

— Знаю, вы недавно с Нижней, — улыбнулась Спящая юной паре. — Вас прислал Эмилио.

— Константи́н-человек ты друг? Любить он, все-все низовики. Беннет-человек он друг.

— Да, они дружили.

— Она рассказать, — пообещал Старый и, обернувшись к Атласке, попросил на языке хиза: — Ес-Видят-Небеса, расскажи Спящей свою легенду. Сделай ее глаза ясными, а сны теплыми. Сделай так, чтобы легенда стала ее сном.

К щекам Атласки прилило тепло, от страха перехватило горло. Ибо она не была Великой. Доселе она вершила пустяковые дела и пела пустяковые песни. Рассказывать великую легенду на человеческом языке, да еще в присутствии Спящей... и самого Солнца... и звезд! Превратиться в частицу сна...

— Давай, — подстегнул ее Синезуб, и вера в ее право рассказывать о Беннете согрела Атласке сердце.

И она поведала легенду о человеке Беннете.

Прекрасные темные глаза с любопытством смот-

рели на Атласку. Спящая прислушивалась к ее словам, как будто юная хиза владела искусством старых певцов. Атласка ткала правду, стараясь изо всех сил, делая истиной свою легенду, а не те ужасы, что творились где-то на Верхней, делая ее все истинней, чтобы сама Спящая уверовала в ее правдивость, и чтобы в грядущие циклы эта правда возвращалась снова и снова, как цветы, как дожди, как все, что повторяется...

3

Центр управления

Суэта у консолей улеглась: теки уже не реагировали на некоторые вызовы и не вникали во второстепенные детали. Центр притерпелся к постоянной панике, к присутствию вооруженных людей, которых с каждым часом собиралось все больше.

Бродя между пультами, Джон морщился — его раздражало любое действие подчиненных, не вызванное необходимостью.

— Опять «Край Вселенной», — доложил тех. — Элен Квин требует объяснений.

— Отказать.

— Сэр...

— Отказать. Передай: пусть сидят и ждут, пока все уляжется. И соблюдают молчание в эфире. Или, по-твоему, мы должны открытым текстом передавать интересующие врага сведения?

Тех повернулся к пульту, стараясь не замечать оружия.

Квин. Молодая жена Дэймона — у купцов. Уже требует объяснений, отказывается покинуть корабль. Утечка информации. Купцы из ополчения наверняка связались с Флотом. Да, Мациан, скорее всего, уже в курсе. Квин — у торговцев, а Дэймон — в зеленом доке. В синей — низовики, они живой стеной окружили ложе Алисии, заблокировали четвертый перекресток... Ну и пусть. Главное — низовики никуда оттуда не денутся. Секция полностью перекрыта.

Сложив руки за спиной, он попытался напустить на себя невозмутимый вид и вдруг краем глаза уловил движение возле двери.

Джессад. Уже вернулся.

Джону не понравилось мрачное спокойствие униата, молча ожидающего у входа.

— Как успехи? — спросил Джон, выйдя с Джессадом в коридор.

— Нашли мистера Крессича. Он здесь со своей свитой. Хочет поговорить.

Джон скривился, бросив взгляд вдоль коридора, на Крессича, окруженного горсткой своих охранников и таким же числом стражников Лукаса.

— В синей ситуация прежняя, — сказал Джессад. — Низовики на четвертом перекрестке первого яруса. Мы у дверей. Можем декомпрессировать.

— Они нам нужны, — хмуро произнес Джон. — Пусть так и будет.

— Это из-за нее? Полумеры, мистер Лукас.

— Нам нужны низовики. Они у нее. Я сказал, пусть так и будет. Проблема — Дэймон и Квин. Что вы предприняли?

— Никто из наших не может пробраться на борт, а сама она не выходит. Люк задраен. Зато мы знаем, где ее муж, и уже действуем.

— Что вы подразумеваете под словом «действуем»?

— Парни Крессича, — прошептал Джессад. — Нам нужно проникнуть туда, понимаете? Поговорите с ним, наобещайте чего угодно. В руках Крессича — толпа. Он может подергать за ниточки. Поговорите.

Джон смотрел на группу людей в коридоре, и мысли его разбредались. Крессич, Мациан, купцы... Уния. По слухам, флот униатов на подходе. По слухам.

Джон поймал взгляд Крессича и кивнул. Группа приблизилась. Как всегда, Крессич был сед и понур. Зато окружали его люди совсем иного склада — молодые и наглые.

— Советник хочет войти в долю, — заявил один из телохранителей — невысокий, темноволосый, со шрамом на лице.

— Вы всегда говорите вместо него?

— Мистер Нино Коледи, — представил его Крессич, удивив Джона твердостью в голосе и прямой взглядом. — Мистер Коледи возглавляет службу безопасности «К». У нас достаточно сил и средств, чтобы навести порядок в карантине, когда потребуется.

Джон растерянно поглядел на Джессада. Тот воздержался от комментариев.

— Если вы способны утихомирить толпу, сделайте это.

— Да, — тихо сказал Джессад. — На этой стадии нам нужно спокойствие. Мистер Крессич и мистер Коледи, добро пожаловать в новый совет.

— Дайте мне ком, — попросил Коледи. — Общее оповещение.

— Дайте ему ком.

— Идите сюда. — Джон провел Коледи в центр, к ближайшему пульту. Отсюда виднелся экран скана. Мациан все еще держался, надежды на скорый разгром не оправдались. Крепкий орешек. Образы его кораблей искрились тут и там над многослойным ореолом купеческих орбит.

— Пусти! — рявкнул Джон на теха, и Коледи занял поспешно освобожденное место за клавиатурой. Экран осветил лицо Брана Хэйла. — Наберет текст, сразу передашь на канал общего оповещения, — сказал Джон помощнику.

— Будет сделано.

— Мистер Лукас! — крикнул кто-то, перекрывая ровный гул центра.

Джон оглянулся. Тревога! Частые вспышки на экранах скана — какой-то корабль движется наперез Пеллу!

— Что?! Где?! — воскликнул Джон. Скан ничего толком не показывал. Только желтое мерцание — знак опасности. Ком разразился ревом сирены. Послышались сдавленные возгласы, ругательства; руки техов запорхали над клавишами.

4

«Край Вселенной»

— Скан!

Завылá сирена. Увидев мерцание, Элен с тревогой посмотрела на Нейхарта.

— Отрываемся, — буркнул Нейхарт, избегая ее взгляда. — Уходим!

Слово молнией пронеслось по кораблям. Элен напряглась в ожидании рывка. В док не выбежать — слишком поздно. «Пуповины» давно перекрыты, корабли удерживаются одними захватами.

Второй — стартовый — рывок. Они на свободе.

Элен не шевелилась, отдаваясь знакомым ощущениям, с которыми совсем недавно простилась навсегда. Свободна, невесома, вольна бежать от опасности. Если бы только не эта боль, будто оторвана часть души...

Прижимая к животу ладонь, Элен смотрела на экраны и думала о Дэймоне и обо всем, с чем приходилось расставаться.

Наверное, Дэймон погиб... Анджело точно убит,

Алисия, скорее всего, тоже... Дэймона больше нет. Она бросалась на эту мысль, как на колючую проволоку, пыталась свыкнуться с болью, чтобы та не мешала думать о возмездии. Тяжело вздыхая, вспоминала она «Эстель» и всех своих родственников. Уже во второй раз она спасается. Талант уходит от смерти. Под сердцем у нее — живое существо, Квин и Константин в одном тельце; совсем недавно эти фамилии кое-что значили во Внесемелье. И исчезнут они не сразу, по крайней мере, из памяти униатов. Уж об этом-то Элен позаботится.

— Уводи нас отсюда, — с ледяной яростью в голосе сказала она Нейхарту. И повторила, когда он, озадаченный столь резкой переменой в настроении, посмотрел на нее: — Передай всем: пункт «Маттео». И еще передай. Идем прямо сквозь Флот.

Эта женщина принадлежала к родам Квинов и Константинов. Нейхарт повиновался. «Край Вселенной» вышел из гравитационного поля станции и двинулся дальше, посылая в эфир указания всем купцам, находящимся в системе Пелла.

Мациан, Уния, Пелл... Никто уже не остановит этот фрахтер.

Элен заморгала — перед ее глазами расплылись шкалы датчиков.

— После randevu у «Маттео», — сказала она Нейхарту, — мы снова прыгнем. В Глубокий. Там остальные, те, кто нахлебался вдосталь и не пришел на Пелл. Мы их разыщем.

Нейхарт нахмурился.

— У меня мальчишку забрали на один из мациановских кораблей, — проворчал он.

— А у меня муж на Пелле. Что нам осталось? Только предъявить счета.

Поразмыслив, Нейхарт кивнул.

— Нейхарты сделают все, как ты скажешь.

Откинувшись на спинку кресла, Элен посмотрела на экран скана, где мерцали образы униатских кораблей, проникших в систему Пелла. Кошмар наяву. Как перед гибелью Маринера и «Эстели» со всеми Квинами, не успевшими покинуть обреченную станцию. Вероятно, врагу удалось прорваться или кто-то действовал изнутри. И вот — то же самое. Только на этот раз купцы не намерены покорно дожидаться смерти.

Она решила сидеть перед сканом до конца, пока не взорвется станция или пока «Край Вселенной» не наберет прыжковую скорость.

«Дэймон...» — подумала она, проклиная Мациана, — он больше, чем Уния, заслуживал проклятия, ибо навлек беду на Элен и ее близких.

5

Зеленый док

Застигнутый врасплох новым спадом силы тяжести, Дэймон ухватился за скобу на стене, а Джош — за него. Но спад был пустяковым. Дэймон отпустил скобу, повернулся к ней спиной и устало покачал головой.

Джош ни о чем его не спрашивал — сам понял, что по всему ободу от станции отделяются фрахтеры. Даже сюда доносились звуки сирены.

— Они уходят, — хрипло вымолвил Дэймон. На одном из купцов улетала Элен — хотелось в это верить. Элен всегда славилась предусмотрительностью, она обзаводилась друзьями и знакомыми, способными помочь. Она улетала... Может, возвратится, когда все уляжется... Если уляжется. Если будет к кому возвращаться. Он не надеялся выжить.

— Если эти купцы, — слабым голосом произнес Джош, — то они ушли неспроста. Что-то увидели,

что-то слышали. Наверное, Мациану сейчас не до них.

Дэймон посмотрел на него, размышляя об униатах. О том, что Джош — один из них.

— Как ты думаешь, что происходит?

В тусклом свете лицо Джоша поблескивало от пота. Он прислонился к стене, поднял глаза и произнес:

— Мациан способен на все. Он непредсказуем. Униатам незачем уничтожать станцию. От них нам грозит только случайное попадание.

— Мы можем выдержать много попаданий, даже потерю секций. Пока невредимы двигатели и «ступницы», мы способны восстанавливать поврежденное.

— Даже если «К» на свободе? — хрипло спросил Джош.

Дэймон судорожно сглотнул.

— Пока творится эта чертовщина с гравитацией, «К» можно не бояться. Может, попробуем выбраться из этой западни?

— Куда? И что будем делать?

Не найдясь с ответом, Дэймон кашлянул и стал ждать очередного спада гравитации. Ждать пришлось недолго, но спад оказался слабее прежних. Моторы работали, насосы выдержали чудовищные нагрузки. Он перевел дух. Затем поднял руку и нажал кнопку замка. Ничего не произошло. Он достал из кармана карточку и после недолгих колебаний сунул в паз. Ни одного огонька. Зато, вероятно, Дэймон выдал свое местонахождение тем, кто сидел в контрольном центре.

— Похоже, мы остаемся, — сказал Джош.

Сирены умолкли. Дэймон подкрался к иллюминатору и сквозь радужные разводы вокруг бесчисленных выбоин попытался разглядеть фигуры, что крадучись продвигались вдаль.

Ком над головами Дэймона и Джоша захрипел, будто пытался включиться, и снова погрузился в молчание.

6

«Норвегия»

Казалось, им не вырваться из этого кошмара. Фрагменты милиции разбегались, один из них крошечным солдцем полыхнул на экране вида и погас еще до того, как из кома раздался треск потревоженного эфира. Путь «Норвегии» пересекла туча раскаленных обломков, некоторые, довольно крупные, угодили по корпусу; жалобным визгом отозвалась терзаемая обшивка.

Неподвижные мишени, а вплотную к ним — боекомп. Результат предсказуем. За исчезнувшим образом торговца остался униатский рейдер, и к нему, опережая «Норвегию», бросились четыре ес рейдера. Их непрерывный заградительный огонь на миг высветил вражеский корабль-матку, идущий навстречу параллельным курсом.

— Бей его! — крикнула Сигни военопу, когда затих огонь рейдеров. В ту же секунду «Норвегия» дала залп, и мощные лучи ринулись наперехват противнику. Чтобы не напороться на них, униату пришлось совершить маневр и сбросить бортовую гравитацию. Восторженный вопль на борту «Норвегии» утонул в реве сирен — электронный сигнал с боекомпа встрянул пилотский пульт, и громада корабля резко изменила курс. В боевой обстановке компы реагировали на опасность быстрее, нежели человеческий мозг.

«Норвегия» выправила курс и понеслась в гущу боя. Боекомп дал новый заградительный залп нижней батареей, поле скана испещрили светящиеся

облачка.

— Отлично! — воскликнул по общему кому корректировщик нижней батареей. — Крепко врезали!

Раздались крики; «Норвегия» сделала пол-оборота и ринулась в новый зигзаг. Позади оставались фрагтеры — они казались неподвижными, словно разбросанные в космосе обрывки фольги. Но они летели, увертывались, стараясь не задеть друг друга, да еще голялись за вражескими рейдерами, вынуждая их менять курс, лишая их свободы маневра.

Финт и выпад, как в самом начале войны... Новая цель, иное направление удара... «Тибет» и «Северный полюс» бросаются наперехват униату, стоит ему и «Норвегии» появиться на их сканах. Дальние сканы уменьшают масштаб изображения, приближаются образы друг к другу; боекомпы выбирают оптимальный вариант совместной атаки.

Униаты отходят; как только сканы сообщают об этом, мациановские корабли ложатся на новый курс и открывают огонь. «Норвегия», «Атлантика», «Австралия»... Враги получают раны, теряют соратников и уходят из-под огня. Ком сыплет проклятиями, откуда-то сквозь неразбериху голосов просачивается голос Мациана. Из четырнадцати неприятельских маток уцелело двенадцать, вместе с роем рейдеров и «стрел» они отдаляются от станции, а на пути у них — всего лишь два рейдероносца, уже невидимых на экранах Флота.

— Поджарьте им пятки! — послышался густой бас Порей.

— Отставить! — рявкнул Мациан. — Отставить! Приказываю всем удерживать позиции.

Компы по-прежнему действовали в режиме синхронизма; сигнал с «Европы» остановил корабли против воли их экипажей. Униаты бежали. Внезапно среди них расцвело пламя; в динамике кома «Норвегии» затрещала статика.

— Подбили! — завопил ком, как только утих треск.

Вероятно, «Тихий океан» несколько минут назад добил поврежденный рейдероносец. Сигни подумала, что в горячке боя она не успела уследить за всем, что произошло в системе. Даже гибель Пелла — если униаты явились сюда ради этого — могла пройти для нее незамеченной. Чтобы уничтожить станцию, хватило бы одного залпа.

Сигни размяла кисть руки, стерла с лица пот и набрала на клавиатуре приказ Граффу. В тот же миг он взял управление на себя. «Норвегия» сбросила скорость, подчиняясь Мациану. Ком протестовал искаженными голосами капитанов.

— Отставить! — повторил Мациан. По отсекам «Норвегии» пробежал ропот.

— У них нет ни единого шанса, — пробормотал Графф. — Скорее униаты подойдут на...

— Следите за целью, мистер Графф. — Сигни подключилась к главному кому. — Вдруг это маневр? Мы не можем уйти отсюда. Стоит какому-нибудь униату проскочить к станции, и ей конец. Нам больше нельзя рисковать ни одним кораблем. У «Тибета» и «Северного полюса» еще есть выбор. Есть пространство для разбег.

Возможно, думала она, как раз сейчас, когда на них направлен поисковый луч «Норвегии», они набирают скорость... Если скантехи в рубках рейдероносцев снабдили дальние сканы правильными данными, если экраны отчетливо показали, что по пятам за униатской эскадрой не идет подмога от Мациана... Если капитаны «Тибета» и Северного полюса не истолковали ошибочно маневр своих товарищей...

Флот тормозил. Скан показывал тающее облако торговцев — эти неповоротливые суда мало-помалу

набирали прыжковый разгон. Они бежали, бросая Пелл на произвол судьбы. Бежали в Глубокий.

Она определила вероятную точку соприкосновения, учитывая скорость униатов, «Тибета» и «Северного полюса». Вот-вот экипаж «Тибета» обнаружит, что на него надвигается весь неприятельский флот. Лишь бы скан не подвел...

В рубке «Норвегии» скан еще секунду показывал прежнюю — устаревшую — картину, затем перешел в режим дальнего поиска. Красная полоска шарилась в желтом тумане, один за другим нащупывая подлинный образы и стирая ложные.

Противники сближались, дистанция между ними становилась критической. Сигни и все вахтенные офицеры в рубке застыли, следя за желтыми образами и красным лучом. Она с трудом удержалась от соблазна обрушить кулак на консоль пульта или на подлокотник дивана.

Это случилось еще до того, как в рубке «Норвегии» увидели картину безнадежной схватки. Два рейдероносца и семь рейдеров; экипажи — до последнего человека.

За сорок с лишним лет своего существования Флот ни разу не платил за успех такую большую цену.

«Тибет» пошел на таран. Кант разогнал его до прыжка перед столкновением кораблей противника и вместе со своими рейдерами, маткой и неприятельским рейдероносцем превратился в космическую пыль. Исчезновение светлого пятнышка вызвало угрюмое перешептывание в рубке «Норвегии». И снова ропот: «Северный полюс» и его рейдеры бросились в самую гущу униатов...

Они почти проскочили в оставленную Кантом брешь, но вдруг их образы расплылись, а компсигнал «Северного полюса» оборвался.

Сигни вспоминала лица и имена знакомых мужчин и женщин с погибших кораблей, проклиная собственное бессилие. Дальний скан поменял режим, картина прояснилась. Потрепанная униатская эскадра разогналась, прыгнула, исчезла с экрана. Рано или поздно она вернется, и числом поболее — уж чего-чего, а кораблей в Унии хватает. Флот Мациана устоял и победил, но из девяти его рейдероносцев осталось семь.

Сколько еще таких сражений способен он выдерживать? Уния может спокойно жертвовать кораблями; для нее победа — вопрос времени, если враг, которому она показывает пятки, не осмеливается на погоню.

«Мы проиграли, — безмолвно обратилась Сигни к Мациану. — Понимаешь? Програли».

— На Пелле, — раздался из кома спокойный голос Мациана, — мятеж. Что именно там произошло, не известно, но одно не вызывает сомнений: станция в опасности. Приказываю соблюдать строй. Нельзя исключать повторения атаки.

Внезапно на пультах «Норвегии» запылали лампочки: целую аппаратную секцию выключили из компьютерного синхронизма. Корабль вновь обрел самостоятельность. На экранах компа вспыхнул обрывок приказа: «...БЕЗОПАСНОСТЬ НА БАЗЕ».

Ее отпустили. «Норвегии» и «Африке» поручали вернуться и занять охваченную смутой станцию, а остальным — удерживать подступы к ней.

Сигни подключилась к главному кому.

— Ди, оружие и доспехи. Всех десантников, кто может стоять на ногах, — на высадку. Экипируй дополнительную вахту экипажа — она будет охранять доки. Мы пойдем сразу после солдат.

Хотя десантники на нижних палубах пребывали в полной боевой готовности, «Норвегия» разогналась до красных аварийных огней и пошла напрямиком на станцию. Пореева «Африка» покинула строй и отправилась за нею следом.

Пелл: центр управления

— Обеспечить нам входение в док, — гремел из кома голос Мэллори, — и доступ в центр. Иначе мы начнем захватывать секции.

Экраны мерцали, предупреждая о столкновении. У пультов застыли бледные техи. Джон оцепенело стоял перед комом, опираясь на спинку кресла, и с ужасом представлял себе корабли, идущие на таран.

— Сэр! — крикнул кто-то. — Посмотрите на вид!

Заполняя собой экран, блестящие чудовища неслись прямо на Джона. В самый последний момент волна темного металла распалась надвое, космические левиафаны пролетели над и под станцией. Пульты разразились треском статики. Погас один из экранов, зато гнусаво завывала сирена: вероятно, где-то началась декомпрессия.

Джон резко повернулся, но Джессада у двери не увидел — там стоял только Крессич с раскрытым ртом и круглыми от страха глазами:

— Мы ждем ответа, — грубым мужским голосом произнес ком.

Джессад ушел. Это он или кто-то вроде него, вот так же дал маху на Маринере. И погубил станцию.

— Найти Джессада! — крикнул Джон одному из помощников Хэйла. — Привести сюда!

— Снова заходят! — завопил тех.

Джон повернулся к экранам и воскликнул, неистово жестикулируя:

— Связь!

Тех протянул ему микрофон. Завороженно глядя на экран, Джон проглотил комок в горле и закричал:

— Можете войти в док! — Он не владел голосом. — Это управляющий станцией! Повторяю: вы можете причалить.

— Сначала войдут наши рейдеры, — заявила Мэллори. — Станция Пелл, вы меня хорошо поняли? Учтите, при малейшей попытке сопротивления мы сделаем дыру в вашем корпусе.

— На станции мятеж, — жалобным голосом сообщил Джон. — «К» вырвались из бараксов.

Наступила долгая пауза. На скане появились новые образы: рейдеры.

— Мы поняли, — отозвалась Мэллори. — Высадим десант. Обеспечьте моему рейдеру безопасную стыковку.

— Ясно. — Джон отвернулся от кома и поманил одного из телохранителей, стоявших у двери. Затем произнес в микрофон:

— Вас понял. Полчаса. Вы получите чистый док.

— Синий и зеленый, мистер Лукас.

— Синий и зеленый, — хрипло повторил он. — Сделаем все возможное.

Мэллори отключилась. Джон нажал на клавишу вызова главного кома.

— Хэйл! — позвал он. — Хэйл!

Появилось лицо Хэйла.

— Общее оповещение. Всю охрану в доки. Очистить синий и зеленый.

— Будет исполнено. — Хэйл исчез с экрана.

Джон подошел к Крессичу, все еще стоявшему истуканом около двери.

— А ну, живо за ком! Скажи своим болванам, которыми ты будто бы командуешь, чтобы не вздумали рыпаться. Понят?

Крессич кивнул. Увидя его бессмысленные (если не безумные) глаза, Джон схватил депутата от «К» за руку и потащил к кому. Тех едва не свалился на пол, спеша освободить кресло. Усадив Крессича и сунув ему в руки микрофон, Джон встал у него за спиной.

Крессич назвал имена своих помощников, затем

велел им спуститься в доки и навести там порядок.

— Общая тревога, — сказал Джон начальнице первой станции. — Объяви, что всем нужно подготовиться к нуль-«же».

Женщина повернулась, сняла защитную панель и нажала кнопку под ней. Заголосил зуммер — пронзительнее, чем все остальные сигнальные устройства на станции. Через регулярные промежутки времени его прерывали слова: «Найдите безопасное место. Избегайте больших помещений. При значительном снижении гравитации ориентируйтесь на стрелочные указатели. Найдите безопасное место...»

Обезумевшая от страха толпа понеслась по коридорам, крича и ломясь во все двери.

— Сбрось «же», — велел Джон координатору. — Чтобы их там проняло.

На экранах замелькали слова приказов. В третий раз станция вышла из равновесия. Сквозной коридор зеленой моментально опустел: люди разбежались по квартирам и меньшим коридорам. Джон снова вызвал Хэйла.

— Вводи туда охрану. Очищай доки. Действуй по обстановке, я тебе развязываю руки.

— Да, сэр. — Хэйл опять отключился.

Джон повернулся, рассеянно поглядел на техов и Ли Квэйла, вцепившегося в скобу у двери. Он жестом подозвал Квэйла и, когда тот приблизился, схватил за рукав и притянул к себе.

— Незаконченное дело, — прохрипел Джон, — в зеленом доке. Спустись туда и закончи, понял? Закончи!

— Да, сэр, — выдохнул Квэйл и поплыл прочь. Несомненно, Ли понимал: если он не справится, всем им придется плохо.

8

Снаружи что-то происходило. По захлапленному полу магазина Дэймон подошел к окну и отшатнулся от вспышки выстрела.

— Кто бы там ни был, они идут сюда, и у них ружья. — Он отступил от двери. Осторожно — гравитация не дотягивала до нормы. Джош наклонился и поднял металлический стержень — деталь разрушенной витрины — и протянул Дэймону, а затем нашел еще один для себя.

Дэймон возвратился к двери, Джош встал у другого косяка. Издали доносились крики множества людей. С другой стороны приближался свет. Дэймон рискнул выглянуть и отшатнулся, увидя за окном силуэт человека.

Дверь рывком раздвинулась, подчинясь приоритетной карточке, которую вставили снаружи. В проем нырнули двое с пистолетами. Глаза шедшего впереди округлились от ужаса, а мгновением позже его череп хрустнул от удара Дэймона. Второго свалил Джош. В слабой гравитации оба падали ужасающе медленно; Джош не дал пистолету долететь до пола и дважды нажал на спуск — на всякий случай. Один из падавших дернулся.

— Бери пистолет! — крикнул Джош. Дэймон нагнулся, высвободил из мертвых пальцев рукоятку. Джош перевернул и обыскал второй труп, затем принялся раздевать.

— Одежда, — пояснил он. — Действующие карточки и паспорта.

Дэймон отложил пистолет, разделся, преодолевая отвращение, стащил с мертвеца окровавленный комбинезон и натянул на себя... В одном из карманов отыскал бумажник, а карточку — на полу. Он поднес ее и остальные документы к свету.

— Ли Энтон Квэйл. «Лукас Компани».

Квэйл. Подчиненный Джона Лукаса... И комп — под контролем Джона... Вот почему «К» сумели

вырваться из своих барачков, вот почему Анджело Константин погиб в самом охраняемом месте Пелла, вот почему карточка Дэймона пришла в негодность. Убийцы знали, где его искать.

Пальцы Джоша сдавили его плечо.

— Дэймон! Уходим!

Он поднялся и поморщился, когда Джош лучом пистолета до неузнаваемости обжег лицо Квэйла, а затем и второго покойника. У Джоша лицо блестело от пота и было искажено страхом, однако реакция этого человека вызвала у Дэймона восхищение. По всей видимости, его рефлексыв сами знали, как надо действовать в серьезных переделках. Джош вышел в ярко освещенный док, Дэймон поспешил следом, но за дверью приостановился — док, насколько хватало глаз, пустовал. Ворота в белую были на запоре, дверь в сквозной коридор зеленой секции скрывалась за углом. Они крадучись миновали гигантские ворота белой и двинулись под прикрытием погрузо-разгрузочной техники, пока впереди, у внешней стены, не показалась группа ремонтников. В недостаточной гравитации ступать приходилось медленно и расчетливо. Весь док был усеян трупами и обломками.

— Ворота в синюю открыты, — сказал Дэймон, когда впереди показалась арка. В душе вдруг вспыхнула надежда: пройти в синий док, дожидаться, когда возобновится нормальное передвижение по коридорам, добраться до первого яруса синей, взять косяка на мушку и задать кое-какие вопросы. Фантазия. Живым его туда не пустят, это ясно.

— Дэймон.

Он посмотрел в ту сторону, куда указывал Джош, — сквозь паутину стрел и тросов на первый причал зеленого дока. Зеленый свет. На подлете корабль, но мацановский он или униатский — неизвестно. Загромыхал ком, терзая пустоту указаниями. Корабль приближался к подводящему конусу. Приближался слишком быстро.

— Пошли, — шепнул Джош и за руку потянул Дэймона к ближайшему проходу на девятый ярус зеленой.

— Один из рейдеров Мэллори, — прошептал Джош. — Значит, Уния отступила.

Повернув голову, Дэймон увидел ненависть на лице изнуренного ангела... Джош явно надеялся совсем на иное.

Уходили минуты. Корабль ткнулся носом к причалу, бригада докеров приступила к швартовке. В отверстие шлюза плавно вошел конец «пуповины». Донеслись шипение воздуха, гул механизмов и ляганье внутреннего люка. Стыковка закончилась, и докеры бросились прочь.

Из трубы высыпала горстка людей без доспехов и рассредоточилась под прикрытием лебедок; двое с ружьями залегли у противоположной стены дока, чтобы прикрыть корабль с фланга. В «пуповине» раздался частый топот — высаживалась следующая партия. Ком подал голос, предупреждая, что на посадку заходит сама «Норвегия».

— Спрячь голову! — велел Джош, и Дэймон медленно опустился на корточки возле подпорки топливного резервуара. Лес лебедок мешал как следует разглядеть, что творится у причала. Но кое-что было ясно: вместо докеров Мэллори использовала своих десантников, а Джон Лукас, вероятно, все еще распоряжался в контрольном центре. Да, по всей видимости, он предложил Мацану сотрудничество, и под натиском Унии Мацан выбрал эффективность в ущерб справедливости. И Дэймону несдобровать, если он попробует выйти к настороженным десанникам и обвинить кого-то в заговоре и убийстве.

— Я должен выйти, — нерешительно произнес он,

боясь окончательно расстаться с надеждой.

— Тебя проглотят заживо, — пообещал Джош. — Ты же ничего не можешь им предложить.

Дэймон посмотрел в лицо своего спутника — мягкосердечного человека, умеющего убивать. В его душе, вывернутой наизнанку при урегулировании, наверное, не осталось ничего, кроме боли. «Посади меня за панель компа, — сказал однажды Джош, — и я вспомню, как с ним работать». Пошли его в бой, и в нем проснутся другие рефлексy. Тонкие пальцы Джоша сжимали пистолет, а взор не отрывался от арки синего дока, в который входила «Норвегия». На бледном, напряженном лице — гримаса бессильной ненависти. Униат, урегулированный не до конца. Сохранивший способность ненавидеть. Способность, грозящую ему безумием. Сегодня — день смерти. Невозможно определить число жертв, и нет больше ни закона, ни родственных уз, ни дружбы. На Пелл пришла война, а Дэймон все еще не избавился от наивности. Джош опасен. Это враг, прекрасно владеющий боевым искусством. И этих навыков из него не вытравить никакими психиатрическими процедурами.

Ком возвестил прибытие рейдероносца. Раздался гулкий удар носового шупа о подводящий конус. Глаза Джоша по-прежнему не шевелились, лишь резко дернулся кадык. Дэймон правой рукой взял Джоша за запястье.

— Не надо... Не надо ничего делать, слышишь? Тебе до нее не добраться.

— И не собираюсь, — ответил Джош, не взглянув на него. — Только бы тебе самому хватило осмотрительности.

«Норвегия» уже прочно состыковалась, зашипел воздух в шлюзе, с лязгом встала на место «пуповина». Дэймон ощутил вкус желчи.

В док выплеснулся десант. Неотличимые издали друг от друга, грозные латники частью построились под возгласы командиров, частью сменили на позициях вооруженных матросов рейдера. Внезапно у изгиба стены показалась еще одна фигура в доспехах, раздался крик, и со стороны зеленой, от магазинов, офисов, баров и гостиниц к кораблю ринулась толпа оставленных на Пелле солдат.

Оцепление разорвалось, пропуская к строю своих товарищей, которые несли раненых и мертвых. Сцементированные дисциплиной шеренги всколыхнулись, но не развалились; поднялся радостный гомон; солдаты обнимали друзей. Дэймон плотнее прижался к резервуару; подле съежился Джош.

Один из офицеров выкрикнул команду, и колонна двинулась вперед между двумя цепями бдительных десантников, протянувшимися до прохода на девятый ярус зеленого дока.

Дэймон отползал назад, в тень, все дальше и дальше. Джош не отставал. От головы колонны до них долетали возгласы офицеров и сотрясающий стены рев мегафона: «Очистить коридор!» Внезапно раздался вопли и стрельба. Дэймон прижался лбом к стенке резервуара и весь обратился в слух. Раз или два он ощутил, как вздрагивает Джош при знакомых уже предсмертных криках, и не мог понять, удержался ли он сам от содроганий.

«Пелл гибнет, — подумал он со спокойствием смертельно уставшего человека, ощущая, как слезы просачиваются сквозь смеженные веки. Чем бы ни кончилось это сражение, его нельзя назвать победой Мациана. Ни при каком везении малочисленной эскадре Компании не разгромить Унию. Это всего лишь удачная стычка, чуть отдалившая закономерный итог. Таких стычек будет еще немало, но рано или поздно Флот и Компания исчезнут, а то, что останется от Пелла, перейдет в руки победителей.

Огромные звездные станции давно уже не в моде

— из-за прыжка. Сейчас обживаются планеты; в космосе новый приоритет, новый порядок. Военные давно это поняли, и все поняли, кроме Константинов. Отец Анджело мечтал о третьем пути — пути не Компании и не Унии, а Пелла. И не просто мечтал, а встал на этот путь, создавая на планете, вокруг которой летает станция, общество справедливости, пренебрегая, быть может, некоторыми интересами станции, надеясь, что духовные ценности Пелла переживут тяжелые времена.

Увы, на Пелле хватает интриганов и шкурников, готовых ради своей выгоды плясать под любую дудку. Один из них — Джон Лукас. Будь у Мациана хоть отдаленное представление о справедливости, он бы сразу понял, кто такой Джон Лукас, и воздал ему по делам его. Но Флоту ни к чему честные люди, ему нужен лишь тот, кто готов беспрекословно подчиниться и блюсти закон Мациана.

Если Дэймону суждено выжить, он отомстит. Он не подвергнет Пелл опасности, но сделает все, чтобы Джон Лукас не ведал покоя. Пока хоть один из Константинов на свободе, любого самозванного властителя Пелла по ночам будут мучить кошмары. А уж Дэймон постарается пробыть на свободе как можно дольше.

ГЛАВА III

Главная база на Нижней; 13-00; местная ночь

Эфир упорно отмалчивался. Прижимая к своему предплечью ладонь Милико, Эмилио стоял над комом, возле которого хлопотал Эрнст и толпился остальной персонал. Ни слова со станции. Ни слова от Флота. Порей и его команда умчались с планеты больше часа назад, и все это время колония пребывала в неведении.

— Ладно, хватит, — сказал Эмилио Эрнсту и добавил, услышав недовольный шепот сотрудников: — Мы не знаем, что происходит на станции, не знаем даже, кто ее контролирует. Не вздумайте папиковать, слышите? И прекратите нести чушь. Хотите остаться на Главной и ждать униатов — ради Бога, я отговаривать не стану. Но это огромный риск, неужели не понимаете? Если Мациан проиграет, то перед отступлением он эвакуирует базу. А то и вовсе уничтожит, чтобы у врага не возникло желания вновь ее заселить.

— Но ведь нам далеко не уйти, — возразила одна из женщин. — И как мы выживем без оборудования?

— Здесь нам тоже не продержаться, — сказала Милико.

Эмилио неторопливо кивнул, обеда взглядом сотрудников.

— Можно забрать портативные компрессоры и полевой купол. Зарыться где-нибудь в укромном месте и выжить. Это реально.

Сотрудники растерянно закивали. Никто не мог до конца осознать, с какой бедой они столкнулись. В том числе и сам Эмилио.

— Оповести все лагерь, — велел он Эрнсту. — Скажи: пускай уходят или остаются, кто как пожелает. Я никого не потащу в лес против его воли. О низовиках мы уже позаботились — Уния не сможет взять их в оборот, — а теперь пора позаботиться о себе. Заберем часть продуктов из неприкосновенного запаса — Порей о нем не знает.

Шепот почти затих, и вскоре кто-то пошел готовиться к походу. Затем другой, третий... Толпа возле кома быстро растаяла. Эмилио повел жену в операторскую, в их комнату, — собрать в дорогу то немногое из пожитков, что они могли увезти. Он был взволнован, сердце билось учащенно. Все это может кончиться очень плохо. Персонал может

взбунтоваться, схватить Эмилио и Милико и выдать новым властям в обмен на снисхождение. Людей, способных на такое, в колонии хватает с лихвой, особенно среди «К».

Хоть бы одно слово пришло от семьи... Отец послал бы весточку, если бы мог. Если бы мог.

— Поспешите, — сказал он Милико, сунул в карман маленький служебный пистолет, снял с вешалки свою самую теплую куртку, взял коробку цилиндрических фильтров для кислородной маски, флягу и топорик. Милико захватила нож и два скатанных одеяла.

На полу посреди операторской сотрудники в спешке упаковывали одеяла и одежду.

— Выключите насос, — велел Эмилио одному из них. — Выньте из него предохранители.

Он отдал еще несколько распоряжений. Операторская опустела: одни направились к вездеходам, другие — к агрегатам, которые решено было вывести из строя.

— Поторопитесь, — крикнул Эмилио вдогонку своим подчиненным. — Выезжаем через пятнадцать минут.

— А как быть с «К»? — спросила Милико.

— Пусть тоже выбирают: или оставаться здесь, или ехать с нами на правах штатных рабочих.

Наконец сборы были закончены, последние пассажиры, включая многих из «К», устроились в мягкие гнезда среди баулов и матрасов.

— Трогай! — закричал Эмилио водителю головной машины, когда наступило относительное затишье. Вездеходы заревели и отправились в нелегкий путь по топкой дороге.

Следом брели люди. Колонна окончательно сформировалась у реки, миновала мельницу и вошла в лес. Справа холмы и лес смыкались, загораживая от людей ночной ландшафт. Все порождало ощущение иллюзорности: лучи фар, скользящие по зарослям тростника, травянистым склонам холмов и стволам деревьев, силуэты путников. Самым удивительным было отсутствие жалоб, словно всех охватило безумие и они, сознавая это, смирились. Они знали, каково на вкус мацаново правление, и слышали, как униаты обходятся со своими пленными. Они сделали выбор.

На обочине дороги вздрагивали кусты и тростники высотой по пояс человеку, то и дело невидимые существа срывались с места и стремительно уносились по склону холма — казалось, по траве скользят гибкие проворные змейки. Милико указала на это мужу, а чуть позже в колонне зазвучали тревожные возгласы.

У Эмилио отлегло от сердца. Сжав и отпустив руку жены, он зашагал к зарослям. Колонна не остановилась.

— Хиза! — громко позвал он. — Хиза! Это я, Эмилио Константин. Вы нас видите?

Вскоре крошечная стайка низовиков пугливо выбралась на свет. Один из них простер руки перед собой; Эмилио повторил жест. Низовик приблизился к нему и обнял.

— Любить ты, — заявил юный самец. — Ты иди поход, молодой Константин?

— Топотун? Ты Топотун?

— Я Топотун, Константин-человек.

Неяркий луч фары затормозившего вездехода выхватил из мрака острозубую улыбку.

— Я бежать-бежать-бежать обратно, снова видеть ты. Все мы глаза на ты. Делать ты безопасно.

— Люблю тебя, низовик. Люблю тебя.

Хиза восторженно подпрыгнул.

— Ты иди прогулка?

— Мы бежим, Топотун. На Верхней беда. Люди-

ружья. Возможно, они спустятся на Нижнюю. Мы убегаем, как хиза. У нас много стариков и детей, некоторые совсем не могут ходить. Нам надо где-нибудь спрятаться.

Топотун повернулся к своим спутникам и сказал несколько слов. Сородичи отозвались возбужденным шепотом, затем один из них шмыгнул обратно под прикрытие древесных стволов и ветвей. С удивительной силой Топотун сжал руку Эмилио и повел к дороге, где застыла в ожидании вся колонна. Люди столпились вдоль обочины, задние толкали передних, стараясь разглядеть, что происходит.

— Мистер Константин, — встревоженно обратился сотрудник с пассажирского сиденья в кабине вездехода, — это хорошо, что они нас заметили?

— Хорошо. — Эмилио повернулся к остальным. — Радуйтесь — хиза вернулись. Они знают, кому из людей нужно помогать, а кому нет. Они все время наблюдали за нами, чтобы прийти на помощь в трудную минуту. Эй, люди, — закричал он невидимому хвосту колонны, — они вернулись! Они готовы нас спрятать!

Толпа загомонила. В голосах слышалось сомнение.

— Еще низовик не сделал человеку плохого! — крикнул Эмилио во тьму, перекрывая спокойный рокот двигателей. Милико взяла мужа под руку, сам он мягко сжал кисть Топотуна, и они зашагали вперед. Вездеходы тоже стронулись с места, и колонна медлительным удавом поползла по дороге, сопровождаемая хиза, которые уже не прятались в зарослях.

Маленькая, но крепкая кисть не выпускала руку Эмилио; со стороны могло показаться, что отец гуляет с ребенком. Но на самом деле это низовик уводил людей, как младенцев, в неведомую чащу, откуда (Эмилио признавал это) им, быть может, не суждено вернуться.

— Идти мы место, — сказал хиза. — Мы делать ты безопасно, мы сны плохой человек уходить, и они уходить, хиза сны, люди сны, вместе сны. Идти место сны.

Эмилио не разобрал бормотания низовика, но вспомнил, что в лесу есть места, куда хиза никогда не водили людей. Места для снов... Но разве все, что окружало Эмилио, не было сном? Этот побег, это призрачное ночное шествие людей и хиза, это крушение всего, что называлось Нижней...

— Рано или поздно униаты прилетят, — сказал Эмилио жене, — и захотят вырубить леса, понастроить фабрик и перегородить реку. Так всегда бывает, верно? Если только мы допустим. — Он потряс руку Топотуна, глянул в маленькое взволнованное лицо. — Надо предупредить остальные лагеря, надо всем людям уйти в леса, в долгий, долгий поход. Нужна хорошая вода, хорошая еда.

— Хиза найти. — Топотун ухмыльнулся, заподозрив, что ему предлагают участие в великом розыгрыше. — Люди нет хорошо прятать еда.

Возможно, это продлится недолго... Так утверждают некоторые. Когда у людей не останется даров, низовики, наверное, утратят благоговение и пойдут по жизни своей дорогой. А может, этого не случится. Хиза уже не такие, как до появления человека на Нижней.

То же самое можно сказать и о людях, поселившихся на их планете.

ГЛАВА IV

Торговец «Молот»: Глубокий Космос; 19-00

Витторио налил себе порцию горячительного — уже вторую с того момента, как пространство

вокруг «Молота» заполнилось потрепанным в сражении флотом. По всей видимости, дело приняло нежелательный для униатов оборот. Экипаж лже-торговца погрузился в тягостное молчание, внезапно увидев рядом с собой врага, свидетеля национального позора. Витторио не поднимал глаз, по-малкивал, желая только напиться до отключки, и как можно быстрее, пока его не обвинили в агитации или в чем похуже. Упаси Боже, утешать их или хотя бы выражать соболезнование...

По вине своего отца он стал заложником и с неизбежностью осознал, что отец, судя по всему, всех их обвел вокруг пальца. Вероятно, его, Витторио, положение даже опаснее, чем у бесполезного заложника. Вероятно, Уния готовится разыграть его карту.

«Отец ненавидит меня», — пытался втолковать он униатам, но они только отмахнулись, как от неуместной шутки. Впрочем, капитан «Молота» был мелкой сошкой. Судьбу Витторио решил не он, а Джессад. Где он теперь, этот Джессад?

«Молот» ждал гостя. Какую-то важную шишку. Может быть, самого Джессада, которому предстояло доложить о провале миссии и о необходимости избавиться корабль от ненужного живого балласта.

Застыв в кресле, Витторио глядел на стакан и горевал, что слишком трезв. Изгибаясь, палуба загораживала от него двери лифта. Он вздрогнул, когда к нему в кают-компанию вошли совсем не с той стороны, куда он смотрел, а сзади — из коридора между кубриками.

Бласс, капитан «Молота». Двое членов экипажа. Множество незнакомых офицеров, а за их спинами — штатские. Пошатываясь, Витторио встал и посмотрел на офицера с серебристыми волосами и обилием металлических блях на мундире. Чуть позже он узнал одного из штатских. Дэйин Джекоби!

— Витторио Лукас, — представил его Бласс. — Командующий флотом капитан Себ Азов. Мистер Джекоби с вашей станции. Мистер Сегюст Эйрис из «Земной Компании».

— Из Совета Безопасности, — поправил Эйрис.

Азов уселся за стол. Витторио опустился в кресло, в мозгу клубился алкогольный туман. Он старался держаться естественно. Эти люди пришли посмотреть на него... а он не способен помочь ни им, ни кому бы то ни было. Балласт...

— Операция началась, мистер Лукас, — сказал Азов. — Мы уничтожили два вражеских корабля и вызвали подрывление. Не так-то просто выбить мациановцев из системы Пелла, они цепляются за станцию. Зато нам удалось выгнать большинство торговцев. Остались только станционные ближне-рейсовики, они служат маскировкой.

— Что вы хотите от меня? — спросил Витторио.

— Мистер Лукас, какое-то время вы руководили «Лукас Компани» и, как я полагаю, знакомы с торговцами, базирующимися на станции Пелл.

Витторио понимающе кивнул.

— Ваш корабль, мистер Лукас, «Молот», возвращается в пределы слышимости Пелла. При его контактах с торговцами роль комтеха будете исполнять вы. Но не под настоящим именем, а как член семьи «Молота». Постарайтесь как можно тщательнее изучить ее состав. Ваша жизнь будет зависеть от вашей изобретательности. Вы предложите торговцам, оставшимся при Флоте, удобный и надежный путь к спасению, то есть уйти из территориального пространства Пелла. Оставьте Мациана без снабжения. Мы хотим, мистер Лукас, чтобы эти торговцы не путались у нас под ногами, и нам будет крайне неприятно, если они узнают, как мы обошлись с «Молотом» и «Лебяжьим оком». Этого не должно

произойти. Надеюсь, вы меня понимаете.

«Семьи с этих кораблей, — тоскливо подумал Витторио, — никогда не получат свободу... во всяком случае, без урегулирования. А ведь моя память тоже опасна для униатов. Азов не потерпит, если я расскажу всему миру, что он и его шайка не только захватывают корабли и целые экипажи, но и крадут имена... Да, кража имен — самое страшное преступление в глазах торговцев, которые больше всего на свете ценят свое достоинство». Он спохватился, что ошупывает пустой стакан, поставил его на стол и притворился трезвым и хладнокровным.

— Что ж, это совпадает с моими интересами, — сказал он. — Поскольку мое будущее на Пелле видится мне отнюдь не в розовых красках.

— Поясните, мистер Лукас.

— У меня появилось намерение сделать карьеру на службе Унии, капитан. — Он поднял взгляд на хмурое лицо Азова, надеясь, что на его собственном лице нет и тени робости. — Мое отношение к отцу не назовешь теплым, поскольку он почти без принуждения отдал меня в ваши руки. Предпочитаю отныне договариваться с Унией от своего имени.

— Пелл потерял друзей, — мягко заключил Азов, покосившись на опечаленного Эйриса, — а теперь его бросают и равнодушные. Такова воля ваших бывших граждан, господин посол.

Землянин исподлобья глянул на Азова.

— Мы принимаем ситуацию такой, какова она есть. Меня заботит только безопасность станции Пелл. Речь идет о тысячах жизней, сэр.

— Они в осаде, мистер Эйрис. Мы перерезали их пути снабжения и обескровили Флот, принудив его к бездействию. — Азов повернулся к Витторио и секунду разглядывал его. — Мистер Лукас, нам необходимо прекратить их доступ к запасам продовольствия на шахтах и на самой Нижней. Удар по этим объектам возможен, но обойдется нам слишком дорого, и я не верю в его эффективность. Поэтому мы не станем торопить события. Мациан мертвой хваткой вцепился в Пелл, и если убежит, то оставит за собой одни руины: испепелит колонию на Нижней, взорвет саму станцию и улетит к Тыловым Звездам... К Земле. Вы что, мистер Эйрис, хотите, чтобы ваша драгоценная Планета-Мать превратилась в логово мациановских бандитов?

В глазах у Эйриса мелькнула тревога.

— Да, он вполне на это способен, — продолжал Азов, не сводя с Витторио ледяного, пронзительного взгляда. — А предотвратить это в наших с вами силах, мистер Лукас. В этом-то и заключаются ваши обязанности. Собирайте информацию, с помощью которой вы сможете склонить торговцев к бегству от Мациана. Вы согласны, что это в пределах ваших возможностей?

— Да, сэр.

Азов кивнул.

— А теперь, мистер Лукас, мы вынуждены извиниться перед вами и мистером Джекоби.

Секунду Витторио бездействовал, недоумевая, затем сообразил, что его просто-напросто выгоняют. Угрюмый взгляд Азова давал понять, что никаких возражений капитан не потерпит. Витторио медленно поднялся и направился к выходу, следом, извинившись, пошел Дэйин. Капитан «Молота» приготовился слушать распоряжения Азова, и Витторио весьма сожалел, что сам он лишен такой возможности.

Азов не солгал: его эскадре досталось. Судя по отдельным репликам матросов «Молота», долетевшим до ушей Витторио, погибли даже рейдероносцы. И вот теперь его самого бросают в мясорубку.

В первом же кубрике он оглянулся на Дэйина и опустился на койку.

— Как дела? — спросил он у человека, к которому никогда не питал особой симпатии. Однако сейчас, среди чужих людей, да еще перед лицом опасности, встреча с родственником принесла облегчение.

Дэйин пожал плечами.

— А у тебя?

Витторио был польщен: впервые в разговоре с ним дядя Дэйин снизошел до вежливого тона.

— Прекрасно.

Дэйин устроился напротив него.

— Вы знаете, — поинтересовался Витторио, — сколько они потеряли?

— Порядком. Я так понял, Мациан задал им жару. Пропали два корабля — кажется, «Слава» и «Стойкость».

— Но Уния построит новые корабли. Уже сейчас она может собрать для Азова подкрепление. Сколько еще это продлится?

Дэйин с упреком покачал головой и многозначительно посмотрел вверх.

— Они загнали его в угол, — сказал Дэйин. — У них неограниченные ресурсы, а мациановский Флот дышит на ладан. Азов прав. Мациан славно врезал им по зубам, но отбил себе кулак.

— А что будет с нами?

— По мне, так уж лучше сидеть здесь, чем на Пелле.

Витторио с горечью рассмеялся. У него плыло перед глазами, а в горле возникла вдруг боль, которая на самом деле никогда не проходила. Он неопределенно покачал головой и произнес для тех, кто мог подслушивать:

— Пожалуй, я сделаю все, что в моих силах. Ведь, помогая Унии, я помогаю себе.

Как-то странно посмотрев на него, Дэйин нахмурился — видимо, понял. Впервые за свои двадцать пять лет Витторио ощутил родственные узы. Оставалось лишь гадать, отчего это случилось в присутствии человека, который был на три десятка лет старше и обладал совершенно иным жизненным опытом. Впрочем, Глубокому Космосу нередко удавалось в кратчайший срок связать накрепчайшей дружбой самых непохожих людей. Быть может, недавно Дэйин стоял точно перед таким же выбором, и он тоже не считает Пелл своим домом.

ГЛАВА V

1

Пелл: белый док

Пламя ударило в стену. Дэймон плотнее вжался в угол и долю секунды упирался, не давая Джошу увлечь его за перепуганной, вопящей толпой. Затем он все-таки вскочил на ноги и бросился вслед за другом в живой сель, исторгающийся в док с девятого яруса зеленой.

Станционеры, беженцы из «К»... Разница между ними уже исчезла.

Пучки энергии просверкивали над головами. Толпа неслась по коридору, оставляя позади ослабевших. Наконец, по примеру Джоша, Дэймон перешел на шаг. Они уже находились в белом доке, и здесь толпа рассеялась. Лишь несколько человек, не заметив, что стрельба прекратилась, побежали дальше.

Угладев между магазинами укромное местечко, Дэймон свернул туда. Джош направился следом. Хозяин бара запер входную дверь, но в ее глубокой нише можно было, по крайней мере, укрыться от шальных выстрелов.

Перед баром лежало десятка полтора трупов; было не разобрать, новые они или давешние. За

последние часы Дэймон и Джош успели привыкнуть к трупам, и теперь из своего убежища они то и дело наблюдали сцены насилия, в основном, драки между станционерами и «К». Многие просто слонялись по доку, кое-кто выкрикивал имена родственников и друзей... Один бедолага, опознав покойника, зарыдал во весь голос. Дэймон опустил голову и спрятал лицо в ладонях.

Спустя некоторое время в белом и зеленом доках появились отряды латников и наспех организовали бригады чистильщиков для сбора и шлюзовки трупов. В бригады отбирали наиболее активных и крикливых.

Еда. Мысли о ней стали навязчивыми. Дэймон не жаловался, однако чувствовал, как слабеют от голода его руки, сомкнутые вокруг колен.

— Я прогуляюсь, — сказал Джош, — а ты побудь здесь. Попробую взять на двоих, скажу, что у меня ранили друга.

Дэймон отрицательно покачал головой. Глупо так рисковать, противоестественно. Но вряд ли их — грязных, в окровавленных комбинезонах, — кто-то узнает. И если боязнь ножа или выстрела десантника не позволит ему пройти через док, он наверняка спятит.

Похоже, у раздачи не спрашивают удостоверений. Да пусть бы и спрашивали — у Дэймона три карточки, плюс его собственная, которой он, разумеется, воспользоваться не рискнет. У Джоша две чужие карточки, но на обеих фото не имеют даже отдаленного сходства с его лицом.

Казалось бы, чего проще: подойти к тележке раздатчика, взять сэндвич и пластиковый контейнер с фруктовым напитком, и обратно. Но к двери бара Дэймон возвращался, как охотник со счастливого промысла. Он сел на корточки, а чуть позже рядом опустился Джош.

Едва притупились голод и жажда, как возникла иллюзия, что самое страшное позади.

Внезапно по доку раскатился щебет хиза — уборщик издала перекликался со своими сородичами у раздаточных тележек. Дэймон опешил: низовики, когда все спокойно, ведут себя тихо.

Солдат у тележки вздрогнул и опустил ружье наперевес. Но тревога оказалась напрасной, его окружали только тихие, запуганные люди и озабоченные круглоглазые низовики, уже вернувшиеся к своим делам. Доев сэндвич и осушив контейнер, Дэймон проводил взглядом тележку.

К ним приблизился низовик с коробкой пластиковой посуды, требовательно протягивая руку. Джош отшатнулся, а Дэймон встревоженно поднял глаза, ощутив на запястье чужую ладонь.

— Ты — Константин-человек?

— Уходи, низовик, — хрипло прошептал Дэймон, — и не произноси больше моего имени вслух. Меня убьют, если опознают. Молчи и уходи побыстрее.

— Я Синезуб.

— Синезуб? — Дэймон сразу вспомнил туннели и раненого сезонника. Жилые пальцы хиза крепче сжали его руку.

— Низовик имя Лили послать от Солнце-Она-Друг ты имя Лисия. Она послать мы делать Лукасы тихо, нет приходиться она-место. Любить ты, Константин-человек. Лисия-она безопасно, низовики все кругом она, делать она безопасно. Мы привести ты, ты хотеть?

На миг Дэймону отказало дыхание.

— Жива? Она жива?

— Лисия-она безопасно. Послать ты прийти, делать ты безопасно с она.

Схватив мохнатую лапу и глядя в круглые темно-коричневые глаза, он попытался собраться с мыслями. Низовик что-то лопотал, но Дэймон не понимал

его. Он грустно покачал головой.

— Нет. Нет. Мне нельзя к ней. Это опасно. Людиружья, понимаешь, Синезуб? Скажи, что я надежно спрятался, что Элен улетела на корабле. У нас все хорошо. Синезуб, скажи, я ей нужен? Нужен?

— Безопасно она-место. Низовики сидеть с она, все низовики Верхняя. Лили с она. Атласка с она. Все-все.

— Передай ей... Передай, что я люблю ее. Что у нас с Элен все хорошо. Люблю тебя, Синезуб.

Его стиснули коричневые руки. Дэймон тоже порывисто обнял низовика, затем тот призраком выскользнул из ниши и побрел прочь, собирая по пути мусор.

Дэймон огляделся — не наблюдает ли кто? — но встретил только озадаченный взгляд Джоша. Опустив голову, Дэймон потерся мокрыми щеками о руку, покоящуюся на колене. Радость таяла, возвращался страх. Ему снова было за кого бояться.

— Мать? — спросил Джош. — Вы о ней говорили? Дэймон молча кивнул.

— Я рад, — с теплотой в голосе произнес Джош.

Дэймон снова кивнул. Он моргал, тцась думать спокойно и здраво. Вновь и вновь он встряхивал свой рассудок, и вскоре тот отключился начисто.

— Дэймон.

Он поднял голову и проследил за взглядом Джоша. Со стороны зеленой, из-за изгиба внутренней стены, строем повзводно выходили солдаты. Спокойно, равнодушно Дэймон поднялся, отряхнул комбинезон и повернулся к доку спиной, чтобы прикрыть друга собою. Джош тоже встал.

— Похоже, в зеленой уже навели порядок.

— Не о чем беспокоиться, — твердо произнес Дэймон. До сквозного коридора было недалеко, к тому же не только они побрели к выходу из дока.

Дэймон и Джош остановились возле компьютерминала.

— Заслони меня.

Джош послушно загородил собою Дэймона от часовых.

— Надо взглянуть, что это за карточки, сколько денег на счетах, кем были прежние владельцы.

— Одно я знаю, наверняка, — тихо промолвил Джош, — что со станционером меня не спутаешь. Да и твое лицо...

— Кому охота выставлять себя напоказ? А без этого нас не выдашь. Будем надеяться, что никто не пожелает связываться с военными. — Дэймон вставил карточку в паз и нажал несколько клавиш.

«Альтенер Лесли. 789,90 кредиток в компе. Женат. Ребенок. Клерк. Швейное предприятие». Дэймон положил эту карточку в левый карман, решив не пользоваться ею — красть у живых не хотелось. «Ли Энтон Квэйл, холост, служащий «Лукас Компани», благонадежность неполная, 8967,89 кредиток»... Для такого человека капитал просто огромный. «Уильям Тиль, женат, детей нет, бригадир грузчиков, 567,67 кредиток, разрешен проход в складские помещения...»

— Дай-ка твои. — Джош отдал карточки, и Дэймон поспешил воткнуть одну из них в паз, подумав с опаской, не встревожится ли центр управления, получив пять запросов кряду с одного общественного терминала.

«Цецил Сазони, холост, 456,78, механик, иногда грузчик». Немалая привилегия для жителя барака. «Луис Дибан. Пятилетний брачный контракт. Иждивенцев нет. 3421, 56. Грузчик, десятник».

Дэймон спрятал карточки в карман и пошел в глубь яруса. Джош поравнялся с ним через несколько метров. Путь, которым они шли, безошибочно привел их к кладовой уборщиков. Надпись на двери отсутствовала, но Дэймон почти не сомневался, что

именно за ней кладовая.

С помощью карточки десятника он отомкнул замок, вошел и зажег свет. В тесной кладовой работал вентилятор, стоял инвентарь, высились штабеля бумаги и моющих средств.

— В этой норе можно отсидеться. — Запирая дверь и опуская карточку в правый карман, Дэймон подумал, что этот ключ, похоже, самый ценный.

— А здесь безопасно?

Дэймон сунул руку в карман — убедиться, что пистолет на месте, — и глубоко вздохнул.

— Сейчас везде опасно.

Джош выглядел плачевно: измотанный, волосы колтуном, ангельский лик в грязи... Но именно его рефлексы не раз спасали их обоих. Один из них знал станцию как свои пять пальцев, другой обладал навыками бойца. Вдвоем они могли попортить Мациану немало крови.

— Тебе уже приходилось стрелять, — предположил вслух Дэймон. — Не только с корабля, но и в ближнем бою. Помнишь?

— Нет.

— В самом деле?

— Ну сказал же, не помню.

— Я знаю станцию. Каждую дыру, каждый коридор. И если возобновятся полеты на рудники, с помощью этих карточек мы сможем пробраться в доки. Под видом грузчиков пройдем в шаттл и...

— И куда?

— На Нижнюю. Или на орбитальные шахты. Все равно. — Это была мечта. Дэймон придумал ее, чтобы успокоить себя и друга. — А может, Мациан поймет, что ему здесь не удержаться. И улетит сам.

— Прежде чем улететь, он взорвет станцию, а заодно и колонию на Нижней. Зачем ему оставлять униатам готовые базы?

Дэймон и сам это понимал. Он нахмурился.

— У тебя есть идеи получше?

— Нет.

— Предположим, я выйду, договорюсь с Мацианом... Эвакуирую станцию...

— Ты что, серьезно?

— Нет. — Этот вариант тоже был уже обдуман и отвергнут. — Нет...

Вскоре лампы погасли. Но вентилятор гудел по-прежнему.

2

Пелл: центр управления; 21-30 ос; 09-30 дс

— В вашем присутствии больше нет необходимости. — Голос Порей звучал мягко, покрытое шрамами лицо ничего не выражало. — Мистер Лукас, вы исполнили свой гражданский долг и можете возвращаться к себе в квартиру. Мой человек позаботится, чтобы вы добрались благополучно.

Джон неуклюже поднялся, сделал шаг к начальнику компа, чтобы отдать последние распоряжения, и застыл, как вкопанный, услышав характерный скрежет доспехов и увидев нацеленное на него ружье.

— Мистер Лукас, — процедил Порей, — за неподчинение мы расстреливаем на месте.

— Я устал, — с дрожью в голосе произнес Джон. — Я и сам рад уйти, сэр. И мне не нужен эскорт.

Порей махнул рукой. Десантник возле двери проворно шагнул в сторону и замер в ожидании.

Джон вышел, и вскоре непрошенный спутник поравнялся с ним.

Они шагали по разгромленному первому ярусу синей. Повсюду стояли часовые. И царил тишина.

А в доки входили все новые корабли. Мациан подвергал опасности не только себя, но и его, Джона. И Пелл.

А может, Уния разбита? Нет, это почти невероятно. Скорее всего, у Мациана какой-то тайный умысел. Худо, если правление Мациана затянется.

Впереди из лифта вдруг высыпала группа десантников с иными, нежели у спутника Джона, эмблемами на доспехах. Десантники преградили им путь и вручили конвоиру клочок бумаги.

— Идите за нами, — приказал Джону один из них.

— Но капитан Порей... — Конвоир не договорил — ему уперли в живот ружейный ствол, а Джона потащили к лифту. «Европа», — прочитал он на эмблеме. Значит, прилетел сам Мациан.

— Куда мы идем?! — в страхе воскликнул он.

Ответа не последовало.

Впервые в жизни Джон находился на борту боевого корабля. При всей колоссальности «Европы» на ней было не просторнее, чем на фрахтере, и Джон сразу ощутил клаустрофобию. Ружья десантников, направленные ему в спину, нимало не способствовали улучшению самочувствия, тем более что всякий раз, когда он задерживался, например, у поворота или возле лифта, стволы больно вонзались в спину. Вскоре его затошнило от страха.

Надо полагать, солдаты об этом знали. Напрасно он убеждал себя, что Мациан просто-напросто решил познакомиться с новым управляющим станцией и слегка его припугнуть. Но невозможно было избавиться от мысли, что солдаты могут сотворить с Джоном все, что захотят. Он пытался успокоить себя: если бы его хотели убить, то сделали бы это сразу.

Из лифта его выгнали в коридор и мимо цепочки часовых провели в широкую сверх обычного каюту, где стоял пустой круглый стол, усадили в одно из кресел, а сами застыли рядом, прижав ружья к груди.

Вошел Конрад Мациан в темно-синем мундире — осунувшийся, угрюмый. Джон вежливо поднялся, и Мациан царственно позволил ему сесть. Еще несколько человек расселось за столом — все офицеры «Европы», ни одного капитана других кораблей. Взгляд Джона перебегал с одного на другого.

— Врио управляющего станцией, — негромко промолвил Мациан. — Мистер Лукас, что произошло с Анджело Константином?

— Погиб, — ответил Джон, силясь подавить чувство вины. — Мятежники ворвались в станционные офисы, убили Анджело и уничтожили весь его аппарат.

На лице Мациана не шевельнулся ни один мускул. Джон вспотел под его пристальным взглядом.

— Нам кажется, — продолжал он, — это был заговор. Все было тщательно спланировано. Мы ведем следствие.

— И что же вы обнаружили?

— Пока ничего. Но полагаем, что под видом беженцев на станцию проникли агенты Унии. Подозреваем в соучастии охрану «К» и дельцов черного рынка.

— Похоже, вы не слишком усердствуете, мистер Лукас.

У Джона участилось сердцебиение, но он не позволил страху отразиться на лице.

— Капитан, наверное, мне следует извиниться, но у нас было дел невпроворот... Кстати, последнее время мы работали под руководством ваших капитанов — Мэллори и Порей.

— Да, вы неплохо поработали — я имею в виду очистку коридоров от «К». Но ведь они к тому времени и сами утихомирились, не правда ли? Мне кажется, кто-то пропустил их в центр управления.

— Ситуация была критическая, — залепетал Джон, не выдержав пытки молчанием. — Можете

обвинить меня в произволе, но я не видел иной возможности вернуть контроль... Да, я договорился с их депутатом. Не думаю, что он причастен к заговору. Требовался авторитет, способный успокоить... И я не нашел никого другого...

— Мистер Лукас, где ваш сын?

Джон осекся.

— Где ваш сын?

— Снаружи... в шахтах. Я посадил его на ближней рейсовик и велел облететь рудники. Он жив? Вы что-нибудь о нем знаете?

— Зачем вы его отослали, мистер Лукас?

— Если честно, я не хотел, чтобы он оставался на станции.

— Почему?

— Видите ли, пока я работал на Нижней, он поднялся наверх, в административные офисы. За три года моего отсутствия в «Лукас Компани» назрели проблемы, связанные с лояльностью персонала, методами управления и каналами сбыта. Я решил, что недолгое отсутствие Витторни поспособствует их устранению. Кроме того, мне был нужен сведущий человек на шахтах — на тот случай, если с ними оборвется связь. Короче говоря, внутренняя политика. Я действовал ради выгоды и безопасности «Лукас Компани».

— А может быть, ради выгоды и безопасности человека по прозвищу Джессад?

Сердце Джона едва не остановилось. Он медленно покачал головой.

— Не знаю, капитан, о ком вы говорите. Не соблаговолите ли рассказать, откуда у вас такая информация?

Кто-то вошел в каюту. Джон оглянулся. Бран Хэйл поспешил отвести взгляд.

— Мистер Хэйл изъявил нечто вроде желания служить на «Африке», и взамен предложил нам важную информацию. Так вы отрицаете, что знакомы с человеком по кличке Джессад?

— Пускай мистер Хэйл сам рассказывает о своих знакомых. Это поклев.

— А некоего Крессича, депутата от «К», вы знаете?

— Я уже объяснил: мистер Крессич бывал в контрольном центре.

— Как и Джессад?

— Возможно, под видом одного из телохранителей Крессича. Я не выяснял их имена.

Цепенея от ужаса, он смотрел на пистолет.

— Где Джессад? Как он вышел на тебя? Куда исчез?

— Это выдумка Хэйла!

Палец Мациана заметно надавил на курок.

— Мне угрожали! — пискнул Джон. — Угрозами принудили к соучастию! Забрали в заложники члена моей семьи!

— Так вы отдали им сына?

— У меня не было выбора.

— Хэйл, — произнес Мациан, — вы с Лукасом можете пройти в соседнюю каюту. Мы будем вести запись. Поговорите с мистером Лукасом без посторонних, а когда придете к согласию, тащите его сюда.

— Нет! — твердо сказал Джон. — Это ни к чему. Вы получите интересующую вас информацию. Я расскажу все, что знаю.

Мациан махнул рукой, и Хэйл вышел. Чтобы не упасть в обморок, Джон схватился за стол. Охранник рывком поставил его на ноги, а затем вместе с напарником поволок за дверь, в коридор, где стояла вся шайка Хэйла. Джон слабо упирался.

— Он и вас так отблагодарит! — крикнул Джон сидящим за столом офицерам. — Пригрейте эту гадину, а уж она в долгу не останется! Он врет!

Хэйл ухватил его за руку и потащил в открытую дверь соседней каюты.

— Ты спятил! — воскликнул Джон. — Хэйл, ты спятил!

— Ты уже проиграл, — буркнул Хэйл.

3

Торговец «Край Вселенной»: Глубокий Космос;
22-00 ос; 10-00 дс

Мерцание лампочек, шум вентиляторов, иногда — потрескивание кома, принимающего сигналы от других кораблей... Жизнь на Пелле была не более чем сновидением. Вот сейчас окружающие люди повернутся, и Элен увидит родные, знакомые с детства лица...

Ее все еще мутило от наркотика, непривычная тошнота заставила осторожно прижать ладонь к животу. Все в порядке... Наверно, Элен всрилась, что не потеряет ребенка, даже думать об этом себе не позволяла.

Постепенно ее пульс, учатившийся при переходе из кают-компани в рубку, присмирел, а тошнота отступила. Она заметила на скане новое пятно. К точке randevу купцы стягивались на максимальной реально пространственной скорости, спеша отстраниться от места выхода из прыжкового режима. Достаточно какому-нибудь остолопу чуть превысить условленную дальность прыжка, и он не только погибнет сам, но и уничтожит корабль, который окажется у него на пути.

Стая за стаей появлялись купцы в поле скана, и Элен удовлетворенно отметила, что они довольно неплохо держат строй. Несколько кораблей погибло от огня униатской эскадры, но сколько именно, Элен пока не знала.

Еще пять-шесть минут, и опасность столкновения исчезнет...

Опять возникла тошнота. Элен дала себе слово не замечать собственного недомогания и твердо посмотрела на Нейхарта, который усадил за капитанский пульт сына и подошел к ней.

— Есть предложение, — проговорила она. — Дайте мне еще раз выступить по кому. Хватит драпать, капитан. Нас тут тьма тьмушая, верно? И если захотим, мы любому вправим мозги.

— Что у вас на уме?

— Пора остановиться и защитить собственные интересы. По крайней мере, хорошенько подумать, прежде чем броситься врассыпную. Ну скажи, куда мы денемся, когда военные все подгребут под себя?

Она смотрела капитану в глаза. Он молчал.

— Так что, могу я выступить?

Нейхарт ответил далеко не сразу.

— Квин, если дельце не выгорит, против моей лоханки ополчится весь мир. Тогда нам даже на краю Вселенной не спрятаться.

— Я знаю, — хрипло проговорила Элен. — И все-таки прошу.

— Ну, раз так, ком к вашим услугам.

4

Пелл: синяя секция, первый ярус; номер 0475;
24-00 ос; 12-00 дс

— Она спать, — сказала Лили.

Атласка обхватила руками колени. Низовики сумели доставить радость Спящей: она рассмеялась, услышав от Синезуба, что Константин-человек и его друг живы и здоровы.

— Люблю вас, — прошептала Спящая. — Люблю вас всех. — И добавила: — Берегите его.

Затем она улыбнулась и закрыла глаза.

— Солнце-Сияет-Сквозь-Облака, — толкнула Атласка всклокоченного Синезуба.

— Иди обратно, иди и не спускай глаз с молодого Константин-человека. Хиза Верхней мудры, но ты очень быстрый, ты охотник с Нижней. Ты будешь присматривать за ним, приходить и уходить.

Синезуб нерешительно взглянул на Старого и Лили.

— Хорошо, — согласилась Лили. — Сильные руки, хорошо. Ступай.

Синезуб дотронулся до Старых, затем до Атласки и спокойно двинулся сквозь толпу к выходу.

ГЛАВА VI

Нижняя: 10/11/52; местный день

Вездеходы тяжело ползли мимо спущенных куполов и брошенных загонов. Компрессоры молчали, но это молчание было красноречивее любой песни об Иходе. Первая база — первый лагерь цепочки. Усталая колонна елѐ плелась, путники тоскливо взирали на картину опустошения. У Эмилио ныло сердце — в этом лагере, который он строил своими руками, не осталось никого. Он подумал о том, далеко ли успели уйти поселенцы и каково им сейчас.

Внезапно он увидел человека, бредущего назад. Управленец шатался от усталости и наткнулся на встречных, а вслед ему звучали взволнованные голоса. Эмилио подбежал к нему.

— Ком, мистер Константин, — прохрипел управленец. Эмилио бежал по скошенной обочине извилистой, окаймленной деревьями дороги, пока не увидел вездеходы и скучившихся вокруг них людей. Он срезал угол напрямик через заросли, и толпа раздалась, пропуская его к головному вездеходу.

Он забрался в кузов и пополз через гору клад. Джим Эрнст, сидевший возле кома и генератора и прижимающий динамик к уху, повернулся навстречу. Его взгляд не сулил Эмилио ничего, кроме боли.

— Мертв, — сказал Эрнст. — Ваш отец... Бунт на станции.

— А мать и брат?

— Неизвестно. Вообще ничего не известно. Пришла депеша от военных. Флот Мациана требует контакта. Отвечать?

Эмилио судорожно глотнул воздуха.

— Нет, — сказал он. — Не отвечай.

Он посмотрел, на печальные и настороженные лица. На своих сотрудников, на «К», на хиза, стоявших поодаль. Никто не двигался, никто не говорил. Только ветер шуршал в листве и река журчала за дерсьями.

— Теперь они прилетят сюда, — сказал он, с трудом сдерживая дрожь в голосе. — Они хотят, чтобы мы работали на них. Все, что мы вырастим и добудем из-под земли, отнимут и погрузят в трюмы. Плохо, когда наши собственные защитники прилетают сюда и заставляют нас работать под угрозой оружия... Но что будет, когда на смену им придет Уния? В любом случае мы потеряем Пелл. Если хотите, возвращайтесь гнуть спину на Порей или ждать униатов. А я пойду дальше.

— Куда, сэр? — спросил парень, которого когда-то едва не прикончил Хэйл. Эмилио успел позабыть его фамилию. Рядом с ним стояла мать. В голосе звучала только озабоченность.

— В какое-нибудь безопасное место, которое нам покажут хиза. Зароюсь в землю и буду жить. Растить хлеб для себя.

Снова по толпе пробежал шепот. Страх ни на

секунду не отпускал тех, кто не знал Нижнюю. Кто не успел сродниться с планетой, где человек всегда был в меньшинстве.

— Ни один хиза, — напомнил Эмилио, — не причинил человеку вреда. Несмотря на все то, что мы здесь наделали. Несмотря на то, что мы здесь чужие.

Он спрыгнул в глубокую колею, повернулся и помог спуститься Милико. По крайней мере, она останется с ним.

— Мистер Константин!

Он поднял голову. Его окликнула пожилая женщина из кузова вездехода.

— Мистер Константин, я слишком стара, чтобы работать как там, на базе. Пожалуйста, не бросайте меня!

— Мы тоже готовы идти дальше, — раздался мужской голос.

— Кому-то захотелось назад? — спросил бригадир из «К».

В наступившей тишине люди дружно помотали головами. Они попросту устали, подумал Эмилио.

— Топотун! — Он взглянул на ближайшего низовика, стоявшего на обочине. — Мне нужен Топотун.

Топотун показался из-за деревьев и сбегал по склону холма.

— Вы идти, — закричал он, указывая на деревья. — Вы идти теперь.

— Топотун, мы устали, и нам необходимы вещи из вездеходов. По лесу вездеходы не пройдут, и некоторые люди тоже. Среди нас есть больные.

— Мы нести больные, много-много хиза. Мы украсть хорошие вещи у вездеходы. Вы учить мы, хорошо, Константин-человек? Мы украсть для вы. Вы идти.

Эмилио оглянулся на спутников, увидел огорченные, недоверчивые лица. Его окружали хиза, их сородичи постоянно выходили из зарослей, иные даже с детенышами, которых людям доводилось видеть нечасто. Топотун не обманывал, и все это чувствовали, а потому не спорили. Крепкие молодые туземцы, переплетя руки «лесенками», помогли спуститься с вездеходов старым и хворым.

Как ни подгоняли их страх и дурные предчувствия, неподготовленные к долгому переходу колонисты вскоре выбились из сил.

— Надо найти укрытие, — убеждал Эмилио Топотуна, собравшегося вздремнуть. — Топотун, здесь нехорошо. Нас увидят с кораблей.

— Спать теперь. — Топотун свернулся клубочком, и растормошить его, да и кого-либо из его сородичей, было уже невозможно. Эмилио окинул склон беспомощным взглядом. Люди и низовики засыпали там, где побросали поклажу; некоторые завернулись в одеяла, иным не хватило сил даже для этого. Эмилио улегся на одеяло Милико, а свое, нераскатанное, положил в изголовье.

Сквозь листву падали лучи солнца. Эмилио обнял жену, с другого боку к нему привалился Топотун, обхватил рукой за плечи. Эмилио не воспротивился и вскоре погрузился в глубокий живительный сон усталого путника.

— Ты проснись! Ты проснись! — Топотун тряс его, а рядом, обхватив колени руками, сидела Милико. Дымка тумана увлажнила листву, туча над головами предвещала дождь. Было позднее утро.

— Эмилио, по-моему, пора вставать. Похоже, к нам важные гости.

Он повернулся на другой бок, затем поднялся на колени. Вокруг в холодном тумане шевелились люди. Хиза, вышедшие из-за деревьев, были Стары-

ми, время изрядно выбелило их мех. Эмилио насчитал троих.

Он встал и поклонился им. В лесу на Нижней, во владениях хиза, этот жест казался вполне уместным.

Топотун тоже поклонился и запрыгал — он выглядел очень серьезным.

— Не говорить Люди-слова они, — объяснил Топотун. — Говорить, вы идти с мы.

— Мы пойдем, — ответил Эмилио. — Милико, поднимай людей.

Она обошла бивуак и потихоньку разбудила всех. Известие о приходе Старых быстро обожало весь склон.

Старые растаяли среди листвы. Топотун подождал, пока люди соберутся, и повел колонну дальше. Закинув на плечо скатанное одеяло жены, Эмилио пошел в хвосте. Стоило кому-нибудь из людей захромать или застрять в мокрых зарослях, хиза (даже те, кто не понимал человеческой речи) спешили на помощь. А следом за ними шли сородичи — «воры», несущие надувной купол, компрессор, генератор, человеческую еду и все остальное, что смогли «украсть» с вездехода и чему, наверное, даже названия не знали, — словно коричневая орда лесных насекомых-чистильщиков.

Минувал день, опустилась ночь, и часть ее они провели на ногах, отдыхая, когда старики и дети выбивались из сил. Хиза вели людей так заботливо, что никто не отстал, а на привалах согревали своими телами.

Но вдруг в вышине пророкотал гром, не предвещающий дождя...

— Садятся! — пронеслось по колонне. Хиза ни о чем не спрашивали людей: их тонкий слух гораздо раньше уловил гул корабельных двигателей.

Наверное, это возвращается Порей. Скоро флотские увидят разоренную базу и пошлют на станцию гневное донесение. Потом просканируют местность, проанализируют информацию, отправят командующему свои выводы и дождутся его приказа. На все это потребуются время, а время играет на руку беглецам.

Привал — переход, привал — переход... Неожиданно лес оборвался на гребне холма, впереди простерлась голая равнина. Хиза шли дальше, спустились по склону на равнину, и Эмилио с изумлением понял, что перед ним — угожья, не тронутые людьми по настоящему низовиков, заповедный край...

Они уже шли по равнине, еле переставляя ноги, шли к трудноразличимому вдалеке каменному останцу, торчащему из неровного бурого круга. Не только хиза сидели в том кругу, но и люди, которые поднялись и двинулись навстречу Эмилио и Милико, когда те подошли поближе. Была среди них начальница второй базы Ито со своими рабочими и управленцами, был Джонс с первой базы и его люди. Джонс, такой же растерянный, как и все остальные, первым протянул руку Эмилио.

— Хиза велели нам перебраться сюда, — сообщила Ито. — Сказали, что вы тоже придете.

— Станция пала, — произнес Эмилио, и эта весть всколыхнула живой круг от края до края. Вновь прибывших вели к центру; особо настойчиво низовики тянули за собой Эмилио и Милико. — Нам не осталось ничего другого, Ито. У власти пока Мациан, а кто будет на следующей неделе, я не знаю.

Ито, Джонс и их подчиненные отстали. Возле скалы собралось великое множество людей, сотни и сотни глаз угрюмо и тревожно смотрели на Эмилио и Милико. Эмилио узнал начальника рудников Дикона, Макдональда с третьей базы, Геберта и Тауша с четвертой... Его со всех сторон обступили

хиза. Вскоре Эмилио увидел, что это никакая не скала, а целая скульптурная группа, скопление образов, приземистых и высоких, плоских и шарообразных. Многоликие головы, рты, раскрытые будто от изумления, и огромные выпученные глаза, навсегда обращенные к небу.

— Вы приходите, — известил их голос Топотуна. Низовик взял Эмилио за руку и повел к подножию каменного изваяния.

Там сидели Старые — самые древние хиза с посеребренным мехом на головах и плечах. Вокруг них из земли торчали увешанные бусами палки с резными ликами. Эмилио заколебался, но Топотун решительно потащил его в круг и потребовал:

— Садитесь.

Эмилио отвесил поклон, Милико последовала его примеру, затем оба уселись по-турецки перед четырьмя старейшинами.

Опираясь на руку, один из Старых наклонился вперед и коснулся Милико, а затем Эмилио. Словно благословлял.

— Вы хорошо прийти здесь, — заговорил (очевидно, переводя) Топотун. — Вы тепло прийти здесь.

— Топотун, скажи, что мы очень благодарны. Спасибо, много-много спасибо. Скажи, что здесь опасно. Беда с Верхней. Глаза Верхней смотрят вниз, на это место. Сюда могут спуститься люди-ружья и сделать плохо.

Топотун перевел, Старые выслушали с прежней невозмутимостью в очах. Один ответил:

— Корабль прилетит Верхняя здесь мы, — перевел Топотун. — Прилететь, увидеть, улететь.

— Тут опасно! Пожалуйста, объясни им!

Заговорил второй старейшина, в его щебете прозвучали два человеческих имени: Беннет и Лукас.

— Беннет, — подхватили ближайшие низовики. — Беннет. Беннет. Беннет. — Слово, будто ветер, прошелестело по всему кругу.

— Мы красть еда, — сказал Топотун. — Мы учиться красть еда. Мы красть вы, делать вы безопасно.

— Ружья, — возразила Милико. — Ружья, Топотун.

— Вы безопасно. — Топотун помолчал, прислушиваясь к речи Старого. — Делать вы имя. Ты имя Он-Приходить-Снова, ты имя Она-Давать-Руки. То-хи-ми. Михан-тизар. Ты дух хорошо. Ты безопасно приходите здесь. Любить ты. Беннет-человек, он учить мы спать видеть человек сны.

Не найдя с ответом, Эмилио посмотрел на огромные круглоглазые изваяния и на миг поверил, что обещание Старых может сбыться, что перед этими образами, вызывающими благоговейный трепет, никакой изверг не отважится пролить чужую кровь.

Старые затаили молитву; постепенно ее подхватили все низовики. Коричневые фигуры закачались, входя в ритм.

Поежившись, Эмилио обнял Милико за талию. Туземный хор напоминал звон бронзового колокольчика, а порой казалось, что такое можно услышать только внутри колокола величиною с весь сумеречный небосвод. И от этих звуков цепенел человеческий разум...

А утром прилетел разведчик.

Никто из десятков тысяч хиза не проявил страха. Без паники встретили прибытие корабля и люди, сидевшие среди низовиков.

Разведчик опустилса на порядочном расстоянии, не найдя ровной площадки поближе.

— Я должен поговорить с ними, — сказал Эмилио Старым через Топотуна.

— Нет говорить, — ответил Старейший. — Ждать. Спать.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец вдали раздался вой громкоговорителя.

— Здесь есть люди, — прогреготал через равнину металлический голос. — Мы с рейдероносца «Африка». Не соблаговолит ли ваш начальник выйти к нам и назвать свою фамилию?

— Не надо! — с мольбой сказала Милико мужу, когда он зашевелился. — Они могут выстрелить.

— Они выстрелят, если я не выйду. Прямо в толпу. Нам с ними не справиться.

— Эмилио Константин здесь? У меня для него новости.

— Знаем мы ваши новости, — пробормотал Эмилио и не позволил жене встать. — Милико, у меня к тебе просьба...

— Нет.

— Пожалуйста. Я должен идти, им нужно, чтобы снова заработала база. Я хочу оставить здесь тех, кому у Порья не поздоровится. Им нужен кто-нибудь из начальства.

— Это всего лишь предлог.

— Нет. И да. Оставайся за меня. Начни войну, если придется. Защити хиза, научи их сопротивляться и не пускать чужих на свою землю. Кому, кроме тебя, я могу это поручить? Кто еще знает низовиков так, как мы с тобой? — Он печально покачал головой, глядя в темные очи. — Воевать можно по-разному. Например, так, как это делают хиза. Я надеюсь вернуться — Флоту, наверное, в самом деле нужна только база. Неужели ты думаешь, что я хочу тебя бросить? Но кто, если не мы, спасет Нижнюю? Прошу тебя, останься.

— Я тебя понимаю. — Они встали и обнялись; Эмилио боялся, что не сможет расстаться с ней. Но Милико отпустила его, а он, прежде чем отойти, достал из кармана и отдал ей пистолет. Снова завывла сирена, громкоговоритель повторил обращение.

— Персонал! — позвал Эмилио. — Отзовись! Нужны добровольцы.

Донеслись отклики. Отовсюду к Эмилио пробирались управленцы и техи со всех баз. Уходили минуты, но солдаты, приблизившиеся на расстояние в несколько десятков метров, ждали — они заметили движение в толпе, но не проявили нервозности. У них были время и сила.

Эмилио велел своим людям подойти к нему поближе и повернуться к десантникам спинами: возможно, у флотских были скопы. Хиза, заметившие вокруг, не сводили с них круглых любопытных глаз.

— Им нужны рабочие, — тихо объяснил Эмилио. — Крепкие руки, чтобы побыстрее ликвидировать последствия саботажа и собрать припасы по списку. Думаю, достаточно восстановить главную базу — от остальных Мациану мало толку. Нужны самые рослые и сильные мужчины, способные выдержать издевательства и полевые работы... и прочее, не знаю, с чем еще они столкнутся. Может, с насильственной вербовкой. Надо набрать человек по шестьдесят от каждой базы.

— А вы пойдете?

Он кивнул, затем едва заметно кивнули все сотрудники, начиная с Джонса.

— Я тоже пойду, — вызвалась Ито.

Эмилио отрицательно покачал головой.

— Нет. Женщины остаются здесь, под началом у Милико.

Сотрудники торопливо разошлись.

— Константин! — вновь прозвучал металлический голос.

Эмилио бросил взгляд поверх голов на корабль и фигуры латников и подумал, что они наверняка

следят за ним через скоп.

— Константин, у нас кончается терпение.

Он еще раз поцеловал Милико, услышал, как Топотун неподалеку персводит кому-то тираду Старого, и направился к десантникам. Сквозь толпу следом за ним потянулись добровольцы: не только управленцы и техи, но и простые рабочие из «К», их было не меньше, чем резидентов. На краю толпы Эмилио заметил, что к нему спешит большая ватага самых рослых самцов хиза во главе с Топотуном.

— Вам идти не надо, — сказал Эмилио.

— Друг, — произнес Топотун. Люди из «К» промолчали, но и не изъявили желания повернуть назад.

— Спасибо, — улыбнулся Эмилио.

Отсюда они были видны десантникам как на ладони. Эмилио тоже мог хорошо разглядеть солдат, даже буквы на их эмблемах: «Африка». Действительно, это были люди Пороя.

— Константин, — сказал офицер в микрофон, — кто организовал саботаж на базе?

— Я распорядился об эвакуации, — прокричал в ответ Эмилио. — Откуда мне было знать, что прилетите вы, а не униаты? Базу нетрудно восстановить, все снятые с машин детали — у нас. Насколько я понимаю, вам нужно, чтобы мы вернулись?

— Константин, что это за место?

— Капищё. Вы найдете его на карте — это запоедная зона. Я собрал бригады, мы готовы вернуться и наладить машины. Но все больные останутся здесь, с хиза. Пока угроза оккупации Нижней не исчезнет окончательно, будет действовать только главная база. Остальные были экспериментальными и не производили ничего пригодного для вас. Моего отряда вполне достаточно для обслуживания главного лагеря.

— Вы снова выдвигаете условия, Константин.

— Отвезите нас на главную базу и подготовьте списки нужного вам продовольствия. Я позабочусь, чтобы вы получили все быстро и без суесть. Так будут соблюдены и наши, и ваши интересы. Туземные рабочие предлагают содействие. Повторяю, вы получите все, что хотите.

Наступило молчание. Некоторое время никто не шевелился.

— Мистер Константин, недостающие детали у вас с собой?

Эмилио повернулся и махнул рукой. Один из его помощников, Хейнс, вместе с четырьмя техами бросился в толпу.

— Мистер Константин, если вы что-нибудь потеряли, не ждите от нас снисхождения.

Эмилио не шелохнулся и не сказал ни слова — его подчиненные слышали угрозу офицера, и этого было достаточно.

— Мистер Константин, ваш отец убит, брат, по всей видимости, тоже, а мать находится на изолированном участке под усиленной охраной. Капитан Мациан выражает свои соболезнования.

Кровь прилила к лицу, с языка готовы были сорваться гневные слова, но Эмилио взял себя в руки. Неподвижный, как скала, он ждал возвращения Хейнса.

— Мистер Константин, вы слышите меня?

— Передайте мои поздравления, — выкрикнул он, — капитанам Мациану и Порюю.

Снова — тишина. Ожидание. Наконец, нагруженные деталями, возвратились Хейнс и его четверка.

— Топотун, — тихо произнес Эмилио, — ты бы с друзьями шел на базу пешком, а? Люди полетят на корабле, а хиза нельзя. Люди-ружья, понимаешь? Вы сможете дойти?

Топотун подпрыгнул.

— Мы идти быстро.

— Мистер Константин! Идите к нам.

Он спокойно и неторопливо двинулся вперед, десантники расступились и с ружьями наперевес, как конвоиры, пошли пообочь. И от шепота до гула, до рева, сотрясающего небосклон, словно ветер, поднялась над толпой молитва.

Эмилио оглянулся, боясь паники среди солдат. Застывшие истуканами, вооруженные до зубов, в эту минуту они не могли не усомниться в своей неуязвимости и силе.

Песнь звучала все громче, словно разбуженная стихия. Тысячи тел покачивались в такт молитве, как ночью после беседы Эмилио со Старыми.

— Он-Приходить-Снова... Он-Приходить-Снова...

Эти звуки прорывались даже в шлюз корабля, где толпилось больше солдат, чем внизу, на земле. Эти звуки, думал Эмилио, потрясут даже Верхнюю... ибо известие о том, что происходит на планете, вряд ли придется по душе новым властителям станции. Под эти звуки человек, потерявший отца, брата и только что простившийся с женой, без страха шел к захватчикам. С пустыми руками. Как хиза.

КНИГА ПЯТАЯ

ГЛАВА I

Пелл: снпий док: борт КЗК-1 «Европа»; 11/29/52

Сигни откинулась на спинку кресла, положила ноги на соседнее и на мгновение сомкнула веки. В совещательной каюте флагмана появились Том Эджер с Эдо Пореем и приблизились к круглому столу. Сигни открыла глаз, затем второй. Порей потянул кресло из-под ее ног, она неохотно уступила, облокотившись на стол и глядя в стену. Говорить не хотелось.

Вошел и сел Кеу, чуть позже — Мика Крешов; он расположился между Сигни и Пореем. «Тихий океан» Сунга все еще патрулировал вместе с рейдерами, собранными ему в помощь со всего Флота; рейдеры поочередно заходили в доки за свежими экипажами; одни лишь измученные капитаны несли вахту бесменно. Сколько бы ни продлилась осада, Флот не снимет боевого охранения.

Об униатской эскадре не было никаких вестей, но никто не сомневался, что она где-то поблизости. На краю системы Пелла маячил фрахтер «Молот»; флот знал доподлинно, что он никакой не купец. С его борта в эфир шла пропаганда. Захватить или уничтожить его не позволяло расстояние: едва ли дальнерейсовик станет дожидаться, когда боевые корабли противника подойдут к нему на выстрел.

Где-то в пространстве блуждал еще один лжескупец — «Лебяжье око». И третий — неизвестный. Призрак, который появлялся в поле дальнего скана и сразу уплывал из него. Возможно, это был вовсе не фрахтер, а боевой корабль Унии, и не один. В системе Пелла осталось немало купцов-ближнерейсовиков. их отчаянно смелые семьи занимались своим привычным делом: снабжали шахты и базы, стараясь не думать об уходе дальнерейсовиков, об униатской эскадре, витающей за краем системы, о зловещих пятнышках на сканах. О безнадежности, воцарившейся на Пелле.

Так поступала и станция, пытаясь сохранить порядок в отдельных секциях, где стояли часовые и разгуливали десантники-отпускники. Командованию Флота приходилось выдавать солдатам и матросам увольнительные: нельзя было целыми месяцами держать людей в доках или тесных спартанских кубриках рейдероносцев, когда в двух шагах от них вся роскошь Пелла. Но это порождало проблемы.

Вошел Мацян — как всегда подтянутый и безукоризненно опрятный. Сел, разложил перед собой на столе бумаги и скользнул взглядом по лицам. Дольше всего его взгляд задержался на Сигни.

— Капитан Мэллори, будет лучше, если вы отпортуете первой.

Сигни потянулась к своей папке и встала, чего от нее не требовалось.

— Одиннадцатого двадцать восьмого пятьдесят второго в двадцать три четырнадцать я вместе с майором Дисином Янцем и двадцатью вооруженными десантниками из вверенного мне подразделения отправилась на проверку сигнала, поступившего в наш офис. Войдя в квартиру номер ноль восемь семьдесят восемь — резидентскую квартиру на территории для ограниченного круга лиц — я обнаружила там лейтенанта десантных войск Бенджамена Гофорта, сержанта Байлу Майсос — оба с «Европы» — и еще четырнадцать солдат, расположившихся в четырех комнатах этой квартиры. Мы сразу обнаружили наркотики и спиртное. Солдаты и офицеры устно протестовали против нашего вмешательства, а рядовые Мила Иртон и Томас Ценсия были интоксцированы до такой степени, что не могли отличить нижних чинов от офицеров. Я приказала обыскать помещения. В результате были обнаружены четверо гражданских: мужчина двадцати четырех лет, мужчина тридцати одного года, мужчина двадцати девяти лет и женщина девятнадцати лет, все раздетые и со следами ожогов и иных увечий на теле. Все они содержались в одной комнате под замком. В другой комнате хранились ящики со спиртными напитками и медицинскими препаратами, судя по ярлыкам, изъятыми из стационарной аптеки, а также две коробки: одна — со ста тридцатью единицами драгоценных украшений, а другая — со ста пятьюдесятью восемью комплектами гражданских документов, то есть удостоверений личности и кредитных карточек на имена граждан Пелла. Кроме того, мы обнаружили рукописный перечень драгоценностей и список с фамилиями пятидесяти двух наших военнослужащих с цифрой, обозначающей сумму против каждой фамилии.

Оба эти документа я прилагаю к рапорту. Все найденное я предъявила лейтенанту Гофорту и потребовала объяснений, на что услышала буквально следующее: «Если хочешь войти в долю, то незачем поднимать шум. Сколько тебя устроит?» Мои слова: «Мистер Гофорт, вы и ваши сообщники арестованы. Мы ведем видеозапись, и на военном суде она будет иметь силу документа». Лейтенант Гофорт: «Сволочь! Сука проклятая! Старая шлюха! Сколько ты хочешь?» На этом я прекратила дискуссию с лейтенантом Гофортом и выстрелила ему в живот. Пленка покажет вам, господа, что его сообщники в тот же момент успокоились. Мои подчиненные без дальнейших эксцессов обезоружили их и препроводили на рейдероносец «Европа», где сейчас они находятся под стражей. Лейтенант Гофорт скончался на месте, успев сделать подробное признание, запись которого также прилагается к рапорту. Обнаруженные при обыске вещи я приказала доставить на борт «Европы», а гражданских — отпустить после ускоренного опознания и предупреждения об аресте за несохранение инцидента в тайне. Полностью очищенную квартиру я возвратила в стационарный реестр. Это все.

Она придвинула к Мациану папку с рапортом и приложениями. Мацян хмурился.

— По вашему мнению, лейтенант Гофорт находился в состоянии интоксикации?

— По моему убеждению, сэр, он лыка не вязал.

Мацян легким движением руки позволил ей сесть. Сигни не замедлила воспользоваться разре-

шением и с ухмылкой откинулась на спинку кресла.

— При аресте он отказался подчиниться не только майору десантных войск, но и капитану Флота. Он нанес мне публичное оскорбление. Я тоже действовала при свидетелях.

Мацян медленно кивнул.

— Я ценю лейтенанта Гофорта. На Флоте, капитан Мэллори, существует традиция не требовать от десантных подразделений такой же суровой дисциплины, как от экипажей. Ваша... экзекуция, капитан Мэллори, возлагает на плечи остальных капитанов тяжелое бремя.

Капитаны заворчали. Мацян нахмурился еще больше.

— Я понимаю, вы попали в необычную ситуацию и, вероятно, не видели иного выхода. Но я обязан заметить, капитан Мэллори, что ваша версия инцидента не единственная. На моральное состояние Флота весьма негативно действует тот факт, что среди задержанных, а также в найденном вами у Гофорта списке, нет ни одного человека из команды «Норвегии». Я вынужден предположить, что сигнал поступил к вам не случайно.

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Вы превысили свои полномочия. Внутренняя охрана — прерогатива капитана Кеу. Почему вы не поставили его в известность о готовящемся рейде?

— Потому что здесь замешаны солдаты с «Индии». — Сигни без робости посмотрела в угрюмое лицо Кеу, в лица остальных, и вновь повернула голову к Мациану. — Да и вряд ли можно назвать рейдом рутинную проверку.

— А почему ваши десантники не попали в сети?

— Они непричастны, сэр.

На мгновение повисла тяжелая тишина.

— Из этого следует, что вы образец добродетели, не правда ли?

Она наклонилась вперед, положив руки на стол, и холодно посмотрела Мациану в глаза.

— Я не позволяю своим солдатам ночевать на станции. Никто из личного состава «Норвегии» не имеет отношения к черному рынку. Раз уж я вынуждена отчитываться, позвольте напомнить, что я изначально не одобряла отпусков целым подразделениям, и мне бы очень хотелось, чтобы вы пересмотрели это решение.

Мацян помолчал, багровея от гнева и ритмично раздувая ноздри. Наконец произнес:

— Мэллори, вас давно считают тираном с кровавыми руками, и вы это знаете.

— Такое прозвище меня не огорчает.

— На Эриду вы застрелили несколько собственных солдат. Приказали одному подразделению открыть огонь по другому.

— У «Норвегии» свой кодекс чести.

Мацян с присвистом вздохнул.

— У других кораблей тоже есть кодекс чести, капитан. Ваша политика, возможно, весьма устраивает «Норвегию», но не следует забывать, что сейчас вы играете в команде. Недавний рецидив партизанщины доказал это: мы потеряли два корабля. А ваш корабль демонстративно обособляется, вы со своими десантниками самовольно устраиваете рейд для пресечения деятельности — согласен, незаконной — после чего муссируются слухи, что в том списке была еще одна страница... Как вам это нравится? Вы понимаете, что эти слухи опасны для нашего морального состояния?

— Понимаю, сэр, и сожалею. Второй страницы не существовало. И меня возмущают домыслы о личных мотивах солдат.

— Мэллори, самое опасное для нас не пустяковый черный рынок, который был, есть и будет. Опасно, когда отдельные капитаны и экипажи считают себя

вправе действовать так, как им кажется правильным, и соперничать с другими капитанами и экипажами. Я не могу вам этого позволить, пока вы под моим началом. На Флоте только один командующий. Или вы намерены создать оппозиционную партию?

— Я подчиняюсь командующему, — пробормотала Сигни. Гордость Мациана... ох, уж эта сверхчувствительная гордость.

— Итак, возникла проблема морали, — продолжал Мациан, — и несправедливо винить за это одну «Норвегию». Простите меня, Мэллори, я признаю, что в немалой степени вы правы, но ситуация сложная. Уния готовит новый удар, и это известно не только нам, но и нашим солдатам. Рассчитывают, мы так и проторчим здесь, надеясь на лучшее, а они тем временем соберутся с силами. Это рискованная игра, но они ведут ее грамотно, и у них больше шансов на победу, чем у нас. Они знают, как остро мы нуждаемся в отдыхе и убежище... Все это отвратительно действует на десантников, но что мы можем поделать? Я предлагаю сделать так, чтобы наши грешники вспомнили вкус опасности, поняли, что нельзя слишком расслабляться. Мы отправим их за припасами, которых так недостает Пеллу. Ближнерейсовики сторонятся нас, но далеко им не убежать... а на шахтах есть запасы продовольствия. Короче говоря, мы высылаем на патрулирование второй рейдероносец.

— После того что случилось с «Северным полюсом»... — негромко начал Крешов.

— Мы сделали из этого выводы. Рейдероносец не отойдет слишком далеко от базы, а все остальные корабли будут следить за ним со станции и в случае чего выйдут на помощь. Можно рассчитать очень удобный курс — корабль всегда будет у нас на виду. Крешов, у вас потрясающее чувство опасности. Добудьте нам продовольствие, а если понадобится, преподайте колонистам несколько уроков. Небольшая взбучка гражданским очень благотворно повлияет на боевой дух солдат.

Сигни еще раз куснула губу и подалась вперед.

— Я готова взять это на себя. Пускай Крешов отдохнет.

— Нет! — Мациан поспешил вскинуть руку в жесте миротворца. — На патрулирование выйдет «Атлантика». Она же восстановит снабжение станции. Мика, разрешаю мобилизовать несколько рейсовиков. Взорвите один, если потребуются, — короче говоря, действуйте по обстановке. А убытки запишите на счет Компании.

Капитаны рассмеялись, только Сигни сохранила на лице кислую мину.

— Капитан Мэллори, — произнес Мациан, — похоже, вы недовольны.

— Расстрелы портят мне настроение, — цинично ответила она. — Пиратство — тоже.

— Опять политические дебаты?

— Прежде чем начинать столь масштабную операцию, неплохо было бы подумать о мобилизации ближнерейсовиков без стрельбы. Ведь они стояли вместе с нами против Унии.

— Им некуда было деться, Мэллори. Ощущаете разницу?

— Да, но не следует забывать, что кое-кто из них давно с нами. К таким нужен иной подход.

Мациан был не в настроении выслушивать доводы Сигни, во всяком случае, сегодня. Он снова густо покраснел, глаза потемнели.

— Мой старый товарищ, позвольте все-таки мне командовать Флотом.

Сигни кивнула и постаралась избавиться от недовольного выражения на лице. Перечить Мациану было рискованно.

— Я бы хотел заметить, — пробасил Порей, — что вопреки расчетам Мэллори на помощь местных властей у нас возникла проблема. На Нижней Эмилио Константин взялся за ум и добился подчинения от своих рабочих. Они дают нам все необходимое, и за это мы их не трогаем. Константин прекрасно осознает свою необходимость и выживает. Да-да, выживает. Так вот, насчет ближнерейсовиков: если мы втянем их в станционную смуту, то получим других потенциальных Константинов. Только эти будут жить бок о бок с нами, возле наших кораблей.

— Вряд ли они осмелятся подвергнуть опасности Пелл, — возразил Кеу.

— А вдруг среди них униат? Мы точно знаем, что униаты маскируются под торговцев.

— Это стоит обсудить, — кивнул Мациан. — Я подумаю... Мэллори, вот вам еще одна причина, по которой я не решаюсь мобилизовать ближнерейсовики силой. Однако продовольствие на исходе, и отнюдь не все колонии готовы поделиться с нами.

— Так давайте покажем, что их ждет, — сказал Крешов. — Расстреляем паршивца. Все равно рано или поздно нам придется это сделать.

— Ну, сейчас-то, — неторопливо произнес Порей, — Константин и его команда вкалывают по восемнадцать часов в сутки, и перебоев с поставками не бывает. Своими методами мы бы этого не добились. Мациан кивнул.

— Константин — проблема пустяковая. Есть более серьезные причины для беспокойства, и это второй вопрос на повестке дня. Я бы хотел, чтобы вы сосредоточились на поиске станционных мятежников и проверке подозрительных беженцев.

У Сигни запылали щеки, но голос остался бесстрастным.

— Мы очень скоро введем в действие новую пропускную систему и новые замки. Мистер Лукас оказывает содействие. На сегодняшнее утро четырнадцать тысяч девятьсот сорок семь человек идентифицированы и обеспечены новыми документами. На некоторых дверях замки теперь реагируют только на голбса. К сожалению, мы не можем снабдить такими замками все двери, иначе проблема безопасности уже не стояла бы на первом месте.

— А где гарантия, что вы не выдали новую карточку Джессаду?

— Нет причин беспокоиться. У нас есть словесный портрет Джессада и фотоснимки его сообщников. Через неделю, максимум через две я устрою последнюю облаву.

Мациан кивнул.

— Займемся, как только ремонтники устранят повреждения. А как насчет безопасности персонала?

— Единственная проблема — присутствие низовиков в четвертом номере первого яруса синей. Вдова Константина, сестра Лукаса, неизлечимо больна, и низовики изо всех сил стараются ее защитить.

— Упущение, — сказал Мациан.

— Я связана с ней напрямую по кому. Она активно сотрудничает с нами, рассылая низовиков всюду, где они требуются. Сейчас она полезна, как и ее брат.

— Хорошо, оставляем ее в покое, — решил Мациан. — На тех же условиях, что и брата.

Сложнее всего дело обстоит с перевозкой запасов на станцию. Надежды на возвращение дальнерейсовиков рассеялись как дым. Семь рейдероносцев удерживали станцию и планету, но грузоперевозками в системе Пелла занимались только ближнерейсовики, а это означало, что запчасти к машинам Флоту добыть неоткуда и в конце концов придется «раздеть» эти самые ближнерейсовики.

Флот попал в осаду и без вольных торговцев, которые даже в самые жестокие периоды Войны ухитрялись возить грузы через Черту, не мог рассчитывать на возрождение Тыловых Звезд. У Флота остался только Пелл, а самой ближайшей обитаемой станцией была Солнечная.

В голову Сигни снова полезли неспрошенные мысли. Время от времени она поднимала глаза то на Мациана, то на худое, озабоченное лицо Тома Эджера, чья «Австралия» чаще всех остальных рейдероносцев действовала в паре с «Европой». Среди капитанов Эджер был вторым по старшинству, а она, Сигни, — третьим. Но между вторым и третьим лежала громадная пропасть. Эджер никогда не выступал на военном совете, он предпочитал разговаривать с Мацианом с глазу на глаз. «Власть у подножия трона — вот что это такое, — угрожающе размышляла Сигни. — Если здесь, в этом зале, и есть человек, знающий, что у Мациана на уме, то это Эджер. И еще — я».

Сигни не мучилась бессонницей из-за подобных мыслей, не собиралась мучиться и впредь. Все больше она убеждалась, что операции Флота на Пелле — одна видимость, что Мациан делает именно то, на чем она настаивала. Пелл «укрепляется» на глазах у противника, десантные части, да и экипажи, не разлагаются от безделья, однако не это главное, а то, что происходит с Нижней, шахтами и ближнерейсовиками. Реквизируются, как и предлагала Сигни, припасы, проверяется станционный персонал, изолируются подозрительные лица, устраиваются все те, кто способен облегчить униатам захват Пелла. Вот только здесь нет купцов, которые помогли бы — против своей воли, конечно, — при эвакуации, и ни один рейдероносец не возьмет на борт беженцев. Ни при каких обстоятельствах. На нем просто-напросто нет места. Неудивительно, что Мациан предпочитает действовать, держа язык за зубами. Сценарий ясен. Новые замки на дверях, настроенные на голоса военных, значат, что станционный комп будет взорван. Нижнюю ввергнут в хаос — для этого достаточно ликвидировать человека, на котором там все держится, и перестрелять людей и низовиков, опрометчиво собравшихся в одном месте. После этого низовики никогда не согласятся работать на людей.

«Подонки! — мысленно пригвоздила она Мациана, сверкнув в его сторону глазами из-под насупленных бровей. — Как это типично для тебя: опережать противника на несколько ходов и замышлять немислимое. Ты всегда был лучшим из лучших».

Внимая его сухим и четким распоряжениям насчет составления перечня всего необходимого, она вдруг улыбнулась и с удовлетворением увидела, как великий Мациан на секунду сбился с мысли. Но он тотчас сосредоточился и продолжал, то и дело поглядывая на Сигни: поначалу недоуменно, затем все дружелюбней. Теперь он тоже понимал: их трое.

— Буду откровенна с вами, — обратилась она к плотной толпе мужчин и женщин, сидевших на корточках и стоявших в экипировочном отсеке на нижней палубе, единственном помещении на рейдероносце, где могло собраться большинство десантников. — Нами недовольны. Самому Мациану не нравится, как я командую этим кораблем. Никого из вас нет в списке продажных военных. Никто из вас не связан со спекулянтами. Похоже, остальные экипажи разочарованы. Ходят слухи о фальсификации списка, о тщательно спланированной акции для устранения наших конкурентов на черном рынке... Спокойно! Так вот, по приказу командующего вы

будете ходить в увольнения по тому же графику и на тех же условиях, что и десантники с других кораблей. Как бы вас ни провоцировали, какие бы слухи до вас ни доходили, сохраняйте спокойствие. Вероятно, кто-то из вас сейчас испытывает слишком сильные чувства, и в этом моя вина. Вероятно... Ладно, оставим эту тему. Вопросы?

Наступила мертвая тишина. Никто не шевелился.

— Можете сообщить эти новости заступающей вахте — самой мне, наверное, будет некогда. Приношу личные извинения за то, что действия моих подчиненных были расценены как пристрастные. Все свободны.

По-прежнему никто не двигался. Сигни повернулась на каблуках и отошла к лифту. Возле двери она застыла как вкопанная, услышав шепот за спиной:

— Шлюзовать их!

— «Норвегия»! — закричал другой десантник.

— Сигни! — воскликнул третий.

Через секунду по всему кораблю помчалось оглушительное эхо.

Она удовлетворенно вздохнула и спокойно шагнула в кабину лифта. Да, в шлюз их! Даже Конрада Мациана, если он возомнил, что сможет подмять под себя «Норвегию». Сигни не случайно начала с солдат. Обращаясь к десанникам, она взвешивала каждое слово и заранее знала, каков будет эффект. «Норвегия» подчинится приказам Мациана. Но на ее борту командует только капитан Мэллори.

ГЛАВА II

1

Пелл: зеленая секция, девятый ярус; 1/6/53

Снова к нему подошел низовик — одно из маленьких коричневых существ, довольно нечасто встречающихся на девятом ярусе. Джош остановился. Низовик склонился и, морща нос, всмотрелся в его лицо.

— Константин-человек хорошо?

— Хорошо.

Низовика звали Синезуб, и он почти в открытую ходил по пятам за Джошем, время от времени передавая весточки от Алисии Лукас-Константин, матери Дэймона.

— Мы нашли надежное место; — добавил Джош.

— Дэймон в безопасности, так что все хорошо.

Мохнатая сильная рука нашла ладонь Джоша и втиснула в нее какой-то предмет.

— Ты отдать Константин-человек? Она дать, сказать — надо.

Внезапно низовик исчез среди прохожих. Джош выпрямился, противясь соблазну оглядеться по сторонам и посмотреть на металлическую вещицу в его руке. Пройдя по коридору шагов сорок, он-таки решился. Вещица оказалась брошью, металл походил на чистое золото. Золото — не просто украшение, это валюта, за которую можно купить человеческую жизнь. С каждым днем все труднее прятать Дэймона... Его мать — умнейшая женщина, каждый низовик, слоняющийся по коридорам, — ее глаза и уши, она знает, в каком отчаянном положении Дэймон и Джош. Снова и снова она предлагает им убежище, но они отказываются, поскольку ее сын больше всего на свете боится обыска в эксплуатационной зоне.

Вокруг них затягивалась петля. Площадь коридоров, незанятых военными, с каждым днем сокращалась. Вновь и вновь без звука, одним лишь миганием лампочки комп собирал десантников в каком-нибудь отсеке, и они отправлялись на поиски

нарушителя паспортного режима, по пути останавливая и обыскивая всех подряд. Эта тактика внезапных набегов держала население в постоянном страхе, вынуждая станционеров подозревать друг друга, а значит, как нельзя лучше служить целям Мациана.

Но еще она давала хлеб Дэймону и Джошу, которые на черном рынке считались специалистами по проверке надежности краденых карточек. Ирония судьбы: Мациан, во всем того не желая, обеспечивал их пищей и кровом, а главное — самой прибыльной работой для черного рынка.

Сейчас в кармане у Джоша лежала плотная пачка карточек, а в голове он держал их цены, которые разнились в зависимости от степени надежности и величины кредита. Впрочем, потратить деньги прежних владельцев карточек теперь удавалось все реже: родственники погибших быстро набирались ума-разума и обращались к станционному компу, а тот послушно менял коды доступа к банковским счетам. Так утверждали слухи, и Дэймон склонен был им верить. С каждым днем оставалось все меньше надежных документов, поэтому Джош отобрал для себя несколько самых безопасных карточек и кодовых номеров. Спрос на них быстро падал, цена держалась только на карточки одиноких людей и независимые счета.

Многое говорило о близких переменах... Возможно, Джош стал излишне подозрителен, однако в коридорах на всех ярусах зеленой прежде не бывало столько людей. Что-то подсказывало Джошу, что скоро военные изолируют очередной участок. Скорее всего, белую.

Скорее всего, уладив все свои дела на Пелле, Мациан тщательно изолирует последнюю неблагонадежную секцию и широко раскроет двери в космос. И все умрут — без звука, без единого шанса на спасение.

Несколько безумцев, решив выжить вопреки логике, раздобыли себе скафандры — самый опасный товар на черном рынке — и не отходят от них ни на шаг, свирепо глядя на любого, кто рискует приблизиться, и угрожая оружием. Но большинство просто дожидается смерти. В зеленой царит атмосфера отчаяния и безнадежности; все, кто решаются сдать власть, уходят в белую. Мрак опасен, и никто не посещает несколько совершенно темных коридоров, если он там не живет или если его, кричащего, не волокут туда силой. Там обитают шайки, воюющие между собой за власть, к ним примыкают слабые духом. Гангстерам платят, чтобы не причинили зла. Или чтобы позволили причинить кому-то зло. Некоторые шайки вышли из «К», другие созданы резидентами Пелла в целях самозащиты. Джош боялся всех без разбора, боялся бессмысленного насилия. Он отращивал длинные волосы, отпустил бороду, перестал умываться и научился прихрамывать. Он слегка изменил лицо с помощью грима, не пожалев на него больших денег. Самое забавное заключалось в том, что большинство обитателей этих мест поступали точно так же. Секция изобиловала мужчинами и женщинами, которые лезли вон из кожи, чтобы не быть узнаваемыми.

Джош и Дэймон строили планы — один безумней другого. Брат Дэймона, по слухам, еще жив. Они проберутся на какой-нибудь шаттл, заставят экипаж отвезти их на Нижнюю, высадутся и спрячутся в чаше. Была и другая идея, столь же дикая: угнать шаттл из-под носа у солдат, собравшихся лететь на планету. Разработка планов помогала им убить время и давала пищу для ума, а главное — надежду.

Третий вариант казался более реалистичным: через ворота пробраться в очищенные секции, туда, где военизированная полиция, двери, снабженные сигнальными устройствами, контрольно-пропуск-

ные пункты на каждом перекрестке, где благодаря стараниям Мэллори шагу не ступишь без карточки, — и попытать счастья. Нет. «Слишком много людей, ружья, — предупредил Синезуб. — Холодные глаза они».

Вот уж действительно — холодные.

Здесь у Дэймона и Джоша был рынок. И заведение Нго.

Джош приблизился к бару вдоль девятого яруса зеленой. Черным ходом пользовались в исключительных случаях, поскольку Нго терпеть не мог, когда кто-нибудь из его знакомых без крайней нужды входил в главный зал не через парадную дверь. Здесь процветала запрещенная торговля, а посему власти держали это заведение под надзором, выделяя его из двух десятков баров и прочих значных мест, которые тянулись вдоль стены зеленого дока и по сквозному коридору, — мест, в прошлом регулярно переполнявшихся купцами. Довершались эти ряды ночлежек, видеотеатров, комнат отдыха и ресторанов, как ни странно, мольней.

Возле парадной двери, всегда широко открытой, Джош огляделся, не замедляя шага, словно и не думал высматривать филеров, а просто выбирал, в какой бар зайти.

И тут в глаза ему бросилось знакомое лицо, да так внезапно, что дух перехватило. Он резко отвернулся, немного погодя снова посмотрел через коридор на заведение «Маскари». Стоявший подле него высокий человек тотчас сорвался с места и скрылся в дверном проеме.

У Джоша потемнело в глазах, затем в памяти вспыхнуло — так ярко, что он пошатнулся и начисто забыл о необходимости остерегаться. Он повернулся, как автомат, и на негнущихся ногах двинулся в бар Нго навстречу тусклому сиянию, оглушительной музыке, запахам спиртного и давно не мывшейся клиентуры.

Старик сам обслуживал посетителей. Джош приблизился к стойке, оперся на нее и попросил бутылку. Нго поставил ее перед ним, не требуя карточки. Расчет произойдет потом, в отдельном кабинете. Заметив, как дрожит рука Джоша, тянущаяся к бутылке, Нго перехватил ее возле кисти.

— Неприятности?

— Ближе к тому, — солгал Джош (а может, и не солгал). — Проблема с одной компанией... Ничего официального. Все в порядке, я отмазался и не притащил хвоста.

— Уврен?

— Абсолютно. Нервы. Это всего лишь нервы. — Стиснув горлышко бутылки, Джош побрел в противоположный конец зала и у двери в кухню огляделся — удостовериться, что для посетителей его уход остался незамеченным.

Сердце все еще прыгало в груди. «Наверное, то был мациановец, — подумал он. — Следил за кем-нибудь из клиентов Нго. Нет. Это всего лишь твое воображение. Ни к чему мациановцам такая конспирация».

Он откупорил бутылку и глотнул. Полегчало. Такие вспышки воспоминаний у него уже бывали, и всякий раз ему было плохо. Хватало какого-нибудь пустяка — запаха, звука, краткого необычного взгляда на знакомую вещь или на вполне обыкновенного человека. Хуже всего, что сейчас это случилось прилюдно. Он решил не выходить из бара до завтра. А наступит ли оно, это завтра? Отхлебнув в третий раз, он напоследок окинул взглядом посетителей за дюжиной столов и нырнул в кухню, где стряпали жена и сын Нго. Джош прошел к кладовке и раздвинул створки двери.

— Дэймон?

У противоположной стены распахнулись занавеси. Дэймон прошел на середину комнаты и тяжело опустился на одну из канистр, служивших им мебелью.

Взяв у Джоша бутылку, Дэймон приложился к горлышку.

— Где тебя носило?

Джош выудил из кармана карточки, рассортировал по памяти, ставя на каждой цифры восковым карандашом, затем получил от Дэймона бумагу и записал все подробно. Пока он это делал, Дэймон молчал.

Едва Джош дописал последнюю цифру, сведения о карточках перемешались в его памяти. Он положил пачку на свободную канистру, протянул руку за выпивкой, глотнул и поставил бутылку на место.

— Встретил Синезуба. Говорит, у твоей матери все хорошо. Передала тебе вот это. — Он достал брошь и протянул на ладони.

По грусти в глазах Дэймона было ясно, что вещица эта для него не просто золото.

Угрюмо кивнув, Дэймон спрятал ее в карман. Он редко говорил о своих близких, даже о живых. Воспоминания не приносили облегчения.

— Она знает, — сказал Дэймон. — Знает, что нам готовят. Видит на своих экранах, слышит от низовиков... Синезуб ничего нового не сказал?

— Сказал только, что эта вещь нам понадобится. Так думает твоя мать.

— А от брата ни слова?

— О брате мы не говорили.

Дэймон кивнул, тяжело вздохнул и наклонил голову, оперев локти в колени. Он и жил-то лишь ради хороших вестей. Когда их не бывало, падал духом, и Джош разделял его тоску.

— Скоро здесь будет совсем паршиво, — промолвил Джош. — Я немножко задержался по пути, послушал: вроде бы новостей никаких. Никто ничего не знает, но все дрожат.

Дэймон поднял голову, взял бутылку и, резко двигая кадыком, выпил половину оставшегося.

— Надо поспешить с решением. Или выходить в «очищенные» секции, или прорываться к шаттлу. Здесь мы недолго просидим.

«Возможно, нам повезет, — с грустью подумал Джош, глядя на Дэймона, погруженного в собственные мысли, — и они просто взорвут секцию».

Отворилась дверь кладовки. Нго приблизился к ним, забрал карточки, прочел пометки, пожевал морщинистыми губами и нахмурился.

— Не туфта? Точно?

— Точно.

Нго недовольно пробормотал что-то насчет убыточности бизнеса, как будто и впрямь оставался внакладе, торгуя документами, и направился к выходу.

— Нго, — произнес Дэймон ему вслед, — Я слышал, на рынке уже ходит новая ксива. В зале у тебя двое толковали... Это правда?

— Им приснилось. Впрочем, если придумаешь, как засунуть лапу в новую систему, шепни мне.

— Уже думаю.

Нго невятно буркнул под нос и вышел.

— Это правда? — спросил Джош.

Дэймон отрицательно покачал головой.

— Я хотел его прощупать. Нго неспроста отмахнулся — похоже, все знают, что отсюда нет выхода.

— Бьюсь об заклад, это так.

— Я тоже уверен. — Дэймон снова опустил руки на колени, вздохнул и посмотрел вверх. — Почему бы нам не подкрепиться? Ведь там все спокойно, да?

Словно темная волна, нахлынуло отступившее было воспоминание. Джош открыл рот, но не успел ничего сказать. Внезапно пол содрогнулся, раздался

оглушительный удар, а затем треск, перекрывший вопли посетителей в зале.

— Ворота! — воскликнул Дэймон, вскакивая с канистры. Крики не прекращались, к ним добавились звуки падающих кресел и посуды. Дэймон и Джош выскочили в кухню и бросились к черному ходу, куда уже неслись жена и сын Нго, а за ними сам владелец бара с приходно-расходной книгой, полной записей о незаконных торговых сделках.

— Нет! — крикнул Джош. — Подождите! Это, наверное, закрыли ворота в белую секцию. Мы изолированы... Но во втором коридоре девятого — солдаты. Мациан не оставил бы здесь своих, если бы собирался нажать кнопку...

— Ком! — воскликнула жена Нго. Они побежали в зал, где возле экрана вида уже сгрудилось несколько человек, а какой-то мародер за стойкой бара набрал охапку бутылок.

— Эй! — разъярился Нго. Вор-прихватил еще две бутылки и пустился наутек.

С экрана выступал Джон Лукас — так бывало всякий раз, когда Мациан считал нужным оповестить о чем-либо станцию. Лукас выглядел более чем плачевно.

— ...Изолирована, — говорил Лукас. — Резидентам и всем остальным, кто находится в белой секции и желает ее покинуть, предлагаем идти к воротам зеленого дока. Вас пропустят.

— Они сгоняют сюда всех неугодных. — Морщинистое лицо Нго было покрыто потом. — А как насчет нас, мистер Лукас? Как насчет нас, честных работников, господин управляющий станцией?

Лукас повторил объявление. Вероятно, это была запись.

— Пойдем. — Дэймон потянул Джоша за руку. Они вышли и вдоль изгиба внутренней стены направились к воротам в белую, возле которых уже стояла в ожидании огромная толпа. Со стороны причалов и лебедок к толпе приближались солдаты.

— Похоже, намечается стрельба, — пробормотал Джош. — Дэймон, надо смеяться.

— Смотри на ворота! Смотри на ворота!

Джош повернулся к воротам. Массивные створки не раздвигались, аварийный люк рядом с ними тоже оставался закрыт.

— Никого сюда не пустят, — сказал Дэймон, — соврали вояки, чтобы выманить людей в док, к воротам.

— Пойдем обратно, — взмолился Джош.

Из толпы кто-то выстрелил, десантники ответили беглым огнем вверх голов, по фасадам магазинов. Толпа с воплями обратилась в бегство, увлекая с собой Дэймона и Джоша. Они едва успели свернуть в коридор девятого яруса и проскочить в двери бара Нго; следом бросился человек пять-шесть, однако Нго отогнал их дубинкой, проклиная Дэймона и Джоша за неосторожность.

Втроем они закрыли дверь. Толпа понеслась дальше по коридору. На потолке вдруг ярко засияли лампы, осветив опрокинутые кресла и разбросанные по полу тарелки.

Нго и его семья принялись за уборку. «На», — буркнул владелец бара, сунув Джошу мокрую, пахнущую бульоном тряпку. Дэймон тоже взял тряпку и стал работать наравне со всеми.

Люди заглядывали в бар через пластиковое оконце.

Выкрикивая ругательства, Нго открыл дверь, впустил посетителей и расположился за стойкой. «Никакого кредита, — предупреждал он. — Деньги вперед».

Дэймон взял бутылку вина и повел Джоша к закутку в дальнем углу зала. Снова ожил музыкальный канал кома, заполнив бар тоскливой роман-

тической мелодией.

Джош опустил голову на ладони и пожалел, что нельзя напиться в стельку: пьяного, его всегда мучили кошмары. Дэймон жепил безбоязненно, и Джош позавидовал.

Их время истекло. Вот уже и белая изолирована... Мациановцам осталось лишь «подмести» секции, начиная с белого дока или с первого яруса зеленой. Сдавшихся пропустить сквозь «мелкое сито», а прочих перестрелять — и в шлюз.

Когда они наведут порядок в белой, наступит черед зеленой. Это может произойти через сутки или час. Или через минуту.

— Я попробую выйти на контакт с флотскими, — произнес Джош. — Тебе не стоит рисковать, а меня десантники вряд ли узнают. Главное — держаться подальше от «Норвегии».

Секунду-другую Дэймон безмолвствовал: видимо, рассчитывал шансы.

— Не спеш. Попробую придумать что-нибудь получше. Например, как пробраться к шаттлам.

Это не могло завершиться успехом. Ибо идея была сумасшедшей.

2

Торговец «Край Вселенной»: Глубокий Космос; 1/6/53

Прибыл второй купец. Их уже собралось немало, и постоянно появлялись новые. Выслушав доклад тега, Элен поднялась с кушетки и пересекла тесную рубку «Края Вселенной» — поинтересоваться, что видит Нейхарт на своем скане.

— Что здесь происходит? — произнес вдруг тонкий голос. Купец вышел из прыжкового режима на почтительном расстоянии от точки рандеву и теперь приближался медленно и осторожно. Поднявшись на ноги, Элен почувствовала головокружение и поспешила сесть во второе кресло у скана. Сказывалась беременность. Элен, морщась, сосредоточила свое внимание на скане.

К экрану приблизилось еще несколько Нейхартов.

— Мне кто-нибудь соизволит ответить? — спросил вновь прибывший, изрядно сократив расстояние между собой и остальными купцами.

— Ну-ка, назовись, — потребовал голос с другого корабля. — С тобой говорит «Медвежонок». А ты кто? Можешь подойти, только представься сначала.

Наступило молчание. Пауза затягивалась. Остальные фрахтеры пришли в движение. В рубке «Края Вселенной» росла озабоченная толпа.

— Что-то он мне не нравится, — пробормотал кто-то.

— Это «Женевьева» с униатской стороны, с Передовой. Мы слыхали, у вас какие-то нелады. В чем дело, можете рассказать?

— Дайте-ка мне этим заняться, — вмешался еще один голос. — «Женевьева», это «Фея-два». Малыш, позволь-ка мне потолковать со стариком.

Снова пауза. У Элен заколотилось сердце; повернувшись, она нервно и неловко махнула рукой Нейхарту-старшему. Но сигнал тревоги с компа, за которым сидел племянник Нейхарта, уже пробежал по всему кораблю и брызнул с антенны в эфир.

— Говорит Сэм Дентон, борт «Женевьева».

— Сэм, как меня зовут?

— Здесь солдаты, — пробормотала «Женевьева» и сразу умолкла.

Из динамиков сквозь треск помех посыпалось: «Женевьева!» Немедленно остановиться! Ни с места! Открываю огонь!» Судорожным движением Элен бросила руку к кому.

— «Женевьева!» «Женевьева!» Это Квин с «Эстели». Ответь.

Пушки молчали. Скан показывал корабли, сотни кораблей, дрейфующих в пространстве близ точки рандеву.

— Говорит лейтенант униатского флота Марн Оборк с «Женевьевы». При попытке захвата этот корабль будет уничтожен. Дентоны на борту. Семья Квин погибла. «Эстели» не существует. Кто вы? Что за корабль?

— «Женевьева», вы не в том положении, когда можно выдвигать условия. Немедленно отпустите Дентонов.

Вновь долгая пауза.

— Я хочу знать, с кем говорю.

Элен помолчала несколько мгновений. Вокруг нее в рубке «Края Вселенной» царил лихорадочный деятельный.

— Вы говорите с Квин. Мы требуем отпустить Дентонов с корабля. И предупреждаем: если Уния присвоит еще один торговец, ей несдобровать. Если хотите, чтобы в вашем пространстве прекратились все коммерческие рейсы, мы легко можем это устроить.

— Кто говорит? Что за корабль?

Униаты явно нервничали. «Надо успокоить их, — сказала себе Элен, — а то еще поднимут стрельбу». Она стерла пот с лица и посмотрела на Нейхарта-старшего. Тот кивнул: униаты под прицелом компа.

— Говорит Квин — это все, что вам надо знать. Повторяю, лейтенант: у нас огромное численное превосходство. Как вы нашли нас? От кого получили координаты? От Дентонов? Или один из наших кораблей по ошибке вышел на связь? Вот что я вам скажу: купцы всего Внеземелья создали Торговый Альянс, и он действует как боевое соединение. Вы и Мациан можете делать друг с другом все, что хотите, но мы не принадлежим ни Компании, ни Унии. Мы — третья вершина треугольника и отныне ведем торговлю от своего имени!

— Что здесь творится?

— Вы уполномочены вести переговоры или можете только отправить донесение начальству?

Корабль не ответил.

— Лейтенант, — напирала Элен, — мы согласны принять ваших полномочных послов. А до тех пор Дентонам нечего делать у вас в плену. Будьте любезны немедленно отпустить их. Если ваша сторона проявит здравомыслие, то мы пойдем на уступки. В противном случае, наш ответ не заставит себя ждать. Это я вам твердо обещаю.

И снова — тишина. Долгие паузы уже стали привычными.

— Это Сэм Дэнтон, — ответил наконец другой голос. — Мне велено сказать, что корабль поворачивает. Это правда, Квин. Вся моя семья — на борту. Это тоже правда.

Внезапно умолкла несущая волна кома «Женевьевы». Элен мазнула взглядом по экрану вида и телеметрическим приборам — некоторые из них зарегистрировали пятно света. Оно расширилось и меркло. У Элен съсжился желудок, а младенец зашевелился. Она прижала к животу руку и долго смотрела на экран, преодолевая тошноту. В динамиках кома трещала статика.

На плечо Элен опустилась рука Нейхарта-старшего.

— Кто стрелял? — спросила Элен.

— Это «Фея-два», — ответил ком грубым басом. — Я стрелял. Они повернули нос к дыре в нашем строю и врубили форсаж. Они слишком многое могли унести.

— Мы поняли, «Фея-два».

— Иду к месту гибели, — сообщил другой ко-

рабль. — Обыщу окрестности.

Да, оставалась надежда, что в последний момент от «Женеьевы» отделилась капсула, что униаты пощадили хотя бы детей. Но Элен в это не верила.

«Женеьева» погибла. Как «Эстель» на Маринере. Им не найти никого».

Появлялись новые образы — призраки в чернильной мгле, пятнышки на скане или теңи и меркнущие трассы на экране вида. Свои корабли. Сотни фрахтеров, спешащих к месту гибели «Женеьевы».

— Ну, все, — пробормотал Нейхарт, — не зави-
дую я униатам.

Так думали все купцы с той минуты, как услышали имя расстрелянного собрата, объединившее всех мертвое имя мертвого корабля. Они были вместе — чтобы противостоять опасности, грозящей им всем. Никто уже не сомневался в том, что Уния присваивает купеческие суда.

Весть о Торговом Альянсе разносилась не только по пространству Унии. Летела она и к Солнечной — семья дальнерейсовика «Винифред» вспомнила вдруг свои земные корни и отправилась в долгое и рискованное путешествие, не ведая, какой прием ее ждет.

«Расскажите им о Маринере, — попросила Элен экипаж «Винифреда». — И о Расселе, Викинге и Пелле. Постарайтесь, чтобы они поняли».

Капсулы они не нашли. Только обломки.

3

Нижняя: святилище хиза; 1/6/53; местная ночь

С самого начала низовики приходили и уходили — тихо, незаметно, поодиночке и парами; в почтительном молчании они ставили пищу и воду, и всячески ухаживали за «спящими», которых под образами сидели тысячи.

Здесь уже появились купола для людей, землянки, вырытые низовиками; пульсом самой жизни застучали компрессоры.

Регулярно наведывались шаттлы — за грузами. Кораблей, ревуших над головами, уже не боялись — привыкли.

Миико каждый день беседовала со Старыми, до хрипоты, до протестов измученных переводчиков. Пыталась растолковать, с какой опасностью столкнулся народ хиза. Когда она обессиленно замолкала, мягкие ладони похлопывали по ее рукам и лицу, а круглые глаза взирали на нее с искренней нежностью. Порой они не могли сделать для нее ничего другого.

— Не теряйте голову, — говорила Миико самым беспокойным колонистам.

— Чего ждать? — поинтересовался Кокс, и этот вопрос породил ее собственные «сны».

В эту ночь по склону к образам спустились хиза, посланные на главную базу несколькими днями раньше. Обхватив колени, Миико сидела в кругу людей возле купола и наблюдала за фигурками, приближающимися к святилищу под беззвездным небом. У нее непривычно сосало под ложечкой и першило в горле. Низовики не отказывали ей ни в чем. Эти совершенно незнакомые хиза шли к образам, чтобы занять собой место людей, собравшихся покинуть лагерь. Скан ни в коем случае не должен заметить их уход.

В кармане непромокаемой куртки Миико лежал пистолет. Она была тепло одета, но все равно дрожала. От боязни за хиза. Но они сами отпустили ее.

«Ты иди, — сказали они. — Ты сердце больно. Ты глаза холодно, как они».

Либо иди, либо потерять авторитет в лагере. Все равно она не сможет удержать Ито и других.

«Вам не страшно остаться одним?» — спросила она тех, кто не мог или не желал сидеть снаружи и уходить — стариков, детей и прочих семейных да и просто здравомыслящих людей. Она чувствовала себя виноватой, поскольку не могла ни защитить их, ни даже возглавить уходящих — она всего-навсего поддавалась их безумию. «Нет, — ответила пожилая женщина. — Впервые после бегства с Маринера мне не страшно. Здесь нет опасности... может, и есть, но бояться все равно не надо». Многие закивали, спокойно, как образа низовиков, глядя на старуху и на Миико.

Как только возле купола остановилась первая маленькая группа хиза, Миико и Ито встали и оглянулись на своих товарищей.

— До встречи.

Те молча кивнули.

Несколько человек, выбранных Миико, вместе с нею и проводниками медленно растворились в темноте. На склоне им попадались стойки низовиков, спускающиеся навстречу. Этой ночью ста двадцати трем колонистам предстояло покинуть лагерь; столько же хиза должно было прийти на их место. Не сразу Миико сумела втолковать туземцам, что от них требуется, но когда наконец они поняли, их глаза заблестели от восторга — шутка над людьми, шпионившими с неба, показалась им очень остроумной.

Отряд продвигался наикратчайшим путем, то и дело слыша оклики встречных хиза. Миико едва не бежала. У нее кружилась голова, но она решила не отдыхать, пока держат ноги. Она опиралась на руки двух молодых самок, которые всегда шли рядом, готовые помочь. Одну из них звали Она-Идет-Далеко, другую Ветерок-в-Роще... Остальные не представились, а если и представились, то Миико не смогла разобрать ни слова. Двоим она сама дала прозвища: Быстроног и Шептунья, и они обрадовались: всем низовикам страшно нравилось получать имена от людей. Желая сделать им приятное, Миико попыталась повторить их туземные имена на местном наречии, однако низовики расхохотались, наморщив носы в знак крайнего веселья.

Они отдохнули под скалистым обрывом, а когда первые лучи солнца проникли сквозь заросли деревьев и папоротников, пошли дальше. Быстроног шутки ради забежал вперед и устроил засаду, перепугав людей до полусмерти. Видя, что Миико и ее друзья нахмурились, хиза присмирели. Миико поймала за руку Шептунью, которая знала человеческий язык хуже всех хиза, и еще раз попыталась объяснить ей свой план, подобрав с земли палку и опустившись на корточки.

— Гляди. — Несколькими ударами она расчистила местечко среди папоротников и ткнула палкой в землю. — Лагерь Константин-человек. — Она прочертила линию. — Река. Мы сделать круг. Вот так. Мы глаза видеть лагерь людей. Видеть Константин. Видеть Топотун.

Шептунья, возбужденно закивала, задергалась всем телом и показала назад, в сторону равнины.

— Они... они... они... — Шептунья схватила палку — первое, что попало под руку, и погрозила небу.

Миико опешила, она еще не видела, чтобы низовик кому-то или чему-то грозил.

— Они плохо. — Шептунья запустила палкой вверх, подпрыгнула несколько раз, хлопнула в ладоши и постучала себя в грудь. — Я друг Топотун.

Подруга Топотуна, вот в чем дело... Шептунья схватила ее за руку, а Быстроног похлопал по плечу. Хиза быстро переговорили на своем языке и, похоже, приняли какое-то решение.

Спустя секунду они разбились на пары. Каждая пара взяла за руки человека.

— Милико! — протестующе воскликнула Ито.

— Положись на них. Хиза не заблудятся и не бросят нас, а если понадобится, отведут назад. Я пришлю тебе весточку.

Хиза терпеливо растаскивали людей в разные стороны.

— Будь осторожна! — крикнул Эрнст, оглядываясь на Милико.

Вскоре деревья отгородили их друг от друга. У Милико, Ито и Эрнста были пистолеты. Шесть пистолетов да взрывчатка — вот и весь арсенал колонии.

«Надо идти тихо, по трое», — настаивала Милико. Только так они не вызовут подозрений у операторов скана. Хиза остались верными своей забавной логике. Милико, Шептунья и Быстроног — это трое. С одним человеком идут двое хиза. Значит, с тремя людьми — шесть хиза. Сейчас их группа разбилась наконец на тройки и в спешке разошлась.

Никто уже не шутил. Быстроног и Шептунья вдруг умолкли и ловко пробирались между кустами, с упреком оглядываясь на Милико, когда она, по их мнению, слишком шумела. Хиза обладали исключительно тонким слухом, а Милико не могла справиться с шипением дыхательной маски. Зато ей удавалось подражать скользящей поступи низовиков.

К полудню они повстречали группу хиза. Обнимаемая Милико, Шептунья и Быстроног обратились к ним и получили ответ.

— Говорить, далеко идти они-место. Слышать. Приходить. Много они приходят. Они глаза тепло видеть ты, Михан-тизар.

Всего их было двенадцать. Один за другим они подходили, обнимали Милико, торжественно подпрыгивали и кланялись. Шептунья что-то долго втолковывала им, и они отвечали столь же странно. Быстроног сосредоточенно внимал.

— Они видеть, — сказал он наконец. — Они видеть люди-место. Хиза там плохо. Люди там плохо.

У Милико кольнуло сердце.

— Надо идти туда, — произнесла она. — Нам, людям, надо быть там. Сидеть на холмах. Смотреть. Вы меня понимаете?

— Понимать, — заверил ее Быстроног и, похоже, перевел остальным.

Они двинулись дальше, и незнакомые хиза присоединились. Милико понятия не имела, что они предпримут, добравшись до места. С шестью пистолетами нехватишь шаттла. Солдаты вооружены до зубов, а у колонистов — только голые руки. Нападать нельзя ни в коем случае, можно лишь наблюдать со стороны и надеяться на лучшее.

Они шли весь день под холодным дождем, проникавшим сквозь листву. Иногда дождь ненадолго утихал, но все равно ветер осыпал путников каплями, стряхивая их с ветвей. В ложбинах бурлили грязные потоки. Милико и хиза забирались в дикую чащу, в почти непролазные заросли.

— Человеческое место! — придя в отчаяние, напомнила Милико низовикам. — Нам надо в лагерь людей.

— Идти люди-место. — Шептунья подпрыгнула и скрылась в кустах так быстро, что Милико глазом моргнуть не успела.

Очень нескоро она увидела впереди вождеденный просвет и дым мельниц, а чуть позже различила слабо отсвечивающий купол. Из последних сил Милико добралась до опушки, опустилась на колени и попыталась определить, с какой стороны они вышли к базе.

С этого холма и с такой высоты она видела лагерь

впервые.

Солнце садилось, в лагере зажигались прожектора. Подойдя к краю обрыва, Милико смогла разглядеть движущиеся фигурки между мельницей и дорогой — цепочку людей и хиза, сгибающихся под тяжестью мешков.

— Она прийти, — сказал вдруг Быстроног.

Милико оглянулась: кусты на опушке раздвинулись, из них выскочила Шептунья и, запаленно дыша, упала на колени.

— Топотун, — жалобно просипела Шептунья, пошатываясь. — Он плохо. Работа много-много. Константин-человек плохо. Он дать. Дать ты. — Из ее мохнатого кулака торчал клочок бумаги.

Милико взяла листок, тщательно разгладила и повернула к свету. От воды бумага стала мягкой. Милико была вынуждена приблизить записку вплотную к глазам и повернуть к далекому свету.

— Здесь очень... плохо... Не вмешивайся... ни в коем случае. Умоляю... Лучше рассеетесь и... постарайтесь не попадаться. Боюсь, они... потребуют... новых рабочих... У меня все нормально... Возвращайтесь... и держитесь в стороне.

Двое хиза не сводили с нее озадаченных черных глаз. Закорючки на бумаге всегда повергали их в изумление.

Милико спрятала драгоценную записку и съежилась в листве, подняв капюшон и сунув руку в карман с пистолетом. В эту ночь они ничего не могли предпринять: любое вмешательство только осложнило бы ситуацию, поставило под угрозу жизнь всех колонистов и многих хиза. Эмилио не жалеет себя, чтобы спасти Нижнюю, а донкихотское самопожертвование жены и товарищей ему сейчас нужно меньше всего.

— Быстроног, — сказала она, — беги. Найди низовиков. Найди всех людей. Скажи им... Милико говорила с Константином-человеком. Скажи, пусть сидят спокойно и не раздражают военных. Пусть ждут. Понял? Повтори.

Низовик попытался повторить, но запнулся, поскольку не знал значения некоторых слов. Милико терпеливо объяснила, и наконец Быстроног подпрыгнул.

— Сказать они сидеть, — возбужденно произнес он. — Сказать они, ты говорить Константин-человек.

— Да, — подтвердила она, и Быстроног умчался.

Низовики могли беспрепятственно приходиться на базу и уходить — по словам Шептуньи, мациановцы не отличали их друг от друга. Если бы не это, Милико вряд ли смогла бы связаться с мужем. Теперь Эмилио знает, что она рядом, и, наверное, будет рассчитывать на нее... страстно желая при этом, чтобы она оказалась как можно дальше отсюда.

ГЛАВА III

1

Пелл: зеленый док; 1/8/53

По всей зеленой витали слухи, но не было признаков непосредственной опасности.

Джош бросил осторожный взгляд в дверной проем бара Нго и секунду спустя заскочил туда, не рискуя попадаться на глаза отделению трезвых латников, деловито шествующих по доку. Весь их вид говорил о том, что они пришли сюда не для развлечения. Джош занервничал: в тревожных ситуациях он всегда боялся вдвойне, если в поле его зрения не было Дэймона.

Он давно притерпелся к ожиданию... Но пора

ужинать, а о Дэймоне — ни слуху, ни духу. Джоша грызло беспокойство. Вчера и сегодня Дэймон вел себя очень настойчиво. Требовал немедленных действий. Говорил с людьми. Рисковал.

Джош еще сильнее разволновался, осознав, что расхаживает перед стойкой и что на него неодобрительно смотрит Нго. Он постарался взять себя в руки, неторопливо прошел через зал в альков, заглянул в кухню и поинтересовался у сына Нго насчет ужина.

— Сколько порций? — спросил паренек.

— Одну. — Джошу был нужен предлог, чтобы остаться в зале. Когда вернется Дэймон, подумал он, можно будет попросить добавки. В деньгах они не нуждались, и это было единственным плюсом их существования.

Сын Нго махнул ему ложкой — дескать, выметайся.

Джош прошел к столику, сел и снова поглядел на входную дверь. Вошли двое — ничего, казалось бы, необычного... Но они слишком открыто озирались. И направились напрямиком к алькову.

Джош втянул голову в плечи и попытался спрятаться в тени. Наверное, это маклаки с черного рынка. Приятели Нго. Но почему они так странно держатся? И зачем подошли к его столу и выдвинули стул?

Он не сводил с них вопросительного взгляда. Один уселся, второй остался на ногах.

— Толли? — произнес сидящий, молодой, с недобрым лицом и следом ожога на подбородке.

— Вы ошиблись. Я не знаю никакого Толли.

— Надо, чтобы вы на минутку вышли за дверь. Всего на минутку.

— Кто вы?

— Вы на мушке. Советую подняться.

Джош давно этого ожидал. В уме он перебрал несколько вариантов бегства, но движение повлекло бы за собой выстрел. Кто эти люди? Не мациановцы, это ясно. Кто же тогда?

— Пошевеливайся.

Он встал и отошел от стола. Второй незнакомец взял его за руку и повел к выходу. И дальше — в яркий свет дока.

— Глянь-ка вон туда, — подтолкнул Джоша человек со шрамом. — Прямо через коридор, на дверь бара. Что, не узнаешь?

Джош посмотрел. Да, он знал этого человека. Видел его недавно на станции. И раньше.

Перед глазами померкло, нахлынула тошнота. Условный рефлекс...

Он не мог вспомнить имени, однако не сомневался, что хорошо знаком с этим человеком. Парень со шрамом взял его за руку и повел через коридор. В сумрачный бар «Маскари». В смесь миазмов пота и спирта, в грохот зубодробительной музыки. К ним повернулось несколько голов: посетители, привыкшие к полумраку, видели Джоша гораздо лучше, чем он их. И Джош испугался не оттого, что узнал, а оттого, что в этом баре есть человек, узнать которого ему ни в коем случае нельзя. Нельзя после Урегулирования. После прыжка через бездну.

Его привели в самый дальний угол зала, в одну из кабинок. Там стояли двое. Одного вряд ли следовало опасаться, очень уж пришибленно он выглядел. Но другой... Другой!

— Я знал, что это был ты, — сказал другой. — Джош? Ведь это ты, Джош?

— Габриэль? — Имя прилетело из отрезанного прошлого, и весь мир Джоша зашатался. Он покачнулся и упал бы, не окажись под рукой спинки стула. Он снова видел корабль. Свой корабль и боевых друзей... и этого человека... этого человека среди них.

— Джессад, — поправил его Габриэль, взяв за руку и как-то странно посмотрев в глаза. — Джош, как ты сюда попал?

— Мациановцы. — Он стоял в алькове, огороженном занавесями. В ловушке. Полуобернувшись, он увидел в проходе незнакомцев, а когда вновь обернулся к Габриэлю, с трудом разглядел в полумраке его черты, точно такие же, как перед расставанием у Маринера. Перед тем, как он посадил Габриэля на «Молот» Бласса.

Рука Габриэля мягко опустилась на его плечо и заставила сесть на стул возле круглого столика. Расположившись напротив, Габриэль наклонился вперед.

— Здесь меня зовут Джессадом. Эти джентльмены — мистер Коледи и мистер Крессич. Мистер Крессич — депутат, вернее, был депутатом, пока на этой станции существовал совет. Извините, господа, но мне надо поговорить со старым другом. Позаботьтесь, чтобы нас не беспокоили.

Крессич и Коледи вышли. Джошу очень не хотелось оставаться с Габриэлем в злоедем сумраке алькова, под еле тлеющей лампой. Но любопытство заставило его сидеть на месте. Любопытство вкупе с предчувствием боли. Как перед прикосновением к зарубцевавшейся ране.

— Джош, — произнес Габриэль-Джессад, — мы напарники, разве ты забыл?

Вероятно, он лгал, а может, и нет. Джош беспомно покачал головой.

— Промывание мозгов. Память у меня...

Лицо Габриэля исказилось, как от муки. Он схватил Джоша за запястье.

— Джош, ведь ты здесь из-за меня, верно? Пытался выручить. Но когда началась заваруха, меня забрал «Молот». Ты подогнал «Коршуна» и тебя достали. И промыли мозги. Джош, где все наши? Где Кита и ...

Джош покачал головой. В его душе царил холод. И космическая пустота.

— Мертвы. Я плохо помню... все стерто. — Высвободив руку, он облокотился на стол и подпер ладонью подбородок. Тошнота отступила.

— Я видел тебя в коридоре, — сказал Габриэль. — Глазам своим не поверил, но все же решил поспрашивать. Нго не сказал, кто был с тобой. Похоже, это нелегал. Да? У тебя здесь друзья. Друг. Я прав? Он не из наших. Кто он?

Мысли путались. Старая и новая дружба сошлись в поединке. Миссия Габриэля — уничтожение станции. Габриэль здесь, а до этого побывал на Маринере...

Элен. «Эстель». «Эстель» погибла вместе с Маринером.

— Я прав?

Джош вздрогнул и заморгал.

— Ты мне нужен, — прошептал Габриэль. — Твоя помощь.

— Я был никем. — У Джошаросло подозрение, что этот человек лжет. Все было не так. Совсем не так, как он говорит. — О чем это ты? Не понимаю.

— Мы с тобой из одной команды, Джош.

— Я был военпом на корабле-разведчике...

— Это легенда. — Габриэль схватил и яростно встряхнул его руку. — А на самом деле ты Джошуа Толли из спецслужбы. Навыки заложены в подсолнечие. Ты из сытинских лабораторий...

— У меня были мать и отец. Я жил на Сытине с тетей. Ее звали...

— Джош, ты из лабораторий. Прошел двухуровневое гипнообучение. Верхний уровень — ложный, это легенда. Ты сам в нее веришь, и поэтому в случае необходимости можешь убедить врага. Понимаешь? Это грим, маскировка. А под ней — настоящее.

— У меня была семья. Я любил ее...

— Джош, мы с тобой — напарники. Оба учились по одной программе. Ты мой дублер. Мы работали вместе. Станция за станцией. Инфильтрация и подготовка к захвату.

Джош вырвал руку из пальцев Габриэля и заморгал, ослепленный потоком слез. Воспоминания не удержимо блекли. Ферма, солнечный ландшафт, детство...

— Мы — «рожденные в колбе», — продолжал Габриэль. — Все остальное, что есть у нас в памяти, — программа, и в следующий раз туда заложат что-нибудь другое. Сытин реален, и я реален. Твоя память, Джош, двухслойна. Ложь — на поверхности, правда — в глубине. На дознаниях ты мог выдать только ложь, потому что сам не ведал правды. А она здесь, перед тобой. Ты знаешь комп. Ты сумел выжить на этой станции. И ты изучил ее. Все это не случайно, поверь.

Джош не шевелился, прижав к губам тыльную сторону руки, и не плакал, просто слезы сами по себе катились по щекам. Язык не подчинялся, а слезы все капали и капали.

— Что я должен сделать? — проговорил он наконец.

— А что ты можешь сделать? Кто твои покровители? Они не из мациановцев?

— Нет.

— Тогда кто они?

Секунду Джош не отвечал. Слезы высохли, их источник иссяк. Казалось, вся память Джоша выцвела добела, в ней слились станционная тюремная лечебница и какое-то очень далекое место... Палаты с белыми стенами и обслуга в белой форме... И он понял в конце концов, почему ему было так хорошо и уютно в лечебнице. Потому что она — его родной дом. Больничные палаты одинаковы по обе стороны Черты.

— Допустим, кое-что я смог бы сделать, но по своему, — сказал он. — Допустим, я поговорю с моим покровителем, и он, возможно, согласится помочь. Но услуга за услугу.

— Какая?

Джош откинулся на спинку стула и подбородком указал на занавесь, за которой ждали Коледи и Крессич.

— У тебя дело уже на мази, верно? Что тебе больше всего нужно из того, что есть на станции? Я бы и сам мог это взять, но у меня не хватит сил удержать.

— У меня хватит, — пообещал Габриэль.

— Есть только одна вещь, которая нам нужна позарез и которую мы не можем взять без применения мускулов. Шаттл. Мы хотим бежать на Нижнюю, прежде чем все будет кончено.

Несколько мгновений Габриэль молчал.

— Ты можешь к нему подобраться?

— Я же сказал, у меня есть друг. Мы хотим улететь.

— Мы могли бы сделать это вдвоем.

— Втроем. С моим другом.

— Это с ним ты орудовал на рынке?

— Предполагаю все, что угодно. В общем, так. С нашей помощью ты пройдешь на любой участок. А ты должен позаботиться, чтобы мы благополучно убрались со станции.

Габриэль медленно кивнул.

— Мне пора возвращаться, — сказал Джош, — и приступать к делу. Времени в обрез.

— Шаттлы теперь швартуются в красном доке.

— Я могу тебя туда провести. И всюду, куда понадобится. Главное, чтобы людей хватило для захвата.

— Пока мациановцам будет не до нас?

— Да, пока им будет не до нас. Это можно устроить. — Он испытующе поглядел на Габриэля. — Ты взорвешь Пелл? Когда?

Казалось, Габриэль размышляет, стоит ли отвечать.

— Джош, я не маньяк и не самоубийца. Я не меньше твоего хочу выбраться, а «Молот» на этот раз никак не успеет вовремя. Шаттл вполне годится. Лишь бы выбраться на орбиту и дожидаться наших...

— Ладно, — произнес Джош. — Ты знаешь, где меня искать.

— А ты уверен, что в доке сейчас есть шаттл?

— Выясню. — Джош встал, ошупью добрался до темной арки и вышел в шум зала. У ближайшего столика торопливо поднялись Коледи со своими людьми и Крессич, но успокоились при виде Габриэля, вышедшего из кабинки секундой позже.

Джоша пропустили. Он пробирался между столиками к выходу, а посетители, склонившие головы над тарелками и стаканами, не поднимали на него глаз.

Он шагнул в коридор и жадно вдохнул свежего воздуха. Его подташнивало, и шалили глаза. Иллюзия и реальность. Правда и ложь. Сытин — ложь. И сам Джош — иллюзия... Часть его мозга действовала как автомат, коим он, в сущности, и был. Он перебирал в памяти свои инстинкты, которым никогда не доверял. Глубоко вздохнул, стараясь рассуждать здраво. Тело его, тем временем, лавировало по коридору, а глаза искали укрытия.

Только в баре Нго, в привычном углу, когда он вновь принялся за остывший обед, с него начало спадать душевное оцепенение. Он размышлял о Дэймоне, о единственной человеческой жизни, которую, вероятно, мог спасти.

Убийства. Вот для чего он был создан. Вот для чего существовали подобные ему и Габриэлю. «Рожденные в колбе»! Белизна в его снах... Белизна, в которой он жил... Гомункулус, старательно изолированный от человечества, воспитанный гипнопедическими машинами, вооруженный правдоподобной ложью о том, как он был человеком.

Вот только в этой лжи оказался изъян. Она слишком дорога густку человеческой плоти с человеческими инстинктами. Недаром он жил ею в своих снах.

Давясь, он подчистил тарелку, промыл горло тепловатым кофе, заново наполнил чашку жижей из термокофейника.

Он спасет Дэймона. Остальные умрут. Чтобы выручить друга, Джошу придется молчать, а Габриэлю направить своих помощников по ложному пути. Все погибнут. Все, кроме Джоша, Габриэля и Дэймона.

Но Дэймон не захочет уйти. Как его убедить? И решится ли Джош вообще заговорить с ним об этом? Логика, нужна логика. Аргументы. Какие?

Алисия Лукас-Константин. Женщина, столько раз помогавшая им обоим. Она не сможет улететь. И надзиратели, которые отдали Джошу выигранные им деньги. И низовик, охранявший Дэймона и Джоша. И люди, пережившие ад на кораблях и в «К». И все станционеры — мужчины, женщины, дети...

Он плакал, пряча лицо в ладонях, а тем временем где-то в недрах его сознания спокойно и эффективно трудились рефлексы. Джош знал, как уничтожить станции наподобие Пелла. Знал, что это единственная причина, по которой он существует. Во все остальное он больше не верил.

Он вытер глаза, допил кофе, выпрямил спину и застыл в ожидании.

Ушнатский рейдероносец «Единство»: Глубокий
Космос; 1/8/53

Кость остановилась на двойке. Эйрис огорченно пожал плечами, Джекоби записал новые ставки, а Азов подготовился к очередному броску.

Единственной явной опасностью для пассажиров корабля была скука. День ото дня все больше времени Азов проводил в их обществе — сидел за столом мрачноватый, одетый во все черное. Устав запрещал ему играть в азартные игры и выпивать вместе с подчиненными. Каждый день по восемь-девять часов Эйрис и Джекоби просиживали в кают-компании, и если у них не «гостил» Азов, то скука становилась невыносимой. Никакой работы, никакой пищи для ума.

Следующую партию выиграл Джекоби. Азов спокойно записал ставки и повернулся к манекену.

— Жюль, бутылку сюда, будь любезен.

Один из охранников встал и вышел из кают-компании.

— А я и не подозревал, что у них есть имена, — произнес Эйрис, запинаясь, поскольку они уже прикончили одну бутылку. — Думал: номера... — Он умолк, испугавшись своей откровенности.

— Вы очень многого не знаете об Унии, — улыбнулся Азов, — но может быть, еще узнаете.

Эйрис засмеялся, и тут словно ледяные пальцы сдавили его желудок. «Что?» — хотел спросить он, но слово застряло в горле. Раньше Азов не единожды говорил о территориальных притязаниях своего народа, но только на Пелл. Он слишком много выпил.

На лице Эйриса мелькнуло необычное для него выражение, то же самое через долю секунды произошло с лицом Азова. Рефлексы, ослабленные алкоголем, не сразу преодолели взаимный испуг двух этих людей. А третий — Джекоби — оказался невольным свидетелем.

Эйрис снова рассмеялся, на этот раз натужно, затем откинулся на спинку кресла и посмотрел Азову в глаза.

— А что, там тоже играют в кости? — произнес он особым тоном, намекая, что не следует понимать его слова буквально.

Азов улыбнулся, словно нашел шутку забавной.

«Я не вернусь домой, — тоскливо подумал Эйрис. — Уния нападет без объявления войны. Вот что это означает».

Пелл: туннели низовиков; 1/8/53; 18-30

В темноте кишели мохнатые существа. Дэймон прислушался и вздрогнул, когда во мраке туннеля к нему прикоснулась чья-то рука.

— Я Синеzub, — прошептал знакомый голос. — Ты прийти смотреть она?

Дэймон долго молчал, обшаривая лучом фонаря лестницы.

— Нет, — печально ответил он. — Нет, я хочу только пройти в белую секцию.

Опустившись на металлическую ступеньку, он ровно задышал сквозь маску. Нечасто удавалось ему передохнуть в стороне от чужих глаз, отрешиться от мучительных мыслей о неизбежном. Сейчас он мог себе это позволить: рядом находилось существо, которое, при всем своем несходстве с человеком, подружилось с Дэймоном.

Хиза опустил перед ним на корточки и ободряюще похлопал по колену. Черные глаза Синеzubа

тускло сияли отраженным светом.

— Ты охраняешь меня, — сказал Дэймон. — Уже давно.

Синеzub утвердительно подпрыгнул.

— Хиза очень добрые, — продолжал Дэймон. — Очень.

Синеzub дернул головой и наморщил лоб.

— Ты она детеныш. — Хиза весьма туманно представляли себе структуру человеческой семьи. — Ты Лисия детеныш.

— Да, ты прав.

— Она ты мать.

— Верно.

— Милио детеныш она.

— Да.

— Я любить она.

Дэймон жалко улыбнулся.

— Для вас, низовиков, полутонов не существует, верно? Черное или белое. Ты хороший друг. Много ли знают хиза? Есть у вас еще друзья среди людей, или только Константины? Синеzub, мне кажется, все мои друзья погибли. Я не сумел их найти. Они или прячутся, или убиты.

— Делать мои глаза боль, Дэймон-человек. Может, хиза найти? Ты сказать они имя.

— Кого-нибудь из Ди. Или Ушантов. Или Мюллеров.

— Я спросить. Кто-то знать может. — Синеzub положил палец на свой плоский нос. — Найти они.

— Приведи меня к ним. Ты знаешь, что люди-ружья перекрыли туннели в белую?

— Знать. Мы-низовики, мы ходить большие туннели снаружи. Кто глядеть на мы?

Дэймон глубоко вздохнул и встал на шатающейся ступеньке. Одной рукой он на секунду прижал к себе Синеzubа, а другой поднял фонарь.

— Люблю тебя, — прошептал он.

— Любить ты, — ответил Синеzub и умчался прочь, оставив за собой легкую дрожь металлической лестницы.

Дэймон двинулся дальше, считая повороты и ярусы. Главное — осторожность. Он уже поднял тревогу, попытавшись войти в белую, и сейчас ощущал липкий страх. Что если он навлек беду на низовиков, на свою мать, на всех станционеров? Столкнувшись нос к носу с часовым, он перепугался, но успел выстрелить раньше. Возможно, убил его. Во всяком случае, хотел. Он надеялся — хотя надежда вызывала тошноту — что солдат никому не назвал его имени.

Колени еще тряслись, когда он остановился у двери. Впереди, за двумя стенами, находился коридор, а совсем недалеко от выхода — бар Нго.

Он шагнул в узкий шлюз, снял маску и достал проверенную паспортной службой карточку, которую берег на самый крайний случай. Наружный люк открылся сразу, лампочка тревоги осталась погашенной. Дэймон торопливо прошел по бесплодному коридору и вручную отпер дверь черного хода в бар Нго.

Жена Нго устала на него от кухонного стола, затем выскочила в зал. Дэймон предоставил двери закрыться позади него и отворил дверцу в кладовку, чтобы повесить на крючок висящую на шее кислородную маску. «Тоже мне конспиратор!» — мысленно обругал он себя и, подойдя к посудной раковине, умылся и прополоскал рот, избавившись от привкуса крови, но не от страха и мерзкого воспоминания.

— Дэймон?

— Джош!

Он бросил усталый взгляд на парадную дверь, снял с вешалки полотенце и вытер лицо.

— Неприятности?

Он прошел мимо Джоша в зал, облокотился о стойку.

— Бутылку, — сказал он бармену.
— Опять ты не через ту дверь... — огорченно прошептал Нго.

— Крайняя необходимость, — ответил Дэймон. Джош, подойдя сбоку, несильно сжал его руку.

— Погоди с выпивкой, — сказал он. — Выйдем, надо поговорить.

Дэймон направился в альков, пожертвованный им барменом. Джош шагал по пятам. Они укрылись в углу кабинки.

— Послушай, — заговорил Джош, когда они сели, — давай прогуляемся через коридор, а? Я поговорил с одним парнем. Думаю, он нам поможет.

Дэймон ожидал чего-нибудь подобного, и все же ему понадобилось время, чтобы переварить новость.

— С каким еще парнем? Тебя кто-то узнал?

— Не меня. Тебя. Один парень надеется получить от тебя помощь. Я не знаю всего, но он — друг. Здесь есть организация. Большею частью там «К», но и резидентов хватает. Им бы очень пригодились твои навыки.

Дэймон все еще не мог это усвоить.

— По-твоему, мы и толпа «К» способны одолеть десантников? И почему этот парень обратился к тебе? Может, боится, что я кого-нибудь узнаю и раскрою их планы? Не нравится мне это.

— Дэймон. Это все-таки шанс, а терять нам нечего. Пойдем со мной. Пожалуйста.

— Похоже, в белой вот-вот будет чистка. Я поднял там тревогу, может быть, даже убил кого-то... Думаю, солдаты уже ищут человека, пользующегося проходами для низовиков.

— Ну так какой смысл нам сидеть и раздумывать? Если мы не... — Джош умолк и нервно оглянулся на жену Нго, поставившую перед ними на стол тарелки с бульоном. — Надо смываться. Здесь уже припекает.

Сонные глаза пристально смотрели на них обоих. С обычным своим спокойствием женщина переставила тарелки на другой стол.

— Они вычислят нас, и очень скоро. Дэймон, я тебя прошу...

— И что же предлагает твой знакомый? Захватить центральную?

— Поднять суматоху, прорваться к шаттлу. Перенести сопротивление на Нижнюю... Для этого достаточно небольшой группы. Дэймон, все зависит от твоего знания проходов и умения обращаться с компом.

— Среди них есть пилот?

— Думаю, найдется.

Дэймон потряс головой, пытаясь собраться с мыслями.

— Ладно, — сказал он. — Я поговорю с твоим знакомым. Может быть, сумею предложить лучший выход. Не такой кровавый. Далеко идти?

— В «Маскари».

— Через коридор?

— Да. Пошли.

Дэймон встал и, лавируя между столами, двинулся к парадной двери. Когда он проходил мимо стойки, Нго воскликнул:

— Эй, ты!

Дэймон остановился.

— Если устроишь мятеж, не вздумай возвращаться! Не хочу, чтобы ты так отплатил мне за помощь. Слышал меня?

— Слышал. — Успокаивать Нго не было времени: Джош дождался у двери. Выйдя из бара, Дэймон поглядел налево-направо, пересек коридор и вошел в бар «Маскари», где было гораздо сумрачнее и шумнее, чем у Нго. Из-за столика слева от входа встал мужчина и направился к ним.

— Сюда, — указал он и провел их в дальний конец зала, такого темного, что Дэймон едва не наткнулся на стулья.

Зато в алькове за шторами тускло светилась лампочка. Провожатый исчез, как только Дэймон и Джош вошли в альков, а за спинами у них встал другой — молодой, со шрамом на лице. Его Дэймон тоже видел впервые.

— Пришли, — доложил молодой, и занавеси шевельнулись, пропустив в альков еще двоих.

— Крессич, — пробормотал Дэймон. Второго он не узнал.

— Вы знакомы с мистером Крессичем? — спросил вошедший последним.

— Шапочно. А вы кто такой?

— Меня зовут Джессад. А вы — мистер Константин, не правда ли? Константин младший?

Дэймон бросил на Джоша недоуменный взгляд.

— Дэймон, — сказал Джош, — этот человек из «К». Давай обговорим детали. Садись.

Встревоженно озираясь, Дэймон сел за маленький столик. Остальные расположились рядом. Снова он посмотрел на Джоша, которому доверял, доверял свою жизнь, не находя ей лучшего применения. Он хорошо изучил этого парня. И теперь видел: Джош лжет. «Значит, должно произойти что-то страшное», — подумал он, лихорадочно ища разгадку.

— Что вы хотите нам предложить? — спросил он, думая только о том, как бы выбраться из «Маскари» самому и вытащить Джоша.

— Когда Джош говорил о своих связях, — раздумчиво произнес Джессад, — я и не подозревал, что он имеет в виду вас. Сказать по правде, на такую удачу я не смел и надеяться.

— В самом деле? — Дэймон поборол соблазн еще раз оглянуться на Джоша. — А на что же вы смели надеяться, мистер Джессад из «К»?

— Разве Джош не рассказал?

— Он сказал, что мне следует поговорить с вами.

— Насчет того, как вернуть бразды правления?

На лице Дэймона не дрогнул ни один мускул.

— Вы считаете, это возможно?

— У меня есть люди, — вмешался Крессич и сразу поправился: — У Коледи. Можно за пять минут поднять тысячу человек.

— А вам известно, что тогда произойдет? — осведомился Дэймон. — Вы еще не налобовались трупами в коридорах? Здесь же полно солдат! А если нас просто-напросто шлюзуют всем скопом?

— Вы знаете, — спокойно парировал Джессад, — что вся станция в их руках. Кроме вас, здесь никому говорить от лица прежнего Пелла. Лукас всего лишь читает тексты, подсунутые Мацианом. За каждым его шагом следят охранники. Да, вы правы: трупы в коридорах — это более чем вероятно. Но выбор небогат: либо наш вариант, либо тот, который устраивает Мациана. Если вы объявитесь, он, возможно, уберет Лукаса и станет подсовывать тексты вам... А может, и наоборот, не правда ли? Ведь Лукас послушен и неплохо делает свое дело.

— Вы очень логично рассуждаете, мистер Джессад.

«Но при чем тут шаттл?» — договорил Дэймон про себя, откидываясь на спинку кресла и оборачиваясь к Джошу, который смущенно потупился, встретив его взгляд. Дэймон снова посмотрел на Джессада.

— Что вы предлагаете?

— Вы нам обеспечиваете проход в центральную. Мы делаем все остальное.

— Не сработает, — покачал головой Дэймон. — Снаружи боевые корабли. Из центральной их не остановить. Они нас попросту взорвут. А может, вы на это и рассчитываете?

— Сработает. У меня есть надежные методы.
 — Ну так поделитесь ими со мной. Дайте мне ночь на размышления.
 — Чтобы вы ушли отсюда, зная имена и лица?
 — Мои имя и лицо вы знаете, — возразил он и заметил слабый блеск в глазах Джессада.
 — Доверься ему, — сказал Джозш. — Его план сработает.

Снаружи, перекрывая музыку, вдруг затрещало, секундой позже взлетела занавесь, в альков спиной вперед вбежал Коледи и распластался на столе. При виде жженой дыры во лбу помощника Крессич с воплем подпрыгнул, Дэймон и Джош бросились к стене, а Джессад рывком сунул руку в карман. В зале гремела музыка и визжали посетители, а у входа в альков стояли десантники в доспехах и с ружьями наперевес.

— Ни с места! — скомандовал один из них.
 Джессад выхватил пистолет. Хлопнуло ружье, запахло паленым. Корчась, Джессад рухнул на пол. Дэймон, онемев от ужаса, разглядывал солдат и оружие. Джош тоже не шевелился.

Десантник за шиворот втащил в альков человека, который тотчас съехал под взглядом Дэймона.

— Эти? — грозно спросил офицер.
 Нго кивнул. Казалось, он вот-вот лишится чувств.
 — Заставили прятать их... Угрожали мне и моей семье. Мы хотели уйти в белую... Все...

— А это кто? — офицер кивком указал на Крессича.

— Не знаю, — сказал Нго.
 — Увести, — приказал офицер. — Обыскать. Трупы тоже.

Все было кончено. В мозгу Дэймона металась сотня мыслей. Выхватить из кармана пистолет? Вырваться и бежать, пока не догонит выстрел?

А как же Джош... и мать... и брат?..
 Его грубо повернули лицом к стене, заставили поднять руки и раздвинуть ноги. Рядом то же самое сделали с Джошем и Крессичем. У Дэймона забрали карточки и пистолет, за который могли расстрелять на месте.

Его снова развернули и внимательно посмотрели в лицо.
 — Ты Константин?

Дэймон не ответил. Удар в солнечное сплетение заставил его сложиться пополам, но в следующее мгновение он бросился на невысокого крепыша, стоявшего к нему ближе всех, опрокинул на стул, затем под стол. Он получил сильный удар сапогом в спину, потом еще несколько пинков в драке, разгоревшейся вокруг. Оставив бесчувственного солдата, он поднялся на ноги, придерживаясь за край стола, и едва не погиб: чей-то луч просверкнул над его плечом и угодил Крессичу в живот.

От толчка прикладом в грудь Дэймон зашатался. Колени миглом обмякли, а после нового удара онемела рука, держащаяся за стол. Дэймон упал и больше уже не шевелился, быстро теряя сознание под шквалом ударов.

Наконец двое десантников схватили его за предплечья и подняли.

— Джош, — прозвнес он едва слышно. — Джош...
 Джоша тоже подняли двое, зажав с боков и встряхивая, словно пытались разбудить. Дэймон ухитрился встать на ноги. Голова кружилась, по лицу текла кровь с рассеченной макушки. Поднимать Крессича не было смысла: он умирал, истекая кровью.

В зале Дэймон огляделся. Посетители разбежались, исчез и Нго — его отпустили или увели. Остались только мертвецы и несколько солдат с ружьями.

Он предположил, что их ведут на корабль. Но, войдя в доки, солдаты сразу свернули налево — к бару, превращенному десантниками в свою штаб-квартиру.

Грохочущая музыка, дым наркотиков и запах перегара встретили Дэймона на пороге. Едва держась на ногах, он позволил подвести себя к внушительному служебному столу. К нему приблизился человек со стаканом в руке, уселся в кресло и хмуро оглядел задержанных.

— Попались тут неподалеку, — сообщил командир подразделения, разгромившего бар «Маскари». — Вот этот — Константин, а этот — униат, представляешь? Правда, у него прочищены мозги, но это было сделано на Пелле.

— Униат? — сержант, неприятно улыбаясь, посмотрел на Джоша. — Любопытно, как такие субчики попадают на Пелл? Наверняка ты можешь об этом рассказать, а, униат?

Джош промолчал.
 — Я могу рассказать, — донесся грубый голос от двери, открывшейся с такой силой, что содрогнулись стены. — Этот человек принадлежит «Норвегии».

Музыка не стихла, зато смеха и разговоров как не бывало.

В штаб-квартиру с бесцеремонностью, ошеломившей ее хозяев, вошло несколько десантников с эмблемой «Норвегии». Все они были в доспехах и при оружии, тогда как из остальных мало кто был полностью экипирован для боя.

— «Норвегия», — пробормотал кто-то. — Валите отсюда, козлы!

— Имя и фамилия! — взревел невысокий коренастый офицер с грубым голосом. — Отвечай!

— Не то ты всех перестреляешь, — насмешливо подхватил солдат.

Коренастый офицер нажал кнопку кома, прикрепленного к его плечу, и что-то сказал. Музыка мгновенно утихла. Затем офицер обернулся к дюжине своих десантников и махнул рукой. Отделение развернулось веером и взяло оружие наизготовку.

Коренастый неторопливо обвел бар взглядом.
 — Вы не в том положении, когда можно хамить. Лучше наведите порядок в этом притоне. Если я здесь найду кого-нибудь из наших, шкуру спущу. Есть такие? Не слышу?

— Катись отсюда! — закричали ему. — Это территория «Австралии»!

— Пленных — сюда! — скомандовал коренастый.

Никто не пошевелился. Ружья десантников с «Норвегии» опустились, раздались возгласы возмущения и ярости. Сквозь красную пелену Дэймон смотрел, как двое из дюжины подходят к нему и Джошу. Сильная рука ухватила его за правое предплечье, дернула, потащила к двери. Джош тоже шел, не сопротивляясь, — пока они вместе, дергаться ни к чему. Им осталось только держаться друг за друга, все остальное потеряло смысл.

— Увести, — рявкнул своим солдатам коренастый. Дэймона и Джоша вытолкали наружу и торопливо повели по доку. В баре осталось только двое рядовых десантников с «Норвегии» и офицер.

Другую группу солдат с «Норвегии» пленники увидели не раньше, чем поравнялись с выходом из сквозного коридора.

— Взятые в «Маккарти», штабе «Австралии», — громко объявил женский голос. — Ди отобрал их под угрозой оружия. Там нужны наши. Быстро!

Десантники пустились бегом, часть конвоя — вдогонку за ними. Четверо оставшихся повели пленных к воротам в синий док.

У ворот стояли часовые.
 — Пропустить! — приказал офицер из конвоя,

указывая большим пальцем через плечо. — Там назревает мятеж.

Часовые носили эмблему «Австралии». Они неохотно открыли аварийный шлюз.

За следующей дверью лежал синий док, где рядом с «Индией», «Австралией» и «Европой» стояла на приколе «Норвегия». У Дэймона кружилась голова, уже давала о себе знать боль от ушибов. В синем доке обитали одни военные, даже на погрузке трудились солдаты в робах.

Перед пленниками и конвоирами открылся люк «пуповины», соединяющей «Норвегию» с доком. В прохладе воздушного шлюза их встретили десантники с эмблемой «Норвегии».

— Толли! — удивился один из них и добавил, ухмыляясь: — С возвращением, Толли!

И тут Джош вырвался и бросился назад. Поймали его только в середине «пуповины».

4

Пелл: «Норвегия»; синий док; 1/8/53; 19-30

Сигни оторвала взгляд от клавиатуры и убавила громкость кома. С недоброй усмешкой она отметила про себя, что Толли изрядно поистрепался. Небриг, нечесан, окровавлен. Вдобавок синяк на подбородке.

— Пришел повидаться со мной? — язвительно произнесла она. — Вот уж не надеялась, что тебе захочется назад.

— Здесь Дэймон Константин... Твои солдаты затащили его на борт. Думаю, тебе надо с ним поговорить.

Эти слова озадачили ее.

— Хочешь и его втянуть?

— Он ни при чем. Мы были вместе. Помогите ему выпутаться.

Она откинулась на спинку дивана и с любопытством посмотрела на Джоша.

— Ты прямолинейна, — проговорила она. — Раньше я за тобой этого не замечала.

Он не нашел, что сказать.

— Константины разделились с твоей памятью, — задумчиво произнесла она, — и нашли себе преданного друга. Странно, не правда ли?

— Помогите ему, прошу тебя! Он тебе пригодится.

Сигни рассматривала Джоша сквозь полусмеженные веки.

— А ведь ты рад возвращению, правда?

Замерцала лампочка на пульте — ком счел вызов неотложным. Сигни повысила громкость и нажала кнопку.

— Драка, — услышала она, — в «Маккарти»!

— Ди выбрался оттуда? — спросила Сигни. — Дайте мне Ди.

— Занят, — последовал ответ.

Сигни махнула рукой конвоирам, чтобы увели Толли. Загорелась другая лампочка.

— Мэллори! — воскликнул Толли, когда его потащили к двери.

— Вас вызывает «Европа», — сообщил ком. — На связи капитан Мацан.

Она переключилась на канал «Европы». Толли увели, чтобы залереть в каком-нибудь надежном месте.

— «Европа», Мэллори на связи.

— Что там у вас происходит?!

— Беспорядки в доке, сэр. Извините, сэр, Янц просит указаний.

Она снова переключилась и тотчас услышала крик по другому каналу:

— Он упал! Капитан, его застрелили!

Сигни сжала и занесла над пультом кулак.

— Вынести его! Вынести! С кем я говорю? Офицер?!

— Это Утхап, — ответил женский голос. — В Ди стрелял десантник с «Австралии».

Сигни нажала другую кнопку.

— Эджера мне. Быстро!

— Мы на выходе, — доложила Утхап. — Ди с нами.

— Это Эджер, — услышала Сигни. — Мэллори, убери своих собак.

— Убери своих, Эджер, не то я всех перестреляю без предупреждения! Они убили Ди Янца!

— Я разберусь. — Эджер отключился.

ТРЕВОГА — полыхало в коридорах «Норвегии»; надрывались сирены. Корабль переходил в режим боевой готовности.

— Мы подходим, — сказал ком голосом Утхап. — Капитан, он с нами.

— Донесите его, Утхап! Донесите!

— Капитан, я спущусь. — Графф собрался выйти в док.

Сигни принялась нажимать кнопки, разыскивая Утхап и ее людей видеоканалами и ругая нерасторопных техов. Наконец на экране показалась группа десантников, и несли они не одного. Товарищи с «Норвегии» бросились им навстречу, оцепили «пуповины».

Сигни следила за знакомой фигурой, приближающейся к группе Утхап. Графф знал свое дело. Она перевела дух.

— «Европа» все еще на связи, — сообщил ком. Сигни подключилась к каналу флагмана.

— Капитан Мэллори, как прикажете все это понимать?

— Сэр, я сама еще не знаю, в чем дело. Разберусь, как только мои солдаты поднимутся на борт.

— Вы отбили пленных у «Австралии». С какой целью?

— Сэр, один из этих пленных — Дэймон Константин. С вашего позволения, я свяжусь с вами, как только получу объяснения Ди Янца.

— Мэллори!

— Сэр?

— У Эджера двое убитых. Жду рапорта.

— Есть, сэр. Как только выясню, что произошло, отправлю вам рапорт. А сейчас, сэр, я пошло десантников в зеленый док.

— Предоставьте это «Индии», она уже взялась за дело. Выведите своих людей, Мэллори. Освободите доки. Всех на борт. Я жду вас у себя, слышите?

— Да, сэр. С рапортом. Прошу прощения, сэр.

Лампочка флагманского канала погасла. Ударив кулаком по консоли, Сигни встала и направилась в хирургический отсек, расположенный на полпути между главным лифтом и носом.

Раны оказались не такими уж опасными. Благодаря хлопотам врача у майора Янца держался ровный пульс, да и по облику Ди нельзя было сказать, что ему в скором времени предстоит шлюзовка.

Сигни отошла к двери, где стояла Утхап, с головы до ног забрызганная кровью.

— Убирайтесь отсюда, неряхи, — она вытолкала в коридор Утхап и ее десантников. — Здесь должно быть стерильно. Кто выстрелил первым?

— Австралийская шлюха. Пьяная.

— Ты что, ранена?

— Ожоги, капитан. Ничего, терпимо. С вашего разрешения, я пройду осмотр, когда врач закончит с Янцем и остальными.

— Я вам разве не приказывала держаться подальше от этого логова?

— Капитан, мы услышали по кому, что они захватили Константина и Толли. В «Маккарти» все перепились, как купцы после высадки, а за старшего у них — сержант. Когда мы с майором вошли, они велели нам убираться.

— Достаточно, — буркнула Сигни. — Жду от тебя подробного рапорта, десантник Утхап. И не волнуйся, я вас не дам в обиду. Вот если бы вы уступили эджеровым подонкам, я бы с вас шкуру спустила. — Она пошла по коридору, бросив солдатам на ходу: — Все в порядке, Ди не разорван на куски. Не мешайте медам и, вообще, убирайтесь отсюда. По кубрикам, живо! Я поговорю с Эджером... но если кто-нибудь из вас сунется в док — своей рукой пристрелю, честное слово. По кубрикам!

Десантники кинулись к лифту.

Сигни вернулась в рубку, обедала взглядом офицеров, занявших боевые посты. Графф, изрядно выпачканный кровью, уже был здесь.

— Почистись, — приказала ему Сигни. — Марио, спускайся в кубрик. Мне нужны фамилии и личные номера тех «аустралийцев». И еще — рапорт, составленный по всей форме. Сейчас же.

— Есть капитан. — Марио козырнул и поспешил отбыть.

Сигни ходила взад и вперед по рубке, пока не спохватилась, что ей предстоит идти на борт «Европы». На ее мундире остались кровавые пятна, но она решила не переодеваться.

— Графф остается за меня, — отрывисто произнесла она. — Макфарлэйн, я иду на «Европу», подбери мне эскорт. Быстро!

Она не взяла с собой оружия. Ей оно для визита на флагман не полагалось, да и док охранялся надежно. Однако Сигни чувствовала бы себя гораздо спокойней, покинув «Норвегию» обнаженной, но с пистолетом в руке.

5

Пелл: «Европа»; синий док; 1/8/53; 21-05

На этот раз Мациан не задержался, хотя ожидали его всего лишь двое капитанов — Том Эджер и Сигни Мэллори. Эджер прибыл на борт «Норвегии» раньше Мэллори, но ее это не огорчало и не тревожило.

Мациан расположился во главе стола и устремил на Сигни пылающий взгляд.

— Ну, так где же ваш рапорт?

— Будет, — пообещала она. — Мне необходимо время, чтобы опросить моих людей и установить личности злоумышленников. Ди переписал их фамилии и номера, прежде чем в него выстрелили.

— Он прибыл туда по вашему распоряжению?

— Сэр, солдатам с «Норвегии» не дано приказа стоять в стороне и спокойно глядеть на преступление. Мой десантник попросил эту женщину назвать свое имя и личный номер и получил грубый отказ. Услышав, что она арестована, женщина выхватила пистолет и открыла огонь по офицерам.

Взор Мациана перебежал на Эджера и вернулся к Сигни.

— Я слышал другую версию: что вы не позволяете вашим десантникам ходить поодиночке, что даже в так называемых увольнениях они выполняют ваши приказы, расхаживая целыми отделениями с офицерами во главе, насаждая в доках свой порядок. Что поведение десантников и экипажа «Норвегии» на станции — это надругательство над субординацией, откровенное провоцирование и злостное неподчинение моим приказам.

— Сэр, отпуская солдат в увольнение, я не

возлагаю на них никаких обязанностей. Но и не возбраю ходение группами, поскольку так безопаснее посещать бары, доступные всем, кроме военнослужащих с «Норвегии». Нетерпимое отношение к моим подчиненным культивируется во всех экипажах, и неделю назад я направила вам жалобу по этому поводу.

С минуту Мациан молча смотрел на нее, медленно барабанил пальцами по столу. Наконец, повернул голову к Эджеру.

— Я не спешил протестовать, — заговорил Эджер, — но обстановка сейчас тяжелая. Очевидно, сказывается разница во взглядах на управление Флотом в целом. По причинам, угадывать которые мне не хочется, в некоторых экипажах и подразделениях пестуется фанатичная преданность своим капитанам и кораблям.

Сигни набрала полную грудь воздуха, уперлась ладонями в стол, но справилась с гневом и осталась в кресле. Ярость сменилась холодной рассудочностью. Эджер и Мациан всегда были близки, даже слишком близки, давно подозревала она. Тут, как говорится, третий лишний. Сигни справилась с дыханием и откинулась на спинку кресла, глядя только на Мациана. Идет война, и «Норвегия» приходится лететь по самой что ни на есть крутой дуге, покоряясь амбициям Мациана и Эджера.

— Стрельба по своим, — заговорила она, — это всегда очень большая неприятность. Господа, мы с вами — старейшие на Флоте. Я знаю, что нам предстоит, знаю, что моя деятельность по наведению порядка на станции — мартышкин труд. По вашему приказу я выполняла черную работу, и выполняла ее неплохо. Я не делилась своими догадками с экипажем и десантниками «Норвегии», предпочитая плыть по течению. Солдатам позволено делать все, что им вздумается, поскольку нас не заботит, какую память о себе мы оставим. Пелл будет снят с шахматной доски, его выживание противоречит нашим интересам. У вас теперь совершенно иные планы, и вы подводите нас к ним постепенно, чтобы не травмировать нашу психику. Когда вы наконец раскроете карты, нам останется только признать: да, ваш вариант — единственно разумный. Солнечная, не правда ли? Земля? Но нам не добраться до Солнечной, если на Пелле исчезнет дисциплина — цемент, на котором десятилетиями держался Флот. Мы не долетим, если наши экипажи и пехота, подчиненные одному командиру, разучатся действовать самостоятельно. А ведь именно к этому приведет дискриминация. Подумать только: меня учат командовать «Норвегией»! Если это будет продолжаться, наш Флот расплывется по швам. Каждая победа Флота — заслуга свободного корабля. Подстригите нас под одну гребенку, и мы станем предсказуемы, а поскольку наши корабли можно перечесать по пальцам, от нас и следа вскоре не останется.

— Забавно, — тихо проговорил Мациан. — Вы ратуете за изоляцию экипажей и при этом больше всех пеняете на отсутствие дисциплины. Занятная софистика, вы не находите?

— Мне приказали встать в строй, изменить сложившийся на моем корабле порядок. Я подчинилась, но мои люди восприняли это как оскорбление, нанесенное не им, а «Норвегии». А чего еще вы ожидали, сэр?

— Ваши люди вошли в бар и отняли пленных у солдат, которые произвели арест. Вам это не напоминает захват чужих трофеев?

— Захват чужих трофеев? Отбить пленных у толпы пьяных отпускиников в портовом кабаке?

— В доковой штаб-квартире, — буркнул Эджер.

— В этой вашей «доковой штаб-квартире» было

полно нетрезвой и буйной солдатни, и куда, повольте спросить, подевался дежурный офицер? Между прочим, один из пленных — собственность «Норвегии», а второй — высокопоставленный стационарный чиновник, оказавший мне существенную помощь при оборудовании доков для нашей стоянки.

— В этом экссесе погибли двое моих десантников, — зло проговорил Эджер. — В перестрелке. Скоро мы выясним, кто ее начал.

— Я тоже постараюсь это выяснить, капитан. И позабочусь, чтобы вы получили копию доклада о расследовании.

— Капитан Мэллори, — произнес Мациан, — вы подадите мне рапорт, и незамедлительно. А что касается пленных, то меня не интересует, как вы поступите с ними. Мне безразлично, на каком они корабле. Капитан Мэллори, нравится это вам или нет, но вы — в строю.

Сигни не шелохнулась и не отвела глаз под жестким взглядом Мациана.

— Даже не зная, куда придется маршировать?

— Вы знаете, куда мы маршируем. Все ваши предположения правильны.

— Хорошо, — спокойно произнесла она, кольнув Эджера взглядом и снова посмотрев на Мациана. — Я согласна учиться строевому шагу. Я буду исполнять приказы точно так же, как и все остальные капитаны. Мне непривычно играть в команде, но это поправимо.

Мациан кивнул. Его красивое актерское лицо осталось совершенно бесстрастным.

— Итак, проблема улажена. — Он встал, подошел к буфету, вытащил из зажимов бутылку бренди, а из застекленного отделения рюмки и наполнил их. Вернулся, поставил рюмки перед собой, затем обеими руками подвинул две Эджеру и Сигни. — Надеюсь, она улажена раз и навсегда. — Он отпил. — Будут еще жалобы?

«Если и будут, то не от меня», — подумала Сигни, глотая жидкое пламя. Эджер мрачнел на глазах.

— Второй вопрос, — продолжал Мациан, не дождавшись ответа. — Вы, Мэллори, его уже затронули. Действительно, расположение Пелла — причина нашего беспокойства. Я верю, что информация, которую вы сейчас получите, не выйдет из нашей теплой компании.

«После этого спектакля», — мысленно договорила Сигни, а вслух сказала:

— Да, сэр.

— Обойдемся без формальностей. В надлежащее время каждый капитан получит инструкции. Вы, Мэллори, — стратег, причем один из лучших. Вы приступите к действиям раньше всех, и вам это известно. Собственно, вы бы уже приступили, если бы не злополучный инцидент с Гофортом.

У Сигни загорелись щеки. Она опустила рюмку.

— Спокойнее, старый товарищ, — тихо произнес Мациан. — Скоро мы улетим, самое позднее — через неделю. Погрузка почти закончена. Наш уход застанет Унию врасплох. Мы отнимем у нее инициативу, а взамен оставим проблему.

— Пелл.

— Вот именно. — Он допил бренди. — Константин у вас. Он не должен вернуться, а Лукаса мы уберем сами. Все их теки либо на рабочих местах, либо в тюрьме. Все, кто способен отремонтировать комп и аппаратуру контрольного центра, то есть привести Пелл в норму. Вам предстоит разгромить станцию и позаботиться о том, чтобы не осталось персонала, способного ее восстановить. Особенно опасен Константин — он не только знает комп, но еще и популярен. Шлюзуйте его.

Сигни растянула губы в подобие улыбки.

— Когда?

— Он уже поеха. Разделайтесь с ним, но тайно. Без свидетелей. Порей займется другим — Эмилио Константином. Полная «чистка», Мэллори. Уния не получит от нас ничего пригодного. И беженцев с Пелла не будет.

— Ясно. Выполню, сэр.

— При всех ваших неладах, вы с Томом проделали отличную работу. Меня очень интересовало, куда запропастился Константин. Да, превосходная работа.

— Я догадываюсь, что произойдет дальше, — бесстрастно произнесла Сигни. — Комп уже подготовлен, ключевой сигнал полностью выведет его из строя. По-прежнему неизвестно, где спрячутся два оператора компа. Завтра я окончательно закрою зеленую. Все, кто не сдастся, отправятся в шлюз. Так или иначе, эта проблема будет решена. У меня есть приметы исчезнувших опов. Я воспользуюсь услугами информатора Нго и его семьи.

— Мои люди окажут содействие, — пообещал Эджер.

Сигни кивнула.

— Вот и славно, — сказал Мациан. — Сигни, это именно то, чего я от вас ожидаю: довольно грызни за прерогативы. Ну а теперь, может, приступим к делу?

Сигни осушила бокал и поднялась, чуть позже встал Эджер.

Сигни улыбнулась, попрощалась кивком только с Мацианом и удалилась нарочито легкой походкой. «Ублюдок», — подумала она, шагая к лифту.

Лифт мигмом опустил ее на нижнюю палубу, где эскорт Сигни стоял навтыжку и упорно не смотрел на десантников «Европы», проходящих туда и обратно через двери экипировочного отсека. Поблизости маячила тройка «европейцев» — их развязные улыбки слетели, как только Сигни появилась в дверях лифта.

Забрав свиту, она прошла через шлюз и по «пуговине» спустилась в док.

6

Пелл: «Норвегия»; синий док; 1/8/53; 23-00 ос; 11-00 дс

Ей основательно полегчало, когда она смогла передохнуть и принять ванну, когда в доке восстановился порядок и в рубку «Норвегии» поступили рапорты. Сигни не надеялась, что десантница с «Австралии», стрелявшая в Ди, будет наказана — во всяком случае, публично. Но эта мерзавка больше не осмелится разгуливать там, где можно встретить солдат Мэллори.

Ди Янца перевели из операционной. Он уже мог сидеть и внятно ругаться, и это было верным признаком поправки. Сейчас возле него дежурил Графф, а мед составил длинный список офицеров и солдат, претендующих на роль добровольных сиделок. Сигни это только радовало, а грозный Ди, узнай он о столь массовом проявлении трогательного сочувствия к себе, наверное, был бы просто потрясен.

Передышка. Выиграно несколько часов покоя до завтра, до операции в зеленой. Сидя наискось в кресле посреди каюты, она уперла ступни в койку и неловко наполнила стакан. «Жалко, что здесь нет Ди или Граффа, — подумала она. — Посидели бы, поговорили».

Сигни могла бы и сама пойти к ним, прихватив бутылку. Но Ди захочет подробно рассказать, что с ним приключилось, а волноваться ему вредно.

Впрочем, можно поболтать с кем-нибудь другим. Сигни поколебалась, выбирая одного из двух, затем

вызвала гауптвахту. «КОНСТАНТИНА КО МНЕ».

Бренди не успокаивало, ее по-прежнему тянуло мерить шагами каюту. Было бы что мерить. Завтра...

Проклятые мысли, никак от них не отделаться. Сто двадцать восемь шпаков умерщвлено при очистке белой секции. Страшно даже вообразить, что будет в зеленой, где скопились те, у кого есть причины бояться опознания. Все они могут отправиться в шлюз, если в самое ближайшее время не будут найдены два квалифицированных комптеха. Что ж, это разумное решение... Мгновенная ликвидация всех без разбора. Зато — твердая уверенность, что комптехи не доставят хлопот. И разве такая смерть не милосерднее участи тех, кто останется на разоренной станции? «Хансфорд», увеличенный во сто крат. Троянский конь, оставленный униятам. Гниющие мертвецы и вонь, непереносимая вонь...

Открылась дверь. Сигни посмотрела на троих десантников и Константина — умытого, в коричневой робе и с лейкопластырями на лице — следами работы меда. «Неплохо выглядит», — подумала она рассеянно, наклоняясь вперед и опираясь локтем о стол.

— Хотите поговорить? — спросила она. — Или напротив?

Константин промолчал. Видя, что он не намерен буяннить, Сигни жестом отпустила конвой.

— Где Джош Толли? — спросил он наконец.

— Где-то неподалеку. Вон там, в баре, стаканы. Хотите выпить?

— Я хочу, — ответил он, — чтобы меня отпустили. Чтобы станцию передали в руки законного правительства. И предоставили ему мартиролог ваших жертв.

— Даже так?! — она рассмеялась, узнавая натуру Константина-младшего. — Я вижу, вы хотите присесть. — Она указала на койку. — Садитесь, мистер Константин. Садитесь.

Он сел. «Безумец», — подумала Сигни, глядя в такие же, как у его отца, бесстрашные черные глаза.

— Надеюсь, на самом деле вы не питаете иллюзий, — произнесла она. — Или питаете?

— Нет.

Она кивнула, с сочувствием разглядывая Дэймона. Красив, молод. Хорошо говорит, хорошо держится. У них с Джошем очень много общего. Сигни тошнило от войны. Такие симпатичные мальчишки превращаются в трупы... «Будь ты простым станционером... — мысленно обратилась она к Дэймону. — Но тебе досталась фамилия Константина, и, значит, ты обречен. Слишком уж популярна эта фамилия на Пелле».

— Выпьете?

На этот раз он не отказался. Сигни отдала ему свой стакан, а себе оставила бутылку.

— Скажите, — произнес Дэймон, — Джон Лукас — ваша марионетка?

Не было необходимости мучить его ложью.

— Он исполняет наши приказы.

— На очереди у вас — зеленая?

Она кивнула.

— Дайте мне поговорить с ними по кому. Я сумею их урезонить.

— Чтобы сохранить свою жизнь? Или чтобы сместить Лукаса? Ничего не выйдет.

— Чтобы спасти людей.

Она мрачно рассматривала его несколько секунд.

— Вам не подняться на поверхность, мистер Константин. Вы исчезнете, причем совершенно незаметно. Думаю, вы это понимаете.

На бедре у Сигни покоился пистолет. Она положила руку на рифленый пластик, не из опасения, а просто на всякий случай.

— Знаете, если бы я нашла всего-навсего двух человек, отпала бы необходимость в шлюзовке целой секции. Мне нужны Джеймс Мюллер и Джудит Кроуэлл. Поможете их разыскать — спасете человеческие жизни.

— Я не могу вам помочь.

— Вы не знаете этих людей?

— Я не знаю, где они. Вряд ли они вообще живы, а в зеленой их нет наверняка. Я долго искал их там.

— Мне очень жаль, — проговорила она. — Ну что ж, мистер Константин, я сделаю все, что смогу, обещаю вам.

Вы культурный человек, представитель исчезающей породы. Будь у меня возможность выручить вас, я бы не раздумывала, поверьте. Но на меня давят со всех сторон.

Дэймон промолчал. Косясь на него, Сигни хлебнула бренди из бутылки. Он глотнул из стакана.

— Что с моими близкими? — оборвал он долгую паузу.

Рот Сигни искривился.

— Они в безопасности, мистер Константин. В полной. Мать исполняет все наши требования, да и брат ведет себя вполне благообразно. Продукция поступает с Нижней без перебоев, и у нас нет оснований смещать его с должности начальника колонии.

У Дэймона задрожали губы. Он допил бренди, Сигни наклонилась вперед и подлила еще. Наклонилась с расчетом — пистолет в руке Константина чрезвычайно облегчил бы ее задачу. Оставить его в живых до завтрашнего вечера слишком жестоко.

Бренди не помогло ей избавиться от кислоты во рту. Она протянула Дэймону бутылку.

— Возьмите с собой, мистер Константин. Сейчас я намерена отпустить вас в каюту. Честь имею.

Он встал и направился к выходу, оставив бутылку на столе, и оглянулся, когда дверь не поддавалась. Сигни вызвала вахтенного офицера.

— Уведите пленного. Зайдите по пути за Джошем Толли.

Глаза Дэймона тревожно блеснули.

— Я знаю, — кивнула Сигни. — он собирался убить меня. Но с тех пор он основательно изменился, не правда ли?

— Он помнит вас.

Она невесело улыбнулась.

— Тем и живет, что помнит, верно?

— Позвольте мне поговорить с Мацианом.

— Едва ли от этого будет прок. Да он и не согласится вас выслушать. Неужели вам невдомек, откуда на вас сыплются неприятности? Я исполняю его приказы.

— Когда-то Флот служил Компании. Он был наш. Мы вам верили. Все станции на вас надеялись, не на Компанию, а на вас. Что произошло?

Сигни потупилась — не сумела выдержать тоскливый взгляд Константина.

— Кое-кто сошел с ума, — заключил Дэймон.

Сигни нечем было возразить.

Возле двери вспыхнула лампочка. Нажатием на клавишу Сигни отперла замок. Ввели Джоша Толли, они с Дэймоном переглянулись, будто спросили друг друга о чем-то.

— Все в порядке? — проговорил Джош через секунду.

Константин кивнул.

— Мистер Константин уходит, — вмешалась Сигни. — Прошу, Джош.

Он приблизился, обеспокоенно косясь на Дэймона. Дверь закрылась, отгородив их друг от друга. Сигни снова потянулась за бутылкой, наклонила ее над стаканом, оставленным Дэймоном на краю стола.

Джош тоже был умыт и от этого выглядел лучше. Щеки его глубоко ввалились, но глаза были живыми.

— Не угодно ли присесть. — Уж теперь-то Сигни знала, чего ожидать от гостя. Джош всегда был уступчив, лишь однажды поддался помрачению. В тот раз он нашел ее на станции и закричал еще от дверей.

Джош пожал плечами и сел. Он мастерски напустил на себя безучастный вид.

— Как в былые времена. — Сигни отпила из стакана и хмыкнула. — А он порядочный человек, этот Дэймон Константин.

— Да, — подтвердил Джош.

— Ты все еще хочешь убить меня?

— Ты не самая большая гадина на свете.

Сигни хмуро улыбнулась, но улыбка тотчас увяла.

— Ты знаком с Мюллером и Кроуэлл? Слышал когда-нибудь эти фамилии?

— Эти фамилии мне ни о чем не говорят.

— Неужели ты не знаком ни с кем из техов, знающих станционный комп?

— Нет.

— Ну что ж, это был единственный официальный вопрос. Очень жаль, что ты никого не знаешь.

— Кто эти люди? Зачем они тебе? Что они сделали?

Вопросы? Джош никогда не задавал ей вопросов.

— Ты согласился на Урегулирование, — сказала она. — Объясни, что ты затевал, когда тебя взяли «австралийцы»?

Молчание.

— Те люди мертвы, Джош. Что толку скрывать?

Его глаза блуждали по каюте — знакомый безучастный взгляд. «Красив, — в тысячный раз подумала Сигни об этом человеке. — Еще один обреченный. Его нельзя пощадить: он безумец и после смерти Константина станет очень опасен. Завтра, — сказала она себе. — Это случится не позднее завтрашнего дня».

— Я униатский солдат, — промолвил он. — Но не простой. Спецслужба. Ты знаешь, как я сюда попал. И был еще один такой — он проник сам, так же, как и на Маринер. Его звали Габриэль, и он готовил диверсию. Против вас работал он, а не Константин. Дэймон ни в чем не виноват, у него отец погиб из-за Габриэля и пропала жена. Люди, которых вы держите во главе Пелла, — убийцы, завербованные Габриэлем. Мэллори, ты схватила не того человека. Нужно арестовать Лукаса — он плясал под дудку Габриэля.

Хмель вылетел из нее, как под натиском студеного сквозняка. Сидя со стаканом в руке и глядя в светлые глаза Джоша, Сигни вдруг обнаружила, что ей тяжело дышать.

— Ну и где он, этот Габриэль?

— Убит. Вы уничтожили верхушку заговора. Габриэля, парня по фамилии Коледи и еще одного, Крессича. На станции Габриэля знали как Джессада. Всех троих убили десантники, когда брали нас. А Дэймон не знал ничего, ровным счетом ничего.

— Значит, это ты привел его туда?

— Да, я.

— Он знал о тебе правду?

— Нет.

Сигни набрала полную грудь воздуха и неторопливо выдохнула.

— Думаешь, нам не все равно, как Лукас пробрался к власти? Он наш холуй.

— Постарайся понять меня. Все кончено. Вам не за кем больше гоняться. Вы победили. Новые убийства будут абсолютно бесполезны.

— И мне следует положиться на слово униата?

Никакого ответа. Но Джош не сбежал от нее в

никуда — глаза его оставались живыми и наполненными болью.

— Джош, ты правильно сделал, что рассказал. Это настоящий мужской поступок.

— Никакой это не поступок. Я рожден с одной-единственной целью. Все мое прошлое — программа. Когда на Расселе и здесь из меня тянули душу, за ней не было ничего. Я — пустышка, Мэллори. Фальшивка, кукла. Я служил Унии, потому что запрограммирован на это. На самом деле я ни к кому и ни к чему не испытываю привязанности.

— Совсем ни к кому?

— К Дэймону, — ответил он.

Сигни осушила стакан, буравя Джоша задумчивым взглядом.

— Так зачем же ты втянул его в заговор Габриэля?

— Думал, что нашел путь к спасению. Надеялся захватить шаттл и увезти Дэймона на Нижнюю. У меня к тебе предложение.

— Кажется, я догадываюсь...

— Посадить его на шаттл и отправить на Нижнюю в твоей власти. Помоги ему выбраться отсюда, если больше ничего не можешь.

— Как? Ты не хочешь, чтобы мы вернули ему власть над Пеллом?

— Ты сама сказала: Лукас только открывает и закрывает рот, и ничего другого вам не надо. Вы всегда к этому стремились. Помоги Дэймону. Спасибо. Ну что тебе стоит?

Сигни посмотрела на Джоша и снова опустила глаза на бокал.

— За твое «спасибо»? Недурное предложение. Это выглядело бы просто глупо с моей стороны, не находишь?

Она нажала клавишу:

— Уведите его.

— Мэллори...

— Я подумаю над твоим предложением, — перебила она.

— Можно мне с ним поговорить?

Поразмыслив, она кивнула.

— Пожалуй. Хочешь рассказать все, как было?

— Нет, — ответил он севшим голосом. — Я не хочу, чтобы он узнал. Мэллори, в мелочах я тебе доверяю.

— И ненавидишь меня всеми потрохами?

Он встал и, глядя на нее сверху вниз, отрицательно покачал головой. Вспыхнула лампочка у двери.

— Ступай, — велела Сигни и повернулась к десантнику, появившемуся в дверном проеме. — Отведи его к приятелю. Предоставь им все удобства, о которых они попросят. В разумных пределах, конечно.

Джош вышел вместе с конвоиром. Дверь закрылась, щелкнул замок. Несколько минут Сигни не двигалась, затем положила ноги на койку и снова застыла в неподвижности.

Ей пришло в голову, что на заключительном этапе войны Константин мог бы пригодиться. «Допустим, Уния клонет на нашу удочку — займет и восстановит Пелл. Вот тут-то и понадобился бы Константин. Не будь он полной противоположностью Лукаса. Нет, он для нас бесполезен. Мациан ни за что не согласится. Единственный выход — шаттл. И никто не узнает об этом, если Флот не задержится в системе Пелла. Униатам очень сложно удастся выловить молодого Константина из кустов, а тем временем мы выполним до конца стратегический план. Станция погибнет, Уния лишится базы...». Сигни налила себе еще бренди и сдвинула стакан до белизны на суставах пальцев.

Униатский диверсант... Сигни все еще не могла оправиться от замешательства, злилась и насмеялась над собой: вот что случается, когда забываешь

пословицу «в тихом омуте черти водятся».

Она сидела, сложив руки на груди и глядя на стол. Наконец сделала еще один глоток, протянула руку и пробежалась пальцами по клавиатуре компа.

Сигни нажала несколько клавиш, включая ком. и первым делом обратилась к Граффу:

— Поднимайся в рубку.

Она поочередно связалась с остальными постами, а когда вахтенный офицер доложил о выполнении задания, вызвала военюпа Тихо. Затем опорожнила стакан и встала, радуясь, что голова осталась довольно ясной — по крайней мере, палуба не шаталась — и, накинув на плечи китель, вышла за дверь и направилась в рубку. Там она окинула взглядом офицеров обеих вахт, с недоумением смотревших на нее.

— Включить бортовую связь, — приказала она. — Слушать на всех постах и в кубриках.

Комтех нажал главную кнопку.

— Нас гонят из доков, — произнесла Сигни, включив микрофон на воротнике центрального пульта, к которому вели изогнутые проходы. — Внимание. Занять боевые посты. Мы уходим.

Мгновение царила мертвая тишина. Затем все засуетились. Загудели пульты, завывла сирена, над головами запылали красные лампы.

— Отходим без расстыковки! Рывком! — Сигни бросилась на свой диван и схватила ремни безопасности.

— Мистер Графф, оторвите корабль от Пелла и гоните... — она резко втянула воздух, — туда, где нас сам дьявол не сыщет. Потом я вас сменю.

— Инструкции? — спокойно осведомился Графф.

— Если по нам откроют огонь, отвечать?

— Все скрыт-камеры открыты, мистер Графф. Стартуйте.

Графф ввел в память компа список команд, затем убедился, что каждый человек на борту «Норвегии» находится на своем посту и компу это известно. На экранах засветился предполагаемый курс: облет по дуге вокруг станции, затем вокруг планеты в угрожающей близости от атмосферы, и наконец — под прикрытием Нижней — разгон и прыжок.

— Мэллори! — прогремел голос по межкорабельной.

Дополнительная смена. Капитаны в койках. Матросы и десантники рассеяны по доку. И «Норвегия» рвет «пуповины»...

«Тихий» и «Атлантика» бросились наперехват. Им не пришлось тратить время на расстыковку, но от «Норвегии» их заслоняла Нижняя. Сейчас куда опаснее была «Австралия» — она оторвалась от станции и летела вдогон.

— Боекомп, — скомандовала Сигни, — прикрыть хвост. Это Эджер. Ну-ка, всыпьте ему.

Никаких квитанций в таких случаях не полагалось. Пальцы военюпа отстучали дробь по клавиатуре. Вспыхнули лампочки, засветились все экраны.

У «Норвегии» не было рейдеров в хвостовом прикрытии, а у «Австралии» — в носовом. Боекомп «Норвегии» задрал все люки, разделив ее на сегменты с автономным жизнеобеспечением. Нарастала гравитация — рейдероносец перешел в режим боевого синхронизма и лег на рассчитанный электроникой курс. Один из рейдеров «Норвегии» обстреливал матку очередями вопросов. Сигни молчала.

На экране вида росла Нижняя. Рейдероносец все еще набирал скорость. В рубке запылали красные лампы, предупреждая о возможности столкновения с преследователем. «Австралия» огромна — значит, велика и опасность столкновения.

Ослепительно вспыхнули экраны и лампы. По «Норвегии» стреляли.

Пелл: синий док; «Европа» 24-00; 12-00 дс

— Нет! — сгорбившись над консолью, Мациан прижимал к уху мини-динамик. В рубке царила суматоха. — Оставайтесь на местах. Приготовьтесь забрать пехоту. Предупредите всех десантников: синий док разгерметизирован. Зеленый! Братъ на борт всех наших без разбора. Как поняли?

Сквозь шум в динамике донеслись голоса капитанов. Пелл низвергался в хаос, воздух уносился в космос сквозь разорванные «пуповины», давление в секции падало. Между «Европой» и «Индией» плавали обломки и тела десантников, напором воздуха выброшенные через «пуповины» сечением два на два.

«Пуповины» были разорваны без предупреждения. Едва началась декомпрессия, автоматически закрылись корабельные шлюзы, преградив путь к спасению даже тем, кто был к нему близок.

— Кеу, — потребовал Мациан, — докладывай.

— Я отдал необходимые распоряжения. Вся пехота стягивается в зеленый.

— Быстрее! Бегом! Порей? Порей, ты меня слышишь?

— Порей на связи. Прием.

— Передай своим: базу на Нижней ликвидировать. Со всем персоналом.

— Есть, сэр. — Голос Порей дрожал от злости.

«Мэллори!» — мысленно воскликнул Мациан. Для него эта фамилия стала ругательством. Проклятием.

Одно хорошо: он еще не утвердил план, не отдал приказы. Флоту предстоит действовать с учетом изменившейся обстановки. По наихудшему из сценариев.

Взорвать аппаратуру в центре управления. Сейчас же отправить туда десантников. Разрушить все ценное.

Солнечная. Земля. Другого пути нет.

«Мэллори... Ну, попадешься ты мне...»

Пелл: центральная; 24-00 ос; 12-00 дс

Джон Лукас перевел взгляд с экранов, что показывали разруху в секциях, на взбесившиеся пульты. Между ними суетились перепуганные техи, не успевающие принимать вызовы и реагировать на аварийные сигналы.

— Сэр, — подскочил один из них к Джону. — Сэр, в синей заперты солдаты! В задраенном отсеке! Спрашивают, можем ли мы их выручить и сколько им ждать.

Джон оцепенел. У него закончились ответы, а указания Мациана больше не поступали. Десантники внезапно ушли, осталась только личная охрана Лукаса. Его личный и неотвязный кошмар.

Они держали техов на прицеле.

Повернувшись к Хэйлу, Джон дал ему знак включить шлемоком и потребовать у Флота инструкций. Спросить, что происходит: нападение или авария? Почему рейдероносец Флота ни с того ни с сего срывается со швартов, проносится над головами станционеров, и три корабля бросаются за ним вдогонку?

Внезапно Хэйл и его люди — все разом — замерли и прислушались к голосу, доступному, видимо, только им. Затем — тоже все разом — повернулись к Джону и вскинули ружья.

— Нет! — закричал он.

Нижняя: главная база; 24-00 ос; 12-00 дс;
местная ночь

Они почти не надеялись поспать, но все же такая возможность выдалась. Некоторые люди и хиза заночевали в карантинном куполе, остальные снаружи, в грязи, прямо в одежде. Мельницы работали круглосуточно.

Разбуженный лязгом обеих дверей шлюза, Эмилио обратился в слух. Неужели пора вставать? Быть этого не может, ведь он уснул минут десять назад, не больше. По куполу постукивал дождь, кругом под множеством ног скрипел гравий. Шаттл. Обе смены рабочих поднимали только на погрузку. Но прилета шаттла не ожидалось.

— Подъем! — закричал солдат. — Все на выход!

Эмилио зашевелился. Рядом со стонами просыпались люди и низовики; морщились, когда в глаза ударял свет яркого фонаря. Скотившись с кушетки, Эмилио скрючился — ноги свело судорогой.

В душе зашевелился страх. Подобных ночных побудок на его памяти не бывало. Он застегнул комбинезон, надел дождевик, нащупал на груди дыхательную маску. Снова по глазам резануло светом. Вместе с толпой он направился к шлюзу, прошел через обе двери и по деревянной лестнице поднялся на тропинку. Сразу несколько человек направили фонари ему в лицо. Он прикрылся ладонью.

— Константин? Собери низовиков.

Он попытался рассмотреть говорившего, но на глаза наворачивались слезы. Со второй попытки он разглядел несколько силуэтов, а чуть подальше — толпу, идущую с мельниц. Значит, все-таки шаттл. Нет причин для беспокойства.

— Эй, а ну выходи! — крикнул кто-то в куполе. Наружный люк открылся и уже не закрывался под напором человеческих тел. Купол быстро провисал, теряя воздух.

Чья-то маленькая, как у ребенка, рука сжала кисть Эмилио. Он наклонил голову. Топотун. Вокруг собрались все низовики базы, испуганные светом и грубыми голосами.

— Ну что, все вышли? — спросил солдат.

— Все, — отозвался другой. Голоса звучали необычно. Зловеще. Внезапно остальные детали — дождь и свет, водяные блестящие на доспехах — обрели откровенно пугающий смысл. Беда! Эмилио показалось, будто он на краю бездонной пропасти. Солдаты засуетились, взяли ружья наизготовку...

— Бей их! — закричал он что было мочи и бросился на шеренгу. Выстрел опалил его ногу; в следующий миг он отбил ствол в сторону, рывком раздвинул чужие руки и толкнул защищенное панцирем тело. По спине Эмилио замолотили кулаки в жестких рукавицах, а он, не замечая боли, сорвал с поверженного солдата респиратор и обрушил град неистовых ударов на лицо. Грянул залп, рухнуло несколько человек. Пригоршней грязи — оружием Нижней — Эмилио залепил своему противнику лицевую пластину и отверстие для респиратора, затем нащупал и сдавил горло под кольцами доспеха.

Крики людей и визг низовиков терзали перенасыщенный влагой воздух. Над головой Эмилио хлопнуло, и солдат под ним затих. Нащупав в густой грязи его оружие, Эмилио откатился в сторону, глянул прямо в наведенный на него ствол и расплавил его выстрелом в самое последнее мгновение. Затем чей-то луч раскалил панцирь на груди десантника, и он зашатался, взыв от боли. За спиной Эмилио, возле купола, затрещали ружья. Слыша

крики низовиков, он палил по каждому, на ком видел доспехи.

Несколько секунд спустя его залило светом. Эмилио снова откатился и выстрелил, не надеясь попасть. Но свет погас.

— Бежать! — заверещал над ним хиза. — Все бежать!

Эмилио попытался встать. Хиза ухватил его за руку, другой бросился на подмогу, и они потащили Эмилио под прикрытие купола, где уже пряталось несколько человек. Их обстреляли с холма — с тропинки, что вела к взлетно-посадочной площадке. К кораблю.

— Остановите их! — крикнул Эмилио тем из своих подчиненных, кто мог его слышать. — Отрежьте путь.

Припадая на раненую ногу, он пробежал метров десять. Рядом с шипением били в грязь пучки энергии. Затем его обогнали колонисты с ружьями и низовики.

— Там иди! — визгливо крикнул хиза. — Ты иди с я!

Эмилио упрямо тащился вперед и стрелял наугад, не обращая внимания на низовика, что силился увлечь его в заросли. Под ответным огнем десантников упал колонист, но вскоре вдоль опушки леса, огибавшего базу полукольцом, загворили пистолеты, укладывая одного солдата за другим, а уцелевших обращая в бегство. Эмилио заковылял следом за отступающим противником. Десант скрылся за гребнем холма. Наверняка он вызвал подкрепление, а могучие корабельные пушки нацелились на тропу, чтобы смести колонистов с вершины, едва они там покажутся. Эмилио выругался и, опираясь на ружье, поспешил за колонистами, которые не остановились по его приказу.

— Пригнитесь! — крикнул он, воображая с ужасом, как разведчик взмывает над тысячами людей и хиза. Солдаты отступили в безопасное место, они защищены доспехами, и стоит Эмилио и его людям подняться на холм...

Они поднялись. Сполохи залпа растерзали мрак, и многие из наступавших попадали. Через несколько шагов Эмилио упал на живот. Перед освещенным шлюзом корабля строились десантники; прикрывая их, огненные копья просекали воздух и впились в кипящую землю. Вот-вот солдаты скроются за броней люка, корабль взлетит, испепелит и колонистов, и туземцев...

На взлетно-посадочную площадку нахлынула тень. Десантники, стрелявшие из шлюза, заметили ее, должно быть, подняли тревогу. Некоторые солдаты у трапа повернулись к призрачной черной волне.

Эмилио открыл огонь им в спину. Леденела кровь от страшной догадки, от ожидания чудовишной беды. Кое-как он поднялся на колени, не замечая вражеских лучей, целясь в отверстие люка. Черная волна перехлестнула через своих павших, затопила шлюз и тотчас обратилась вспять.

В шлюзе всколыхнуло пламя, выплеснулось на солдат и нападавших. Раздался грохот, воздушная волна оторвала Эмилио от земли. Он рухнул навзничь в грязь и больше не шевелился. Тишина... Бой закончен, только дождевые капли шлепаются в лужи.

Вокруг прыгали, бегали и щебетали низовики. Надо было встать и спуститься на площадку, туда, где погибли его люди, подбросившие взрывчатку в шлюз...

Вспыхнули бортовые огни, заработали двигатели, и новые пучки энергии обрушились на склон.

«Живы, подонки!» — от ярости Эмилио заскрежетал зубами, едва ощущая чужие руки, которые хватили его за плечи и бока и силились оттащить

за гребень. Низовики подползали к нему со всех сторон, в их щебете звучала мольба.

Затем умолкли и двигатели, и пушки. Огни мигали, но было ясно: кораблю уже не оторваться от поверхности планеты. Из шлюза просачивался дым.

Эмилио приподнялся, и низовики воспользовались этим, потащили наверх. Ноги безвольно волочились по грязи. Чья-то узкая ладошка похлопала его по щеке.

— Ты хорошо, ты хорошо, — жалостливо произнес над ухом Топотун.

Они спустились с холма. Низовики стаскивали в котловину убитых и раненых. Вскоре из зарослей начали поодиночке и группами выходить люди и хиза.

— Эмилио! — услышал он голос Милико. Вслед за ней к нему спешили мужчины и женщины. Эмилио собрал остатки сил, поднялся, бросился навстречу жене и крепко прижал к груди... Но спустя мгновение к нему вернулась горечь невозвратимой потери.

— Ито, — проговорила Милико, — и Эрнст. Это они взорвали шлюз.

— Нам не спастись, — сказал Эмилио. — С корабля вызовут большой отряд.

— Не волнуйся, мы включали ком. В лесу. Один сеанс. Один-единственный коротенький сеанс. В святилище — ком второй базы. Мы их предупредили. Они уходят.

Превозмогая слабость, Эмилио оторвался от жены и посмотрел в сторону гребня, заслонявшего корабль. Пламя дюз озарило небосвод, угрожающе рыкнули двигатели — экипажу было уже не до стрельбы, он думал только о спасении.

— Надо спешить, — сказала Милико, поддерживая мужа.

— Спешить, спешить, — подхватили хиза, окружавшие их.

Одни шли сами, других несли хиза. Через гребень, затем — по мокрым зарослям, все дальше и дальше в холмы. Эмилио брел, пока не потемнело в глазах. Он опустился на влажные папоротники, но тотчас дюжина сильных рук подняла его и понесла дальше, быстро-быстро. И наконец — пещера в холме, черный проем среди скальных выходов.

— Милико, — позвал он, испытывая атавистический страх при виде темного узкого лаза. Милико взяла его за запястье, повела за собой и отпустила, когда Эмилио обхватили тонкие мохнатые руки.

— Все будет хорошо, — прошептал на ухо голос Милико. — Мы все здесь поместимся. Не бойся.

ГЛАВА IV

1

«Норвегия»; 00-45 ос; 12-45 дс

Они отстали. «Австралия» повернула, «Тихий океан» сбился со следа. Беда миновала, и как только эта новость разлетелась из рубки по всем каналам связи, Сигни услышала дружный вздох облегчения.

— Не расслабляться! — рявкнула она.

Перед глазами у нее расплывались человеческие лица и аппаратура — возможно, по вине алкоголя, хотя ей казалось, что умопомрачительные маневры полностью выжали из нее хмель.

Урона «Норвегия» почти не понесла.

Сигни поднялась и прислушалась к донесениям дальнего скана, проверяя свои рефлексы. Ноги держали надежно. Она огляделась; вахтенные офицеры, косившиеся в ее сторону, тотчас вернулись к работе. Сигни нажала кнопку общего оповещения.

— Говорит Мэллори. Похоже, «Австралия» реши-

ла, что овчинка не стоит выделки. Она возвращается к Мациану — громить Пелл. Это входит в план командования. Потом Флот отступит к Солнечной и Земле — это тоже входит в план. Он принесет туда войну. Вот так обстоят дела. Но я в этом не желаю участвовать. Если вы согласны подчиниться мне, то мы полетим своим курсом, будем воевать, как прежде. А хотите обратно к Мациану, так нет ничего проще. Выдайте меня, и он охотно вас простит. Он дорого даст за возможность разделаться со мной. Если среди вас наберется достаточно желающих, можете сторговаться с Мацианом, но сама я к нему не вернусь. И никто, кроме меня, не будет командовать «Норвегией», пока большинство из вас не решит иначе.

По всем каналам кома зазвучал неясный шепот. Вскоре в нем появился отчетливый ритм:

«Сигни... Сиг-ни... Сиг-ни... Сиг-ни...»

Ритм перекинулся в рубку:

— Сиг-ни!

Вахта встала со своих мест. Стиснув зубы, Сигни обвела подчиненных взглядом и дала себе слово, что самообладание не изменит ей даже на этот раз. Эти люди принадлежали ей. И «Норвегия».

— Сесть! — рявкнула она. — Что вы себе позволяете?

Опасность еще не миновала — возможно, «Австралия» совершала отвлекающий маневр. Полагаться на скан не стоило: рейдероносцы летели слишком быстро, и местонахождение «Атлантики» с «Тихим океаном» было всего лишь предположительным. Кроме того, они могли выпустить рейдера.

— Попробуем прыгнуть, — сказала Сигни. — Переждем в стороне.

Рейдеры «Норвегии» остались у Пелла. Мациану, наверное, пока не до них. Главное, чтобы экипажам хватило выдержки, чтобы они верили: Сигни вернется за ними при первой же возможности. «Норвегии» позарез нужна защита рейдеров. Для них разумнее всего было бы отойти к предполагаемому укрытию матки. Ведь Сигни никогда их не бросала. И Мациан знал об этом.

Выбросив из головы мысли о рейдерах, она вызвала лазарет.

— Как там Ди?

— Лучше некуда, — ответил грубоватый голос. — Пустите меня к себе.

— Ни за что на свете. — Сигни переключилась на один из кубриков: — Как самочувствие пленных? Кости целы?

— Целехоньки.

— Приведите ко мне обоих.

Она уютно расположилась на диване, рассматривая на экраны и определяя в уме положение Норвегии относительно эклиптики Пелла. Чтобы обезопасить себя при прыжке, корабль отдалялся от станции на полсветовой скорости. Контроль за повреждениями сообщил о полной — до вакуума — декомпрессии пораженного отсека, через пробойину в космическую стужу унеслось кое-что из корабельных внутренностей... К счастью, ничего серьезного. Никого не убило и не ранило, «Норвегия» не утратила способности прыгать. Все перевели дух.

Настало время уходить. Уже около часа по кораблям кочевала весть о бунте у Пелла, и если она еще не дошла до Унии, то дойдет с минуты на минуту. И тогда кораблю-одиночке придется туго, если он задержится у станции.

На пульте перед Сигни вспыхнула лампочка. Капитан развернулась к пленникам. У обоих руки были скованы за спиной — разумная мера предосторожности, очень уж тесны проходы между аппаратурой. Ни разу еще на мостик «Норвегии» не ступала чужая нога, но этот случай был особым,

сейчас у Сигни гостили Джош Толли и Дэймон Константин.

— Приговоренным дана отсрочка, — усмехнулась она.

Видимо, они не поняли. Во всяком случае, оба смотрели на Сигни недоверчиво.

— Мы сбежали из Флота. Дезертировали. И теперь идем куда глаза глядят. В Глубокий. Похоже, мистер Константин, вы останетесь живы.

— Уверен, вы поступили так не из симпатии ко мне.

Сигни рассмеялась.

— Но, как видите, вам это на руку.

— Что произошло на Пелле?

— Ваши подданные уцелели. Помните наш разговор? Теперь Уния стоит перед выбором — спасти Пелл или гнаться за Мацианом. А мы на ее решение повлиять не можем, потому что драпаем.

— Помогите им, — попросил Константин. — Ради Бога, помогите Пеллу. Подождите.

Снова Сигни невесело рассмеялась, глядя в испуганное лицо Дэймона.

— Константин, ну чем мы можем помочь? Беженцев «Норвегия» не возьмет — не приспособлена. Высадить вас под носом у Мациана или униатов? Попросите что полегче.

«Глазом моргнуть не успеем, как нас распялят... А ведь все-таки можно попробовать, — подумала она. — Когда вернемся за рейдерами».

— Мэллори! — Джош приблизился к ней, насколько позволили конвоиры. Он попытался вырваться, и Сигни дала солдатам знак отпустить его. — Мэллори, есть еще один вариант. Переходи, слышишь? Неподалеку отсюда корабль, называется «Молот». Ты можешь искупить свои грехи. Помочь и за это получить амнистию.

Константин изумленно посмотрел на Джоша, затем на нее.

— Он знает? — спросила Сигни Джоша.

— Нет. Переходи, Мэллори. Ну, подумай, сколько ты еще продержишься? Далеко ли сумеешь уйти?

— Графф, — медленно произнесла она. — Графф, мы возвращаемся за рейдерами. Рассчитай прыжок. Как только Мациан выйдет из системы, мы наперез его курсу подскочим к Пеллу, даже, возможно, успеем высадить нашего славного Константина. Пускай попытает счастья...

«Если повезет, выберется на фрахтере».

Константин сглотнул, энергично двинув кадыком, и сжал губы так, что рот превратился в тонюсенькую линию.

— А вам известно, что ваш приятель — униат? — спросила Сигни. — Причем не в прошлом, а в настоящем. Агент Унии. Спецслужба. Наверное, знает много такого, что и нам с вами очень полезно знать в нынешней ситуации.

— Мэллори! — взмолился Джош.

— Графф, — произнесла она, смежив веки. — Кажется, этот униат говорил дело. Скажи, я пьяна или он действительно прав?

— Они нас прикончат, — буркнул Графф.

— Мациан тоже, — возразила она. — Он уходит. К Солнечной. Чтобы залезать раны и поднакопить сил. Флот — уже не боевое соединение, а шайка разбойников и мародеров. Она ищет добычу, чтобы продлить свое существование. Нас это не очень устраивает, правда, Графф?

— Да, — подтвердил Графф. — Не очень.

Сигни вновь оглянулась на Джоша, затем на Константина, чьи глаза осветила страстная надежда. Фыркнув, Сигни повернулась к Граффу, сидевшему за пилотским пультом.

— Курс на униатского наблюдателя. Он выскочит из зоны сканирования, как только почует наше

приближение. Поэтому надо с ним связаться. Попробуем выяснить, каково служить на униатском флоте.

— Надо рвануть к ним напрямиком, но на полпути притормозить, — негромко сказал помощник. Он был прав: Космос широк, но в нем существует вероятность столкновения, и она будет тем выше, чем ближе подойдет «Норвегия» к вектору Пелл — «Молот».

— Рискнем, — улыбнулась Сигни. — Она глянула на Джоша и с горечью добавила: — Поиграю в твою игру, но по своим правилам. Знаешь пароли наблюдателя?

— В моей памяти полно дыр.

— Вспомни хотя бы один.

— Попробуй назвать мое имя, — предложил Джош, — и Габриэля.

— Действуй, — велела Сигни Граффу, а затем долго и задумчиво смотрела на стоящих перед ней пленников.

— Вы свободны, — сказала она наконец и обратилась к конвоирам: — Вы тоже можете идти.

Солдаты пошли к выходу. Сигни скользнула взглядом по экранам и посмотрела назад, на униата и станционера, не отошедших от пульта ни на шаг.

— Найдите себе безопасное место. Сейчас заложим вираж, а потом, наверное, будет еще хуже.

2

Пелл: синяя секция, первый ярус; номер 0475; 01-00 ос; 13-00 дс

Время от времени у них возникало ощущение полета. В коридоре кое-кто стонал от страха, но хиза, сгрудившиеся возле Солнце-Ее-Друг, делали все от них зависящее, чтобы Спящая могла помочь Нижней, по крайней мере чтобы она не погибла сама. Даже Великое Солнце был потрясен настолько, что спотыкался на своей тропе, даже звезды над ложем дрожали от страха.

— Нет бояться, — шептала старая Лили, вода ладонью по лбу Спящей. — Нет бояться. Видеть sny мы безопасно, безопасно.

— Лили, включи звук, — попросила Спящая, с неизменным спокойствием глядя на подругу. — Где Атласка?

— Я здесь. — Атласка протолкалась поближе к Спящей. Из кома посыпались вопли и визг. Кто-то командовал сорванным голосом, тщетно пытаясь навести порядок.

— Это центральная, — сказала Спящая. — Слушай, Атласка... Все слушайте. Они убили Джона... разгромили контрольный центр. Они идут...

— Не пройти здесь! — решительно заявила Лили.

— Атласка, — промолвила Спящая, глядя на дрожавшие звезды, — я опишу тебе дорогу. Все повороты, все закоулки. Надо запомнить. Ты сможешь запомнить все-все?

— Я — рассказчица! — с жаром ответила Атласка.

— Я хорошо запомнить, Солнце-Она-Друг.

Внимая Спящей, она холодела от страха, но память ее впитывала каждое слово, а воображение ярко и со всеми подробностями рисовало коридоры, туннели и лестницы.

В конце концов Спящая отпустила ее:

— Ступай.

Вскочив, Атласка позвала Синезуба и остальных, — всех хиза, кто мог услышать ее голос, — и повела за собой.

3

«Норвегия»; 01-30 ос; 13-30 дс

Затрещал ком; на экране дальнего скана, секунду

назад пустовавшем, появилась целая стая ярких образов. «Норвегия» плотнее прижалась к дуге расчетного курса. Сигни, лежавшую на диване, притиснуло боком к пультам; во рту возник привкус крови. В проходе, на полпути к двери, что было сил вцепились в скобы Толли и Константин. Спустя мгновение они оторвались и заскользили по полу.

— Говорит «Норвегия». Говорит «Норвегия». Униаты, не стреляйте. Не стреляйте. Если вам нужен Пелл, следуйте за мной.

Наступила неизбежная пауза — сигнал шел к противнику.

— Мы вас слушаем.

Слова, но не выстрелы!

— Это Мэллори с «Норвегии». Я готова перейти к вам, слышите? Идите за мной на причальной дистанции. Я приведу вас в систему Пелла. Мациан намерен взорвать станцию и бежать на Солнечную. Операция уже началась. У меня на борту ваш агент Джошуа Толли и молодой Константин. Промедлите — потеряете станцию. Откажетесь от моей помощи — ваш противник получит базу на Земле.

Несколько минут другая сторона хранила гробовое молчание. Освещенная консоль боекомпа гудела в ожидании схватки.

— Это Азов с «Единства». «Норвегия», что вы предлагаете? И почему мы должны вам верить?

— Мы дезертировали. Вы об этом наверняка уже слышали. Я приведу вас к нам в тыл. «Единство» и все остальные униаты, идите в большом отрыве от меня. Мациан не намерен давать бой ни здесь, ни где-либо поблизости. Не может себе этого позволить, ясно?

На этот раз тишина продлилась еще дольше.

— Мы под прицелом, — сообщил оп скана.

— Как можно круче вираж, мистер Графф.

«Норвегия» скользила по краю гибели. На предельной скорости «Норвегия» спокойно и уверенно описывала дугу, казавшуюся бесконечной. Сигни знала: униаты идут за нею след в след, выжимая из двигателей максимальную тягу и мечтая уничтожить Мациана или хотя бы Мэллори.

— Скан предупреждает: возможно столкновение, — доложил ей и Граффу спокойный голос.

Дальний скан покрылся золотистыми и зелеными крапинками, показывающими расположение кораблей, как его запомнил комп. Ближнерейсовики. Ком ловил их переговоры, вернее, визгливую перебранку; с каждой минутой в ней все явственней слышалась паника.

Графф проложил курс между ними. «Норвегия» ринулась в щель по рассчитанной компом прямой, затем красный луч ее новой траектории опять нацелился на Пелл. Униаты ринулись следом, и, хотя ни один из них не задел медлительный, как черепаха, фрахтер, Сигни услышала дружный вой насмерть перепуганных купцов.

«НОРВЕГИЯ»... «НОРВЕГИЯ»... «НОРВЕГИЯ»... — торопливо посылал в эфир ее ком, и, если рейдеры Сигни уцелели, они должны были поспешить на этот призыв.

Зеленые и золотистые крапинки сменились почти непроницаемым красным туманом. Комп протестующе завыл: «Норвегия» приближалась к станции слишком быстро, и фрахтеры, конечно, не успели разбежаться с ее пути. К тому же корабли Мациана покинули доки. «Европа», «Индия», «Атлантика», «Африка», «Тихий океан»...

— Где «Австралия»? — крикнула Сигни Граффу, не получив опознавательного сигнала Эджера. — Будь осторожен.

Графф, должно быть, услышал, но ему было не до разговоров. Флот сбился в стаю и шел на «Норвегию» в лоб. Все рейдеры состыкованы — матки

подготовлены для прыжка. «И на том спасибо!» — мелькнуло в голове Сигни.

— Мэллори! — взревел ком голосом Мациана. Графф тоже услышал и бросил «Норвегию» в тошнотворный вираж; гравитация взбесившимся псом набросилась на людей, а боекомп, не теряя ни секунды, взял новую цель. «Норвегия» дала залп по «Европе» и получила сдачи; от удара зашел корпус.

Внезапно огонь противника перенесся за корму: изголодавшиеся по целям униаты ринулись наперез Мациану, чтобы остановить его любой ценой, даже ценой собственной жизни.

— Выходим! — приказала Сигни по шлемокому, не видя никакой выгоды для себя в этой драке, и «Норвегия» круто повернула нос. Впереди висели Пелл и Нижняя — рукой подать, если ты летишь на окосветовой...

Завывали сирены. «Норвегия» сворачивала. Комп снова и снова прокладывал смертельно опасную дугу курса.

В нижней части экрана появился летящий навстречу образ планеты. «Норвегия» не уходила — не могла уйти — со своего курса. На ее пультах ярились красные лампы, верещали сирены. Столкновение с планетой казалось неизбежным.

Внезапно образ на скане рассыпался — к «Норвегии», построившись в круг, летели ее рейдеры.

«НОРВЕГИЯ»... «НОРВЕГИЯ»... «НОРВЕГИЯ»... — вспыхивало на экране компа.

— Держись! — крикнула Сигни Граффу, перекрывая гул голосов на мостике. Комп, управляющий маневром, подстегнул двигатели, и корабль припустил быстрее, надрываясь от сверхперегрузки. Люди на его борту корчились от чудовищной боли. Пять или шесть секунд длился этот неопишеский кошмар, затем «Норвегии» пришлось резко затормозить — сквозь игольное ушко рейдеров на нее в лоб понеслась «Австралия». Своих рейдеров у «Австралии» не было. А может, и были, но она их не выпустила.

— Заградительный огонь! — скомандовала Сигни, глотая кровь из прокушенной губы. Панически запыхали экраны, экипаж рейдероносца приготовился встретить смерть... При такой огромной скорости кораблю не сойти с курса, а если слишком резко сбросить ее, в «Норвегию» вцепится тяготение планеты. Остается лететь по дуге, надеясь не врезаться в Нижнюю, «Австралию» или один из собственных рейдеров. Шансов примерно пятьдесят на пятьдесят...

Повинуясь команде Граффа, «Норвегия» резко клонула носом; верхние батареи дали залп, и впритирку с ними пронеслась «Австралия». Магнитный удар свел с ума бортовые приборы, корпус корабля содрогнулся и застонал.

— Где она? — крикнул Графф скантеху. Сигни вновь куснула губу и поморщилась от боли. Скан затянуло золотистым маревом. Вероятно, «Австралия» сбросила мусор, а может, и впрямь взорвалась... Как бы то ни было, Сигни не отменила приказ. «Норвегия» по-прежнему сбрасывала скорость.

— Похоже, Эджер потерял плоскость, — поступил доклад с рейдера.

Так ли это, выяснить было нельзя — «Австралия» уже появилась на дальнем скане. Выходит, она действительно сбросила хлам...

— Построиться, — скомандовала Сигни рейдерам с облегчением. Если Эджер в самом деле потерял плоскость, он не решится на новую атаку.

— Они разгоняются для прыжка! — вскричал ком незнакомым голосом с чужим акцентом. Голосом униата.

И в этот миг желудок Сигни сковало холодом. Ничего уже не воротить. «Надо все доводить до

конца, — учил Мациан, сколько она его помнила. — Никаких полумер».

Она откинулась на спинку дивана. На борту «Норвегии» царил безмолвие.

Пелл: синяя секция, первый ярус; номер 0475

Осталась одна Лили. Взгляд Алисии Лукас-Константин прошелся по стенам и остановился на небольшом пульте, утопленном в пластиковой белизне кровати. Автономное питание, две лампочки: красная и зеленая. Сейчас горела красная. Экранчик возле нее показывал цифру 414.

Подача энергии — под угрозой. Вероятно, Лили об этом не знает. Она научилась управлять машинами, но не имеет ни малейшего представления о том, что происходит у них внутри. Глаза старой низовки все так же спокойны, рука, глядящая Алисию по голове, все так же ласкова. Сочувствие старой туземки — все, что осталось у Спящей.

Наследие Анджело — механические создания вокруг Алисии — оказались такими же живучими, как и ее мозг. По-прежнему экраны обменивались изображениями, по-прежнему насосы качали кровь по венам Алисии.

На маленьком пульте была еще кнопка выключателя. Если попросить, Лили нажмет ее, ни о чем не подозревая. Но это слишком жестоко, ведь Лили так верит в нее.

Алисия молчала.

«Норвегия»

Дэймон осторожно покинул свое убежище и, пошатываясь от головокружения, двинулся к Мэллори мимо пультов и техов. Ему досталось, похоже, сильнее всех на мостике «Норвегии»: на руке ссадины, ноют шейные позвонки. Сигни, сидевшая за командирским пультом, повела в его сторону ледяным взглядом, затем развернулась к нему и едва заметно кивнула.

— Ну что ж, вы получили, чего хотели. Уния в нашем тылу. Теперь ей незачем выслеживать Мациана, она точно знает, куда он направился. Бьюсь об заклад, униаты намерены оборудовать на Пелле свою базу, так что не сомневайтесь, мистер Константин: они спасут вашу станцию. А для нас теперь самое время сматывать удочки.

— Вы обещали отпустить меня, — негромко напомнил Дэймон.

Ее глаза потемнели.

— Не перегибайте палку. Может быть, я посажу вас и вашего униатского дружка на какой-нибудь фрахтер, если сочту выгодным, понятно?

— Мой дом... — произнес он, подыскивая аргументы. Но голос дрожал, разрушая логические построения. — Моя станция... Я обязан вернуться.

— Никуда вы не обязаны возвращаться, мистер Константин.

— Дайте мне с ними поговорить. Может, я склоню Унию к перемирию, и мы сможем подойти. Я знаю всю станционную аппаратуру, могу наладить машины в контрольном центре. Техи, наверное, погибли. Ведь они погибли, да?

Она отвела взгляд и склонилась над клавиатурой. Умерив гнев, Дэймон наклонился и оперся рукой на подлокотник дивана — Сигни уже не могла делать вид, будто не замечает его. К ней приблизился десантник и застыл в ожидании приказа.

— Капитан, вы уже сделали очень много. Я вас прошу... Вы офицер Компании. В прошлом. В

последний раз... В последний, капитан. Отвезите меня на Пелл. Я добыю, чтобы вас отпустили беспрепятственно. Клянусь.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Сигни пошевелилась.

— Вы предпочитаете позорное бегство? — спросил Дэймон. — Или все-таки достойный уход?

Она повернулась, и Дэймон с трудом выдержал ее взгляд.

— По-вашему, это увеселительная прогулка?

— Отвезите меня обратно, — повторил он. — Пока не поздно. Сейчас или никогда. Иначе я смогу только пожалеть, что остался жив.

Сигни сжала губы и просидела несколько секунд неподвижно, как статуя, пристально глядя на него.

— Ладно, попробую. Но не ждите от меня слишком многого. Если они воспользуются вашим перемирием, чтобы... — Она опустила ладонь на обтянутый кожей подлокотник. — Этот корабль — мой, понимаете? Все эти люди... Я служила Компании. И они. И вряд ли Уния согласится отпустить нас на все четыре стороны. То, о чем вы просите, может привести к сражению возле вашей драгоценной станции.

Станционер, я не хочу лезть в петлю. Я не войду в док Пелла. Никогда. И никто из наших не войдет. Безопасных портов не осталось. Графф, рассчитай скрытый курс до Пелла.

Дэймон выпрямился. Из динамика кома доносились голоса. «Норвегия» сообщала униатскому флоту, что идет к станции. Униаты, похоже, не возражали.

Сзади к плечу Дэймона прикоснулась чья-то рука. Он оглянулся на Джошу.

— Извини, — сказал Джош.

Дэймон кивнул. Он не таил зла, ведь Джошу не приходилось выбирать.

— Да, вы им нужны, — сказала Мэллори Дэймону. — Мы договорились о выдаче.

— Я готов.

— Глупец, — процедила Мэллори. — Неужели вы надеетесь, что вам не промоют мозги?

Дэймон подумал об этом. Вспомнил, как Джош сидел перед ним за столом и просил бланки, чтобы закончить начатую на Расселе процедуру. Через это можно пройти. Джош прошел.

— Я готов, — повторил он.

Мэллори нахмурилась.

— Что ж, поступайте, как вам подсказывает рассудок, — сказала она, — пока он способен вам что-то подсказывать. — И сообщила в микрофон: — Это Мэллори. Капитан, мы предпочитаем остаться в стороне.

Наступила тишина — униаты не спешили с ответом. На скане показался Пелл, около него кружили корабли. Один, похоже, уже причалил. Дальний скан показывал рассеянные возле шахт золотистые и красные пятнышки — ближнерейсовики; вдаль, на самом краю поля, одиноко мерцал образ, оставшийся только в памяти компа. Пятнышки не двигались, если не считать четырех самых близких — они подбирались к «Норвегии» с разных сторон. Внезапно они сбросили скорость и легли в дрейф.

— Это Азов с «Единства», — заговорил ком. — Капитан Мэллори, можете войти в док и высадить пассажира. Народ Унии разрешает вам стыковку с Пеллом и благодарит за ценную услугу. Предлагаем службу на флоте Унии. Если согласитесь, мы оставим вам оружие и личный состав. Прием.

— Это Мэллори. Какие гарантии вы дадите моему пассажиру?

К ней наклонился Графф, подняв указательный палец. Что-то лязгнуло о борт «Норвегии». Дэймон рассеянно посмотрел на скан.

— Стыковка, — шепнул ему Джош. — Мэллори собирает рейдеры. Как только закончит, разгонится для прыжка...

— Капитан Мэллори, — заговорил Азов, — у меня на борту представитель Компании. Он приказывает вам принять наши условия.

— Эйрис? — спросила она. — Пошел он к дьяволу со своими приказами. Азов, за свою услугу я хочу право стоянки в портах Унии и чистые документы. Иначе мой драгоценный пассажир отправится на прогулку за борт.

— Эти нюансы можно обсудить позже. На Пелле сложилась катастрофическая ситуация, могут погибнуть люди.

— У вас есть опытные комптехи. Неужели они не способны наладить аппаратуру?

Новая пауза.

— Капитан, вы получите все, что хотите, в том числе и чистые документы, только будьте любезны войти в док под нашей охраной. На станции возникли осложнения, организован саботаж. Туземцы требуют Константина.

— Низовики! — воскликнул Дэймон, с ужасом вообразив хиза под прицелом униатских ружей.

— Капитан Азов, уберите ваши корабли подальше от станции. «Единство» может остаться в доке. Если кто-нибудь зайдет мне в хвост, я расстреляю его без предупреждения.

— Согласен, — ответил Азов.

— Безумие, — пробормотал Графф. — Ну что за выгода нам от всего этого? И с каких это пор униатам можно верить?

Мэллори промолчала.

ГЛАВА V

1

Пелл: белый док; 1/9/53; 04-00 ос; 16-00 дс

Вместо докеров их обслуживали униатские солдаты в зеленых робах. Дэймон спустился по трапу вслед за десантниками с Норвегии; точно такие же десантники охраняли подступы к «пуповине». Вдоль стены дока выстроились чужие десантники — униаты. Сквозь оцепление Дэймон направился к ним по захлапленному полу. Услышав за спиной возглас, он оглянулся.

Джош.

— Меня послала Мэллори, — сообщил Джош, догнав его. — Ты не против?

Дэймон кивнул, несказанно обрадованный тем, что он теперь не один. Джош достал из кармана ролончик пленки.

— Компьютерные ключи. Она сказала, могут пригодиться. Дэймон спрятал пленку в карман коричневой робы матроса Компании. Впереди его поджидал униатский эскорт — десантники в черных доспехах, украшенных серебряными бляхами. Подойдя к ним поближе, Дэймон поразился их красоте и сходству. Один к одному, как с конвейера.

— Кто они? — спросил он Джоша.

— Мой тип, — ответил он. — Но квалификационный уровень ниже.

Дэймон судорожно сглотнул. Униаты безмолвно обступили их и повели по доку на глазах у граждан Пелла, кучками стоявших тут и там. «Константин!» — доносились до Дэймона тихие возгласы. «Константин!» Кое-кто смотрел на него с нескрываемой надеждой. Дэймон опустил голову, понимая, как мало для надежды оснований.

Перед ним открывались картины разгрома — целые секции без единой лампы, испорчена канализация, в коридорах — трупы, откуда-то тянет гарью.

Казалось, гравитационное поле обезумело, и один Бог ведал, что творится в ядре, в системе жизнеобеспечения.

Они вошли в синюю секцию и, минуя шеренги униатских солдат, добрались до аварийной лестницы. Здесь тоже лежали мертвые; чтобы пробраться между ними, процессия была вынуждена растянуться гуськом. Долгое, утомительное восхождение к последнему ярус, и вот наконец они в зале, где сидят за пультами десантники в доспехах, а другие десантники стоят плечом к плечу.

Выше Дэймона и Джоша не пустили. Командир эскорта свернул в сторону и повел их в коридор финансовой службы. Там тоже оказалась небольшая толпа солдат и офицеров. Один из них, с лицом омоложденного, серебристой шевелюрой и большой коллекцией наград на груди, повернулся к вошедшим.

С дрожью омерзения Дэймон узнал человека, стоявшего за спиной этого военного. Дэйин Джекоби. А чуть дальше Эйрис с Земли.

Будь у Дэймона в руке пистолет, он пристрелил бы подонка, не колеблясь ни секунды. Но пистолета не было. Оставалось лишь сверлить Джекоби ненавидящим взглядом. А у того лицо пошло пунцовыми пятнами.

— Мистер Константин? — спросил офицер.

— Капитан Азов? — К этой догадке Дэймона подтолкнуло обилие знаков различия на мундире незнакомца.

Азов протянул руку. Дэймон неохотно пожал ее.

— Майор Толли? — сказал Азов, обмениваясь рукопожатиями с Джошем. — Рад вашему возвращению.

— Сэр, — прошептал Джош.

— Информация Мэллори заслуживает доверия? Мациан в самом деле ушел к Солнечной?

Джош кивнул.

— Вряд ли это уловка, сэр.

— Где Габриэль?

— Мертв, сэр. Застрелен мациановцами.

Азов мрачно покивал и снова посмотрел в глаза Дэймону.

— Вы уверены, что сможете восстановить порядок на станции?

— Попытаюсь, — пообещал Дэймон, — если пустите наверх.

— С этим придется обождать, — сказал Азов. — Прохода нет, туземцы наглухо заперли двери. Мы не знаем, что они там сломали и как намерены обороняться.

Медленно кивнув, Дэймон оглянулся на дверь перед крытой лестницей.

— Джош пойдет со мной, — потребовал он. — Больше никто. Можете пустить туда пехоту, но только после того, как я договорюсь с низовиками. Если начнется пальба, вы потеряете станцию, а вам это сейчас не очень выгодно, верно?

— Да, — признал Азов. — Нам это не выгодно.

Дэймон направился к двери, Джош не отставал от него ни на шаг. За их спинами из мегафона посыпались команды, и десантники послушно покинули лестницу, освободив дорогу парламентарам.

Верхняя площадка была свободна, дверь на первый ярус синей заперта. Дэймон сунул в паз карточку — безрезультатно. Зато удалось отпереть дверь вручную.

В главном и боковых коридорах вплотную друг к другу сидели низовики — сплошной бурый ковер. Завидев Дэймона, один из них вскочил, как ужаленный.

— Человек! — Как и многие его сородичи, он был изранен, ожоги сочились кровью. Хиза ринулись к Дэймону, окружили и протягивали к нему тонкие

руки, и дотрагивались, и тонкими голосами выкрикивали его имя. Он плыл в живом буром море, а Джош старался не отставать от него.

В контрольном центре низовиков было еще больше, чем в коридорах: они сидели на полу, на пультах, везде, где только смогли примоститься. Добравшись до двери, Дэймон постучал по пластиковому окошку. Хиза подняли головы, устремили в его сторону тоскливые темные глаза... И вдруг эти глаза засветились от счастья. Низовики вскакивали и с дикими воплями бросались к двери. Но сквозь пластик в коридор не проникало ни звука.

— Откройте дверь! — попросил Дэймон. Они не могли его услышать, но увидели, как он показал на кнопку — дверь была заперта изнутри.

Один из них отомкнул замок, и Дэймон шагнул в проем, навстречу объятиям и ласковым прикосновениям. Кто-то стремительно подлетел к нему, стиснул тонкими пальцами его руку и прижал к своей мохнатой груди.

— Я — Атласка, — зашептала, радостно скалясь, хиза. — Я глаза тепло-тепло, Константин-человек.

С другой стороны к нему протолкался Синезуб — все такой же, с улыбкой от уха до уха. Дэймон прижал его к себе.

— Твоя мать иди говорить, — зачастил Синезуб. — Она хорошо, Константин-человек. Она говорит, дверь запереть и сидеть здесь, нет уходить. Послать искать Константин-человек. Здесь все хорошо. Она делать все хорошо на Верхняя.

Тронутый до глубины души, Дэймон осторожно пробрался между мохнатыми телами к центральному пульту. Перед ним на полу лежали убитые люди, в том числе Джон Лукас с простреленной головой. Опустившись в кресло, Дэймон достал из кармана рундочик пленки и задумался.

Подарок Мэллори. Для Пелла. Для Унии. Эта лента может таить в себе какую угодно ловушку. Например, последний сигнал для взрывных устройств.

Наконец он решил и, стерев с лица пот, вставил кончик ленты в паз. Машина послушно втянула ее в себя. Цвета на консолях стали меняться, и вскоре возобладал зеленый. Хиза зашевелились. Дэймон поднял голову и увидел в темном стекле экранов отражения десантников с ружьями наизготовку. А перед ними спиной к Дэймону стоял Джош.

— Ни шагу дальше! — рявкнул Джош.

Солдаты остановились и опустили ружья — вероятно, их испугало выражение лица униатского го-мункула, а может быть, его голос. Как бы то ни было, они подчинились беспрекословно.

Дэймон вернулся к работе, но вскоре не удержался от нового взгляда на отражение.

— Нужен комтек, — сказал он. — Но не любой. Надо выступить по каналам общей связи. Приведите сюда кого-нибудь с пелльским акцентом. Все будет в порядке. Мациановцы частично уничтожили банки данных. Но это не так уж страшно.

Адреналин, на котором Дэймон держался до сих пор, уже не действовал. Руки тряслись. Повернув голову, он увидел, как за ком усаживается униатский тех.

— Нет, — сказал он, поднимаясь и направляясь к кому.

Десантники взяли его на прицел.

— Отставить! — скомандовал Джош, и офицер в доспехах заколебался. Затем Джош и сам повернул голову и отступил. В дверях стоял Азов со свитой.

— Личное обращение, мистер Константин?

— Я хочу вызвать ремонтников, — ответил Дэймон. — Они отреагируют только на знакомый голос.

— Не сомневаюсь, мистер Константин. Но — нет.

Не подходите к кому. Пусть этим занимаются наши техи.

— Сэр, — спокойно произнес Джош, — разрешите обратиться.

— По этому вопросу — нет, — отрезал Азов. — Напоминаю, мистер Константин: вы работаете негласно.

Глубоко вздохнув, Дэймон вернулся к пульту и медленно сел. В центр управления входили все новые десантники. На пультах и у стен встревоженно шепетали хиза.

— Уберите отсюда этих существ, — потребовал Азов.

— Граждан, — поправил Дэймон, поворачиваясь вместе с креслом к командующему униатским флотом. — Граждан Пелла.

— Кем бы они ни были, им здесь не место.

— Пелл, — заговорил ком голосом Мэллори, — готовьтесь. Я отчаливаю.

— Сэр... — оглянулся на Азова униатский комтек. Азов жестом велел ему умолкнуть. Дэймон потянулся к кнопке тревоги, но сразу отдернул руку, увидев, как вскинулись ружья. Азов подошел к кому.

— Мэллори, я бы не советовал вам трогаться с места.

Последовала секундная пауза.

— Азов, — вкрадчиво произнесла Сигни, — когда-то мне казалось, что в Глубоком жульничестве не в чести.

— Капитан Мэллори, вы теперь командир боевого корабля униатского флота и обязаны подчиняться моим приказам. Так вот: либо вы подчиняетесь, либо считаетесь мятежником.

Снова пауза — на этот раз изрядная. Азов нервно покусывал губу. Не выдержав, протянул руку и нажал несколько клавиш на пульте кома.

— Капитан Майс, «Норвегия» оказывает неповиновение. Подведите свои корабли поближе. — Затем по каналу Мэллори: — Или вы немедленно подчинитесь, или останетесь без единого порта. Можете, конечно, оторваться и прыгнуть, но тем самым вы поставите себя вне закона. В территориальном космосе Унии вы будете целью номер один. Выбирайте: или вы с Мацианом, или с нами против него.

— Под вашим командованием?

— Выбирайте, Мэллори: амнистия или удел затравленного зверя.

В ответ Сигни сухо рассмеялась.

— Долго ли я прокомандую «Норвегией», если пушу униатов к себе на борт? И долго ли проживут после этого мои офицеры и даже солдаты?

— Мэллори, думайте, что хотите. Соглашайтесь или отказывайтесь.

— Вспомните свои обещания, — посоветовала Сигни.

— Станция Пелл, — вмешался вдруг незнакомый Дэймону голос. — Это «Молот». У нас контакт. Станция Пелл, вы слышите?

Затем — другой голос:

— Станция Пелл, это торговый флот. Говорит Квин с борта Эстели. Мы идем к вам.

Дэймон глянул на экран компа, быстро заполняющийся новыми данными, и увидел посланный два часа назад, но только сейчас долетевший до станции сигнал. Элен! Живая! И с торговцами!

Он решительно направился к кому, и даже стволу, упрежнему в живот, не удалось его остановить. Дэймона запросто могли пристрелить — ведь самое главное он уже сделал. Он оглянулся на Джоша. Вероятно, все это время Элен не отходила от кома. Четыре часа назад Пелл начал рассылать сигналы бедствия, а два часа назад Элен вернулась в зону действия его дальнего скана. Сейчас она задаст

вопрос, и если не услышит знакомых голосов, то наверняка повернет.

Один из униатов посмотрел на скан, затем и остальные, встревоженные выражением его лица. Только что на экране мерцал один-единственный образ, и вдруг скан выхватывает из пустоты целое облако, поток, рой, неисчислимую орду торговцев, надвигающуюся на Пелл. Дэймон привалился к пультам животом и стал ждать, не отрывая глаз от экрана. По его лицу расплзалась улыбка.

— Они вооружены, — сказал он Азову. — Капитан, это дальнерейсовики, и они вооружены.

Лицо Азова окаменело. Он схватил микрофон и нажал кнопку передачи.

— Это Азов, капитан флагмана «Единство», командующий флотом Унии. Пелл находится в зоне боевых действий. Приближаться не советую, это небезопасно. Ваши корабли будут встречены огнем.

Замигала лампочка тревоги, за ней другая, и спустя несколько секунд по всему контрольному центру рассыпались красные огоньки.

Дэймон смотрел на них и чувствовал, как ускоряется биение его сердца. Десантник возле кома застыл в оцепенении, и Дэймон решился.

— «Норвегия», — крикнул он, ударив по переключателю каналов. — Оставайтесь на месте. Это Константин. Оставайтесь на месте.

— Центр Пелла, доводим до вашего сведения, что боевые корабли разделяют ваших торговцев под орех и не посмотрят, что они вооружены. Но если купцам нужна помощь профессионалов, пусть они обратятся к нам, — ответили с «Норвегии».

— Повторяю, — раздался искаженный расstonяним голос Элен. — Мы идем к докам. Ваше предупреждение получено. Торговый Альянс требует немедленно освободить Пелл и прекратить посягательства на его нейтралитет. Уверены, что требование будет выполнено. Предлагаем немедленно начать переговоры. В противном случае каждый фрахтер Альянса покинет территориальный космос Унии и уйдет к Земле. Сомневаемся, что такой вариант устраивает всех участников конфликта.

Наступило молчание и затянулось на добрую минуту. Азов глядел на экран, где образы кораблей множались, как бактерии чумы. «Молот» уже не отличался от остальных купцов, затерялся среди краснеющих блесток.

— Нам есть что обсудить, — сказал Азов.

Дэймон набрал полную грудь воздуха и медленно выпустил его.

2

Пелл: красный док; 1/9/53; 05-30 ос; 17-30 дс

В сопровождении вооруженных торговцев Элен спустилась в док, где возле шеренги униатов ее дожидались Дэймон и Джош. Беременность не позволяла ей идти быстро, и Дэймон, не вытерпев, пошел навстречу, опасаясь выстрелов с обеих сторон. Настороженные охранники тотчас взяли его на прицел, и он остановился на открытом месте.

В этот миг Элен увидела его и, просясь, дала команду свите. Кольцо телохранителей разорвалось, пропуская Дэймона к жене.

Она вернулась. Сошла с зыбкой палубы корабля на устойчивый, как земная твердь, пол станции. Привела своих. Тревога и сомнения, таившиеся в закоулках мозга, исчезли, едва Дэймон увидел ее лицо. Они обнялись так крепко, что Дэймон испугался за ребенка. Они стояли в блеске металла, в окружении целой орды вооруженных купцов, и Дэймон наслаждался ее запахом, ее реальностью и покрывал ее лицо поцелуями, понимая, что у них нет

времени поговорить, расспросить друг друга... Нет времени ни на что.

— Пришлось дать порядочный крюк, чтобы вернуться, — прошептала она.

Он тихо рассмеялся, дикими глазами озирая торговцев и униатов, но тотчас взял себя в руки.

— Знаешь, что здесь случилось?

— Кое-что знаю, может, почти все. Мы ждали в Глубоком, пока не осталось выбора. — Она содрогнулась всем телом и снова прижалась к мужу. — Решили уже, что все пропало. Но Мациан вдруг ушел, и мы бросились сюда. Дэймон, униаты здорово влипли. Им необходимо идти на Солнечную, а терять корабли в стычках с нами — непозволительная роскошь.

— Скорее всего, ты права, — кивнул он. — Но не уходи из дока. Что бы тебе ни обещали, что бы ни предлагали, стой на своем: переговоры ведутся в доке, и баста. Никаких кабинетов. Азов бы дорого дал за возможность изолировать тебя от торговцев. Не верь ему.

— Ясно. Не бойся, Дэймон, я не дам ему спуска. В нынешней ситуации нам нужен нейтральный порт, и Пелл вполне подходит. Мне кажется, Пелл не станет возражать.

— Да, — подтвердил Дэймон. — Но прежде он займется уборкой.

— Корабль «Молот», — мягко, но решительно произнесла Элен, одной рукой опираясь на стол, поставленный посреди дока и окаймленный полукружьем торговцев и полукружьем военных, — придется возратить семье Ольвигов. «Лебяжье око» тоже извольте вернуть владельцам. И остальные торговые корабли, реквизированные для военных нужд Унии. Особенно нас возмутил захват и метод использования «Женевьевы». Сэр, вы освободите корабли своей властью. Иначе — эмбарго.

— Ваша организация не признана Унией, — возразил Азов.

— А уж этот вопрос, — вмешался Дэймон, — предоставьте решать правительству Унии. Пелл признает Торговый Альянс и считает его делегацию полномочной, а Пелл, капитан, это независимое государство, согласно договору, предоставляющее вам свои доки. Но мы можем и расторгнуть договор, хотя не видим в этом никакой выгоды, ведь у нас с вами общий враг... Допустим, вы оккупируете Пелл, но в этом случае вы надолго увязнете на нем. Едва ли вы заинтересованы в этом.

Офицеры, сидевшие напротив Дэймона, дружно нахмурились.

— Мы заинтересованы, — произнес Азов, — чтобы эта станция не превратилась в оплот Мациана. Без нашей защиты, мистер Константин, вы недолго продержитесь.

— У нас общий враг, — холодно повторил Дэймон. — Обещаю, что Пелл не пустит в свои доки ни один мациановский корабль. Они вне закона.

— Мы оказали вам услугу, — сказала Элен Азову. — Наши фрахтеры уже летят к Солнечной, и один из них наверняка опередит Мациана. Солнечная успеет подготовить встречу.

У Азова расслабились лицевые мышцы. Губы посланника Эйриса, сидевшего рядом с ним, растянулись в улыбке, а на глазах заблестели слезы.

— Благодарю вас! — с чувством произнес Эйрис. — Капитан Азов, я бы предложил закончить переговоры и действовать.

— Пожалуй, вы правы. — Азов отодвинулся от стола вместе с креслом. — Станция вне опасности. Здесь наше дело сделано. Время не ждет. Если Земля готовит преступникам теплую встречу, с нашей стороны будет весьма разумно ударить по ним с тыла.

— Пелл, — спокойно пообещал Дэймон, — охотно поможет вам расстыковаться. Что же касается присвоенных вами купеческих кораблей... Чем быстрее они придут сюда, тем лучше.

— На них наши экипажи.

— Заберите свои экипажи. Эти корабли — собственность торговцев, и они останутся здесь. Как и Джош Толли. Он гражданин Пелла.

— Нет. Своего человека я вам не отдам.

— Джош, — Дэймон нашел взглядом Джоша, стоявшего среди униатских солдат, — что скажешь?

Джош молча посмотрел мимо Дэймона, вероятно, на Азова, затем опустил голову.

— Заберите своих десантников и улетайте, — сказал Дэймон Азову. — Если Джош решит остаться, значит, быть посему. Отныне вы будете входить в наши доки только с разрешения управляющего станцией. Советую согласиться на эти условия.

Азов поморщился, но все-таки махнул рукой командиру эскорта, и тот приказал десанникам построиться. Они направились к закругленной стене синего дока, где стояло на приколе «Единство».

А Джош остался. Один. Приблизившись, Элен неловко обняла его, а Дэймон хлопнул по плечу.

— Побудь здесь, — попросил Дэймон жену. — Мне надо расстыковать униатский корабль. Джош, пойдем.

— Позаботьтесь о Нейхартах, — сказала Элен торговцам, стоявшим рядом с ней. — Чтобы никто не помешал им дойти до контрольного центра.

Дэймон, Джош и торговцы двинулись следом за униатскими десантниками, свернули в сквозной коридор и пустились бегом мимо отворенных дверей, мимо изумленных резидентов, толпящихся в проемах. Некоторые кричали и размахивали руками, встречая ликованием эту последнюю, торговую, оккупацию. «Наши! — завопил кто-то. — Это наши!»

На спиральной аварийной лестнице их дожидались низовики; вся лестница содрогалась от их прыжков и восторженного визга; доносились и крики людей — радостная весть переносилась с яруса на ярус. Дэймону встретилось несколько униатов, получивших по шлемокомам приказ вернуться на борт. И наконец первый ярус синей. Низовики уже заполнили центральную, поджидая людей у раскрытых во всю ширь дверей.

— Вы друзья все? — воскликнул Синезуб.

— Все в порядке, — поспешил его успокоить Дэймон и сквозь толпу нетерпеливо приплясывающих коричневых существ пробрался к главному пульта. Усевшись, он оглянулся на Джоша и торговцев. — Кто-нибудь из вас знаком с этой техникой?

Джош опустил в соседнее кресло. Один из Нейхартов расположился за компом, его родственник — за вторым компом. Дэймон подключился к кому.

— «Норвегия», — проговорил он, — разрешаю вам отчалить первой. Уверен, что вы уйдете без эксцессов. Нам с вами осложнения ни к чему.

— Благодарю вас, Пелл, — сухо ответила Мэллори.

— Ну так поторопитесь. Пусть вас расстыкуют ваши десантники. Когда все уляжется, можете вернуться и высадить их. Согласны? Мы их не тронем.

— Станция Пелл, — вмешался голос Азова, — вы обещали не давать стоянки мациановцам. Этот корабль — наш.

Дэймон улыбнулся.

— Нет, капитан Азов. Этот корабль — наш. Мы — суверенное государство и содержим полицию. «Норвегия» — боевая единица Флота Нижней.

— Константин! — голос Мэллори едва не дрожал от гнева.

— Капитан Мэллори, расстыкуйтесь и отойдите. Вернетесь, когда флот Унии покинет наше про-

странство. Вы в составе нашего флота и должны выполнять мои приказы.

Наступила тишина.

— Приказ ясен, — ответила наконец Сигни. — Выполняю. Мы отойдем и развернем рейдеры. «Единство», постарайтесь проложить самый прямой курс из системы Пелла и передайте мой привет Мациану.

— Станция Пелл, — произнес Азов, — за это решение придется расплачиваться вашим торговцам. Вы предоставляете убежище разбойничьему кораблю. Разве вы забыли, как он грабил купцов?

— «Единство», унесите отсюда хвост, — огрызнулась Мэллори, — и скажите мне спасибо за то, что Мациан не ударит вам в спину. Он не войдет в доки Пелла, пока я здесь.

«Норвегия» отчалила.

3

Система Пелла

— Вы тоже? — уныло осведомился Бласс.

Витторио повесил на плечо тощую сумку со своими пожитками и, цепляясь за скобы, неуклюже поплыл в воздухе следом за экипажем «Молота». В узкой «пуповине» было холодно и сумрачно. Корпусу корабля передавалось содрогание приемной трубы шаттла.

— Едва ли я могу выбирать, сэр, — ответил Витторио. — Да и не хочется встречаться с торговцами.

Криво улыбнувшись, Бласс миновал шлюз и исчез в черном зеве поджидającego корабля.

«Единство» уверенно набирало скорость. На мостике, обставленном уютной современной мебелью и усталым коврами, сидели Эйрис и Джекоби. Цельный иконостас экранов пестрел цифрами и схемами, уведомляя пассажиров о курсе корабля.

Наконец Азов нашел время показаться перед пассажирами на одном из экранов.

— Как настроение? — спросил он.

— Возвращаемся домой, — ответил Эйрис. — Капитан, я хочу вам кое-что посоветовать. Сейчас у Солнечной и Унии больше общих интересов, чем когда-либо прежде. Вам все равно придется посылать курьера на Сытин, так почему бы не отправить с ним предложение о сотрудничестве на время военных действий?

— У вашей стороны нет интересов во Внеземелье, — возразил Азов.

— Капитан, смею вас уверить, эти интересы вот-вот появятся, и тогда у нас окажется огромное преимущество, поскольку Уния, в отличие от Торгового Альянса, не спешит предложить Земле свою защиту. Купцы уже отправили на Землю посланника. Так что у Солнечной весьма широкий выбор, не правда ли? Торговый Альянс, Уния или Мациан. Предлагаю обдумать мои слова и, быть может, даже переписать договор. Похоже, ни я, ни вы не уполномочены решать судьбу Пелла. И мне бы очень хотелось рекомендовать вас моему правительству как дальновидного и мудрого дипломата.

Придя в синюю с громадной толпой торговцев, Элен остановилась в проеме изуродованного контрольного центра. Низовики опасливо расступились перед ней, только Синезуб и Атласка, знавшие Элен в лицо, с восторгом кинулись навстречу. Дэймон взял жену за руку, подвел к компу, усадил возле Джоша и уселся рядом.

— Только что связались с Нижней, — сказал Дэймон жене. — С главной базы к нам обратился за

помощью покалеченный разведчик. А еще была передача откуда-то из леса. Оператор сказал, Эмилио и Милико живы и на свободе. Проверить это невозможно, там черт-те что творится, но, похоже, нашим в самом деле удалось укрыться. Надо бы отправить туда шаттл с врачами.

— Нейхарт. — Элен оглянулась на свою свиту. Рослый торговец кивнул.

— Слетаем, о чем разговор.

ГЛАВА VI

1

Пелл: первый ярус зеленой секции; 1/29/53;
22-00 ос; 10-00 дс

Они собрались в дальней части ресторана зала, где ширмы, расставленные на расстоянии друг от друга, создавали иллюзию обособленности. Застолье выглядело необычным даже для Пелла. Перед блестящим экраном видеокамеры держались за руки Дэймон и Элен (он хотел, чтобы в этот вечер Элен была с ним, как прежде на семейных вечерах Константинов, а мать прийти в ресторан не могла). Слева от них сидел Джош, справа Эмилио и Милико, а за ними несколько низовиков. Напротив Дэймона расположились торговец Нейхарт и Сигни Мэллори; ее вооруженный эскорт устроился в тени ширм.

А вокруг звучала музыка, и по стенам в медлительном танце двигались звезды и корабли. Совсем как прежде... Впрочем, не совсем.

— Я уйду, — сообщила Мэллори. — Сегодня. Пришла проститься.

— Куда? — спросил Нейхарт со свойственной ему прямоотой.

— В те края, куда вашему новоиспеченному Торговому Альянсу не добаться. А у меня полные трюмы припасов, мне теперь сам черт не брат.

— Вы бы не улетали слишком далеко, — попросил Дэймон. — Говоря откровенно, я не верю, что Уния остановится на достигнутом. Мне бы очень хотелось знать, что вы под рукой.

Сигни невесело рассмеялась.

— Поставьте этот вопрос на рассмотрение совета. Но как бы ни проголосовали депутаты, ходить по коридорам Пелла без охраны я не рискну.

— И все же, — сказал Дэймон, — мы просим, чтобы вы находились поблизости.

— Не надейтесь, что выболтаю свой курс. Куда лететь — это мое дело. У меня есть несколько укромных местечек. И я исчезну надолго.

— А мы попробуем слетать на Викинг, — сказал Нейхарт. — Этак через месяцок. Поглядим, как нас примут.

— Что ж, это может быть интересно, — кивнула Мэллори.

— Ну, так удачи всем нам, — подвел итог Дэймон.

2

Пелл: синий док; 1/30/53; 01-30 ос; 13-30 дс

В разгаре дополнительной смены доки, не занятые торговцами, опустели почти полностью. Джош торопился: всякий раз, когда он появлялся в коридорах и доках Пелла без надежных спутников, его охватывала тревога, ощущение незащищенности, ведь в любой момент его могли узнать.

Низовики провожали Джоша темными глазами. У четвертого причала его явно узнали докеры, да и десантники на часах. Они направили на Джоша ружья.

— Мне надо поговорить с Мэллори, — сказал он.

Офицер был знакомый, Ди Янц. По его краткому

распоряжению один из солдат повесил оружие на плечо, указал на трап, ведущий к «пуповине», и последовал за Джошем в шлюз. Они прошли в экипировочный отсек, оттуда на лифте поднялись в центральный коридор, где тоже хватало деловитых военных, но уже не десантников, а офицеров и нижних чинов из экипажа. Знакомые звуки. Знакомые запахи.

Все привычное.

Она несла вахту в рубке. Десантник остановил Джоша у входа, но Мэллори, сидевшая в кресле у командного пульта и смотревшая в сторону двери, недоуменно подняла брови и жестом велела впустить гостя.

— Тебя Дэймон прислал? — спросила она, когда Джош остановился перед ней.

Он отрицательно покачал головой.

Она нахмурилась и положила — быть может, неосознанно — руку на пистолет, висевший на боку.

— Что же тебя привело в таком случае?

— Я подумал, тебе наверняка пригодится комп-тех, изучивший Унию изнутри.

Сигни рассмеялась ему в лицо.

— И способный выстрелить мне в спину?

— Я не ушел с униатами. Они бы переписали программу. Дали бы мне новое прошлое. И новое задание: возможно, диверсию на Солнечной. Не знаю. Но оставаться на Пелле я не могу. Станционеры знают меня в лицо. Да и не по душе мне на станциях. Неуютно.

— Пустяки. Еще одна промывка мозгов, и все будет в порядке.

— Нет. Я хочу помнить. Теперь у меня кое-что есть. Реальное. И я им дорожу.

— И все-таки норовишь убежать?

— Не навсегда.

— А ты говорил об этом с Дэймоном?

— Да, перед тем как пошел сюда. Он знает. Элен тоже.

Она откинулась на спинку дивана и, сложив руки на груди, с ног до головы ошупала его задумчивым взглядом.

— Почему «Норвегия»?

Он пожал плечами.

— Ты не намерена заходить на станции, верно? Только на эту.

— Верно. — Она чуть заметно улыбнулась. — Только на эту. Иногда.

— Корабль она уйти, — прошептала Лили, взирая на экраны и глядя Спящую по голове. Гигант отчалил от Верхней, развернулся и ринулся прочь. Его движения мало походили на движения других кораблей, посещавших станцию.

— «Норвегия», — произнесла Спящая название корабля.

— Один день, — сказала Рассказчица, вернувшись из главного коридора с целым ворохом легенд, — один день мы уйти. Константины дать мы корабли. Мы уйти, унести Солнце в мы глаза, нет бояться темнота, мы нет. Мы видеть много, много вещи. Беннет, он дать мы прийти здесь. Константин, он дать мы идти далеко, далеко, далеко. Мы весна вернуться. Я хотеть уйти далеко, делать я гнездо там... Я найти звезда и уйти.

Глядя в бескрайнюю тьму, где странствовало Солнце, Алисия тихонько смеялась, и в ее голосе звучала нежность.

*Перевел с английского
Геннадий КОРЧАГИН*

САЙМАК, Клиффорд

(см. библиографическую справку в № 8, 1993 г.)
Гордон Р. Диксон. «Памяти Клиффорда Саймака»: «Клиффорд Саймак был незаурядным человеком; как внешность, так и поведение его были весьма необычны. Мягкий голос и тщательно подобранный костюм заставляли забыть о его нескладной фигуре и слишком широких плечах. Будучи ростом всего 5 футов 9 дюймов (175 см), он казался настоящим великаном и проявлял недюжинную силу и выносливость. Это, несомненно, помогло ему бороться с тяжелыми болезнями в последние годы жизни».

ДИКСОН, Гордон Р.

(см. библиографическую справку в № 4, 1993 г.)
По воспоминаниям самого Гордона Диксона, замысел и основная идея главного труда его жизни — цикла романов «Дитя» — родились внезапно в один из летних дней 1960 г. на Милфордской конференции по фантастике, где он присутствовал в качестве почетного гостя: «Все случилось внезапно. Я проснулся в восемь часов утра, побродил в задумчивости с полдня, после чего решил поговорить с Ричардом Маккенной. Мак обладал достоинством, которое обычно бывает у профессионалов, причем хороших, при обсуждении он как бы возвращает идею обратно автору, т. е. мне, не пытаюсь постичь ее сразу в деталях и в то же время не превращая какую-то ее часть в свой рассказ, опередив меня...» После трехчасовой дискуссии замысел был сформулирован так четко, что коррективы с тех пор почти не вносились.
Цикл «Дитя» является грандиозным и поистине уникальным по своему замыслу единым произведением, затрагивающим проблемы существования человечества как вида.
Замысел автора — создать три исторических романа в этом цикле (пока они существуют лишь в набросках). Это произведения о людях, сыгравших, по мнению Диксона, ключевые роли в развитии цивилизации: сэр Джон Хоквуд (XIV в.), Джон Мильтон (XVII в.) и Роберт Браунинг (XIX в.). Далее

будут следовать три романа о современности; завершат цикл книги о будущем, охватывающем период до XXIV в. Пока написано только девять произведений о будущем. По внутренней хронологии действия это: «Некромант» (1962 г.) «Тактика ошибки» (1971 г.) «Солдат, не спрашивай!» (1967 г.), «Дорсай!» (1959-1976 г.), два сборника рассказов «Дух Дорсай» (1979 г.) и «Потерянный Дорсай» (1980 г.), а также «Молодой Блейз» (1991 г.), «Окончательная энциклопедия» (1984 г.) и «Гильдия певцов» (1988 г.) Последний роман цикла, вероятно всего, будет называться «Дитя».

ПОЛ, Фредерик (RONL, Frederik)

Родился в 1919 г. в Нью-Йорке. Рос и учился главным образом в Бруклине (сначала — публичная школа, затем — техническое училище). В 17 лет участвовал в Первой Всемирной Конвенции Фантастов (Филадельфия), в 19 лет вместе с А. Азимовым, С. Корнблатом, Д. Найтом основал общество Футурианцев. В это же время начинает издавать и редактировать два НФ журнала: «Astonishing Stories» и «Super Science Stories», где публикует под разными псевдонимами и свои собственные произведения. После службы в ВВС США (1943-1945 гг.) долгое время был литературным агентом (в частности, А. Азимова). До 1969 г. издавал журналы «If» и «Galaxy». Под своим собственным именем публикуется с 1953 г. В это же время создал несколько произведений в соавторстве с С. Корнблатом («Торговцы космосом», 1953 г. — у этого романа есть продолжение «Война торговцев», 1984 г. — «Искать небо», 1954 г., «Гладиатор по закону», 1955 г., и др.). Рассказ «Встреча», написанный Ф. Полом и С. Корнблатом, завоевал премию «Хьюго» в 1973 г. Как правило, романы двух авторов — это остросоциальные сатирические произведения, ныне ставшие классикой жанра.
С 1954 по 1991 г. Фредерик Пол сотрудничал с Дж. Уильямсоном (самые известные их произведения — трилогия «Дитя звезд», 1969 г. и диалогия «Сага Кукушки», 1983 г.)
До начала 70-х г. рассказы самого Пола были более удачны,

чем его романы, однако после прекращения активной издательской деятельности он показал себя как талантливый романист. Первый роман, опубликованный им после этого, «Человек плюс», получил премию «Небьюла» 1976 года, второй — «Врата» — «Небьюла», «Хьюго» и мемориальную премию Дж. Кэмпбелла 1977 года. Затем он создает великолепный роман «Джем», а также «Годы города», «Восход черной звезды», «Мир в конце времени» и многие другие. Он пишет продолжение к «Вратам» (сейчас это цикл из 5 книг). В настоящее время продолжает активно работать.

МОРРЕССИ, Джон (MORRESSY, John)

Американский писатель. Родился в 1930 г. Ныне профессор английского языка в одном из колледжей Нью-Хэмпшира. Первая публикация — в 1971 г. — рассказ «Точность» в журнале «Fantasy & SF». Написал около десятка книг в жанре «космической оперы» — «Звездный мальчишка», «Закон для звезд», «Особняки в пространстве» и др., отличающиеся нестандартными сюжетами, продуманным описанием иных миров. В последнее десятилетие перенес свое внимание на фэнтези (сериалы «Железный ангел» и «Кедригерн»). В среднем выпускает роман в год.

ЧЕРРИ, Кэролин

(см. библиографическую справку в № 5 за 1994 г.)
Из энциклопедии НФ Ключа и Николлса: «Сюжетные линии взаимоотношений Союза и Альянса пока прослеживаются не до конца; однако все более понимаешь, что для Черри и Вселенная, и все, что происходит в различных ее уголках, — хрупко, неустойчиво и поистине является чудом. И еще понимаешь, что все существа, наделенные разумом и чувством, должны чтить образ жизни и обычаи тех мест, куда они могут быть брошены трагичными процессами роста и гибели рас во Вселенной. Черри в своих книгах старается предугадать проблему, пока она еще не стала реальностью».

Подготовил Андрей ЖЕВЛАКОВ

J. K. Lee

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Теодор
Старджон
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ЛЮДИ

Джордж
Макдональд
ЗОЛОТОЙ
КЛЮЧ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Филип
Плоджер
ДИТЯ
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Фрэнк
Херберт
СТАРЫЙ
ДОМ

ИНДЕКСЫ
ПОДПИСКИ
73118, 39801